

18+

ПЕРЕПЬЯ

БАЛЕРА ЖЕН

Валера Жен

Реверсия

«Издательские решения»

Жен В.

Реверсия / В. Жен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988294-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман «Реверсия» — вторая книга дилогии «Хроники скрытых преступлений». События происходят в конце 90-х годов прошлого века — в условиях обнищания и морального разложения общества. Криминал прочно закрепляется в государственных структурах, торговля и спекуляция становятся сферой деятельности большей части населения. Отчаяние и безысходность обретают устойчивый характер. Главные герои пытаются дистанцироваться от пошлой действительности, однако реальность лишает надежды на счастливые перемены.

ISBN 978-5-44-988294-3

© Жен В.

© Издательские решения

Содержание

ДИЛОГИЯ «Хроники скрытых преступлений». КНИГА ii	8
ПРОЛОГ	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	12
I	14
II	26
III	34
IV	53
V	59
VI	69
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Реверсия

Валера Жен

© Валера Жен, 2020

ISBN 978-5-4498-8294-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман «Реверсия» – вторая книга дилогии «Хроники скрытых преступлений». События происходят в конце 90-х годов прошлого века – в условиях политического кризиса, обнищания и морального разложения общества. Криминал прочно закрепляется в государственных структурах, торговля и спекуляция становятся сферой деятельности большей части населения. Нет ясных и четких перспектив развития страны, развеялись иллюзии о всеобщем процветании, отчаяние и безысходность обретают устойчивый характер. В самонадеянном стремлении к справедливости главные герои сами прошли криминальный путь, но не достигли душевной гармонии. В наивной конфронтации с коррумпированной властью пришло понимание собственного бессилия и невосполнимости моральных потерь. Делаются попытки дистанцироваться от пошлой действительности, однако реальность вламывается в личную жизнь, разрушает интеллектуальные построения, лишает надежды на счастливые перемены.*

Реверсия* (от лат. Reversio – возвращение, возврат) — то же что *атавизм*. Переход мутированного гена в исходный, дикий, тип (обратная, или возвратная, мутация). В данном случае применяется как аллегория.

ВАЛЕРА ЖЕН

РОМАН

ДИЛОГИЯ «Хроники скрытых преступлений». КНИГА ii

*Ненависть возбуждает раздоры,
Но любовь покрывает все грехи.
Библия. Книга притчей Соломоновых.*

*...и нельзя сказать: «это хуже того»,
ибо все в свое время признано
будет хорошим.
Библия. Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова.*

ПРОЛОГ

27 июня. Полдень.

Развалины догорающего дома представляют собой мрачную картину чьей-то трагедии или даже перечеркнутой жизни. Именно дом, в обывательском понимании, олицетворяет нечто неизблемое в быстро меняющемся мире, утверждает личность – ее значимость и защищенность. Но теперь, на фоне развеселого солнечного дня, жуткое зрелище.

Дверка служебного «Уазика» распахнулась, Алексин вышел на опаленную огнем травку. Следом за руководителем из машины появились остальные члены следственной группы. После усыпляющей качки на асфальтовой дороге Федор прикрывает ладонью зевающий рот, другой рукой придерживает сползающую с плеча сумку с фотоаппаратурой. Алексей отвернулся в сторону леса – протирает заспанные глаза, зато Жульба, казалось, воплотила в себе общечеловеческую радость по встрече с природой – неумоимо крутится на поводке у кинолога.

Ах, лето, лето... При чем здесь развалины кирпичного дома, смрад тлеющей утвари. Мало ли кто мог разжечь костер под окнами чужаков, появившихся неизвестно откуда, да и озорных ребятишек не счесть. Вот и деревенские люди пришли убедиться в закономерном результате обособленного проживания. Возможно, кто-то что-нибудь и знает. Это потом.

К месту пожарища ведет грунтовая проселочная дорога. Глубокие выбоины с мутной водой, грязные утки. На окраине поселка, самом возвышенном месте, полуразрушенная церковь с красивой колокольней, за святилищем дорога поворачивает в сторону озера. Перед тем, как исчезнуть в лесном массиве, имеет две тупиковые ветви, заканчивающиеся каменными постройками. В одном случае вполне привлекательный особняк с просторными окнами, высокой крышей и многочисленными ендовами, в другом – груда догорающих развалин.

Степан Михайлович высоко оценивает в себе умение быстро ориентироваться в любой обстановке. Для следователя из областного УВД также немаловажно находить общий язык с людьми разного социального уровня. Есть у него уникальная способность подстраиваться под мышление субъектов с психическими и умственными аномалиями. При его суровой профессии со всеми ее особенностями природа явно пошутила, воссоздав мальчишеский образ неподкупного служителя Фемиды. Неподкупный служитель? Коварный вопрос, преследующий на всех стадиях любого расследования.

Наученный десятилетней практикой, он безоблачно, внешне равнодушно, разглядывал толпу из местных ребятишек, мысленно подбирал необходимые слова, чтобы выявить ценных свидетелей. Так и хотелось сказать: *аборигенов*. Экзотическое слово как нельзя лучше соответствует частичке первозданной природы, чудом сохраненной от губительной урбанизации.

– Здорово здесь у вас! – громогласно воскликнул Алексин и тут же поперхнулся.

В ответ раздались смешки и отдельные иронические возгласы. Среднего роста, стройного телосложения, с мечтательным взглядом на худощавом лице он не создавал впечатления поднаторевшего в криминальных делах опытного сыщика. Если бы не посеребренные виски, никто бы не дал ему имеющихся сорока лет. И ребятишки, воспитанные на пиратских и шпионских играх, почуяли в нем своего парня, решили подыграть.

– А правда, что в трубу черт вылетел, дом-то и развалился?

– У вас надо спросить. Живете под боком у церкви, а такую оказию проглядели.

– Как же! Никто и не проглядел...

Из отдельных фраз и восклицаний воссоздавался облик кирпичного сооружения-призмы, иногда приукрашенного, но в большей степени с налетом мистики. Без каких-либо выдающихся качеств, здание вызывало недоумение у местных жителей причудливыми надстройками. Такое впечатление производит механизм непонятного устройства. В данном случае пришлось столкнуться с жилищем.

В ритмично расставленных щелевидных окнах мелькали человеческие тени, иногда над крышей, прикрытой высоким парапетом, возникало зарево света. Фантасмагория? Действительно, не хватает рогатого черта, вылетающего из чрева необычного дома. Хитроумные планы мальчишек проникнуть в тайны внутреннего устройства не увенчались успехом. Окна недоступны, двери на запорах. Сначала дом прозвали *Печкой*, позже уточнили словом *Чертовка*.

Основными обитателями *Чертовки* были мужчина и женщина. Пока велось строительство, на них не обращали внимания. Все строят кому не лень. И вдруг обнаружили необычную привлекательность молодой женщины. Разом задались вопросом, чем пленил невзрачный задумчивый человек столь впечатляющую красавицу. Несуразной постройкой, над которой корпел полтора года? Один в дождь и снег. Иногда строительная площадка оживлялась гудением механизмов. И снова один под знойным солнцем и леденящим зимним ветром. А красавица? Ее ангельская душа порхала где-то рядом, вдохновляла песенкой о теплом гнездышке и возможных ангелятах. Он чем-то похож на артиста Шакурова, она – вылитая Ирина Скобцева в молодости, если смотреть по фильму Бондарчука «Война и мир», разве что глаза зеленые.

– Ну-ну! – заинтриговано подначивал следователь. – Кого еще видели?

– Приезжали тут разные... на машинах. И сейчас следы остались. Много их появлялось.

– Вот как! В лицо видели?

– Не-е, темно было.

Итак, при всеобщей любознательности никто ничего толком не разглядел. Факт почти невероятный. Перед глазами развалины удивительного дома. С людьми? Почему бы и нет.

– Вот что, Федор! Отложи фотоаппарат и съезди в администрацию, запроси бульдозер. Похоже, нам придется долго повозиться. Если сами не справимся, пригласим спецслужбы.

«Уазик» дружелюбно обдал выхлопными газами и помчался обратно – все по той же дороге, разбрызгивая лужи и разгоняя кур. Зароились комары. Ах, лето... Юные аборигены разбежались. Велика ли радость смотреть на потухший костер.

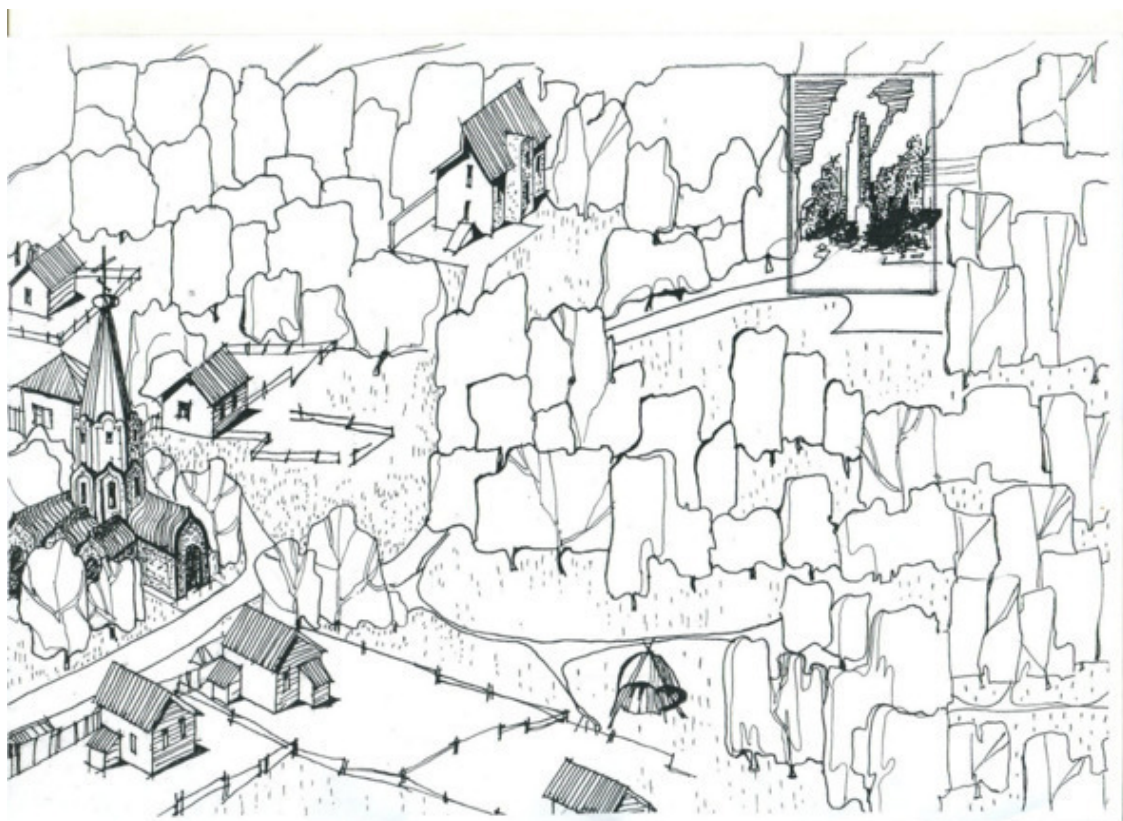
В отсутствие людей картина стала казаться и вовсе ужасающей. Алексину мерещились трупы. Он прислушивался к нарастающему шуму, как если бы воздушная волна приближалась по кронам деревьев. Угрожающе и неотвратимо. Душевная тревога? Ерунда! Ему-то все известно. А еще кому? Степан Михайлович усмехнулся от осознания нелепости сложившихся обстоятельств. Два года находился под впечатлением трагической гибели Вадеева и Зуевой – странной парочки, поразившей его своими характерами. *Дело двоих* началось с туристической базы «Лазурная гладь», а закончилось ничем из-за его расхлябанности. Тем более следователя потрясло их неожиданное воскресение. Выходит, случаются чудеса, и Алексин пустился вдогонку за разгадкой. Он всегда попадал под влияние обаятельной парочки и всякий раз проявлял преступное попустительство. Именно о них упоминали все свидетели строительства дома. Наконец-то можно будет успокоиться – пожар начисто уничтожил следы их жизнедеятельности после автокатастрофы. Уже никто не обнаружит улики, указывающих на какие-нибудь взаимоотношения Вадеева, Зуевой и следователя Алексина.

Позже пришел бульдозер, двухкубовым ковшом разгреб бесформенные груды почерневших кирпичей и металлических конструкций. Разборка завалов преподнесла немало сюрпризов, но среди обнаруженных трупов не оказалось Вадеева и Зуевой. Их следы исчезли навсегда – обратились в пепел. Надо бы порадоваться удачному завершению *Дела*, но вместе с криминальной парочкой пропала любимая женщина Алексина – его невеста. Он обязательно найдет ее, и они вместе порадуются счастливому извороту судьбы. А теперь, на фоне черных развалин, ему вспоминается первая встреча с Людмилой Николаевной, ее свежее, почти не знающее парфюмерии, лицо, ярко светящиеся голубизной глаза, редкие веснушки, вздернутый маленький носик, пухлые, слегка подкрашенные, губы. *Как хороши, как свежи были розы*, – пропел ему внутренний голос, нежный и мелодичный.

Ему очень хочется думать, что роковая цепочка оборвалась, уже ничто не связывает его с криминальной парочкой. И было ли расследование? Забыть и успокоиться! Поздно? Его совесть – главный свидетель по *Делу двоих*, ему не будет покоя. Он бы мог как-нибудь с собой примириться, но исподволь нарастают сомнения в их гибели.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Где я был раньше? – мысленно твердит *Кот*. – *Конечно, надо проспать немало лет, но однажды проснуться, увидеть серый пейзаж за окном, наконец-то взглянуть на себя со стороны, осознать бездарность прожитой жизни.* Коммунальная квартира. И по радио песня звучит в исполнении группы «Дюна». А что ему? Все чувства заглохли, чтобы когда-нибудь вновь возродиться при достижении духовной гармонии – мудрости, обретаемой после долгих размышлений. И может ли быть гармония – достигнутая мудрость.

Никто не разговаривает с *Котом*, не ищет с ним встречи. К нему присматриваются, принимают, как к экзотическому животному. Когда оказывается на кухне одновременно с соседкой-гренадершей, почти физически ощущает движение ее ноздрей. Женщина внутренне сжимается, как бы отвергая его присутствие. Вообще-то ее зовут Ларисой, но рост под метр восемьдесят и кукольное голубоглазое лицо без видимых следов пережитых трагедий сами напрашиваются на образное упрощение. Да, гренадерша, хотя есть другие отличительные признаки: жиденькие, крашенные в рыжий цвет, волосы, пышные формы и, странное дело, мягкая манера двигаться.

Тягостное молчание разрушает светловолосый мальчуган лет шести, крупный для своего возраста и физически хорошо развитый. Он пробегает по кухне и коридору.

– Я – солдат! Да здравствует армия! Ур-ра-а!

– Иди в комнату! – Пронзительным окриком Лариса останавливает скромное детское развлечение.

– Хороший сынишка... у вас, – изрек *Кот*. – Живой паренек, без комплексов.

Откровенный подхалимаж подействовал – разрядил обстановку. Она хмыкнула, перевернула на сковороде карасей, скользнула по его фигуре быстрым взглядом – примеряясь, что ли. Обронила:

– Уже надоел... никакого покоя. Вечером заберет бабушка. – Поторопилась в комнату, откуда донесся ее вопль: – Я тебе сказала!

Впечатление осталось незавершенным, но стоит ли останавливаться у придорожного куста, если вокруг поле цветов.

И за окном цветистая пора, уже заканчивается весна. С недавних пор его восприятие стало обостренным, точно скальпель касается души. Наверное, тоже подрагивают ноздри.

Кажется, обстановка в квартире прояснилась, можно поразмышлять над новыми ощущениями. Ни о чем конкретно, а в целом – осмыслить свое место в материальном мире. Прозвище *Кот* соответствует образу мышления, на самом деле кота нет – для окружающих он представлен вполне зримым человеком. Выгодное раздвоение с целью приспособления к современной цивилизации, не отягощенной нравственными принципами. Но есть еще несомненное преимущество. Стоит ему забыться, и мир насыщается звуками невидимой силы, способной уничтожить при необходимости или быть союзником. А кот – часть невидимого мира, существо астральное.

Он уединяется в своей комнате, ложится на диван, закрывает глаза, испытывает состояние блаженного покоя. Хватило полгода уединения и сонливой бездеятельности, чтобы припустились годы душевных и физических терзаний. Почти пять лет мучительных сомнений! Круглая дата, поэтому навязчивое желание выплеснуть давние события на бумагу – осмыслить их необходимость и значимость для последующей жизни. Отслоить их от себя и с ними расстаться? Давно погасли головни необычного дома, могилы заросли диким бурьяном, но солнце продолжает светить. Пора возрождаться в новом качестве. Но как!? Невозможно вытравить из памяти знакомых и случайных людей, повстречавшихся на его пути. Они закрепились где-то в подсознании, бестактно вплетаются в нить его размышлений, иногда сбивают мыслительный

процесс. И он понимает, их присутствие проявится скоро или чуть позже, они вновь повстречаются на его пути – Зуева, Алексин... Может быть, в другом измерении, но это неважно – предчувствия его не обманывают.

Шаркающие шаги по коридору, торопливый стук в дверь. Достаточно, чтобы представить соседа по коммунальной квартире.

– Можно? – Не дожидаясь разрешения, в комнату бесцеремонно входит старичок.

– Входи! – *Ком* приподнимается с дивана.

Старик – сказано обобщенно. В действительности – маленькие водянистые глазки под низким изборожденным лбом, впалые щеки, жиденькая бородка, прокуренные усы, пара желтых зубов. И это при отменной, без сединки, густой темной шевелюре.

Ком с любопытством ждет объяснений внезапному вторжению. Он сразу сообразил, кто перед ним. Конечно, вредитель. Почему? Есть едва уловимые, неумело скрываемые, психологические особенности. С недавних пор перестали иметь значение человеческие имена. Прежде всего, внешние проявления – каким человек сам себя представляет. Например, сосед нередко пользуется чужим кухонным столом, намеренно или нет оставляя за собой пищевые отходы. В ванной он тоже не видит разницы между своими и чужими предметами личной гигиены. Хочет к себе внимания? В любом случае созданный образ субъективный и надуманный – чтобы жизнь выглядела красочнее и многообразнее. Можно выслушать и подыграть соседу.

– Ну вот, уже зиму прожил рядом, а на кухне не появляешься... А ничего устроился... вижу, у тебя здесь кухня и спальня, разве что шкафом разгорожены. Холодильник тут же. Сразу видно, практичный человек. Все есть, и – ничего лишнего. Маленькая комнатка, но есть балкон. А нам с Лариской плясать, что ли? Уж лучше балкон. Балкон-то – оно лучше. Я бы лучше вышел на балкон – покурить и подышать свежим воздухом. У тебя там что, велосипед?

– Да, единственный мой друг.

– Могу присесть?

– Конечно.

– Я бы хотел распить с тобой бутылочку, а то совсем один. Как сыч!

– Не возражаю.

– Тогда я принесу?

Речь неуклюжая, угловатая, как и тощая фигура. Повернулся на ножках-стручках и растаял в проеме двери. Воздух и тот не шелохнулся. *Не имеет значения, как он удалился. Это мое мышление становится избирательным, отбрасывает поверхностные детали, оставляет духовную сущность. На самом деле старик уверенно открыл дверь и, выйдя, прикрыл за собой,* – реалистически заключает *Ком*.

Сосед возвратился так же тихо. Пристойно уселся напротив – на корточки. На вопросительный взгляд пояснил:

– Привычка, еще с Армии... Давай по пять граммов... будем друзьями.

– Чем занимаешься?

– Всем! Давай еще... А ты?

– Пытаюсь обрести место в обществе, всю жизнь ищу.

– А я электрик. Меня все в городе знают. Что там – город, в области! Я все знаю! Мне говорили: тебя, Узколов, за твои знания пора убивать. Шоколад коробками возили, только бы я пальцем пошевелил. Но ты можешь меня звать по-простецки – Павлом, вот.

По всей вероятности, сказывались *пять граммов*, которые часто повторялись и в результате складывались в литр водки. Но *Ком* помалкивал. Чуть заметно шевелил ушами-локаторами, улавливал отдельные эмоции рассказчика, которому совершенно нет никакого дела до самого *Кота*. И пришел он только заявить о своей значительности. И пусть! Необязательно вникать в бесконечный в своем однообразии монолог, на фоне монотонной речи голова освобождается от тягостных раздумий.

– При моих знаниях я бы мог стать большущим руководителем, да свобода дороже, вот. Интриги и прочее – это мое.

За дверью шорох – это Лариса производит разведку, не опасаясь разоблачения. Собутельникам не до нее. *Как легко у него складывается мнение о человеке!* — восхищается *Кот*. — *Достаточно ему распить со мной бутылку, и он уже обо мне все знает. Теперь я в одной связке с пьяницей Пашей.*

– Что, у нас нет выпить!? – выкрикнул разговорчивый сосед. – У тебя ничего нет?

– На сегодня хватит.

– Ты прав! У нас еще все впереди. А ты не стесняйся, заходи, если какая нужда. Думаешь, просто так Лариска подслушивает? Она, как только ты вселился, сразу тебя заприметила. Станным показался, вот и бьет копытом. Но ты смотри! У нее приятели – бандиты. Я все знаю! Ты купи бутылку: мол, Павел, расскажи. Я как на духу...

– Она замужем была или так ребенка нагуляла? При ее комплекции нелегко найти ровню.

– Мерзликина? Как же, был Олег. Не устраивал, наверно. Он так и этак, она ни в какую: мол, квартирой не можешь обеспечить. Он же простой работяга, с утра до ночи вкалывал, а она по сторонам вертопрахничала. Вот и пойми баб. Указала ему на выход: комната ее матери принадлежит, собственницей показала себя, значит.

Ему не нужна моя душа, – с грустью думает *Кот*, оставшись один. Несмотря на свое затворничество и сдержанность в разговорах, он всегда чувствовал движение мыслей старика и молодой соседки, понимал их направленность. И сдалась эта Мерзликина! В отличие от них он доволен своим теперешним положением, его сознание приходит к полному согласию с природой, ее покоряющей чистотой.

Наконец он понял, чего боялась Лариса – эта возрастная незрелость. Или умственная. *Бестолочь!*? Определение нашлось мгновенно, как если бы никто иначе к ней не обращался. Она слышала окружающий мир, но не понимала значения звуков, поэтому всего боялась. И *Кота* воспринимала с недоверием и ожиданием какой-нибудь чудовищной выходки. В ее представлении не может нормальный человек на длительное время изолироваться в маленькой комнатухе. Что-то сосед говорил про бандитов... ее друзей.

Кот взглянул за окно, увидел цепочку рваных облаков, быстро рассекающих небо – в точь стайка белых лебедей. К оконной раме прицепились два воробышка, с любопытством заглядывают в комнату. Пташки являются бессознательными существами, им нет дела до его размышлений, и все-таки есть связь несомненная.

– Очень романтично! – с улыбкой фиксирует он, ложится на диван и закрывает глаза.

Далекое и притягательное, пока не осмысленное, заполняет его сознание, вызывает ностальгические чувства, вытесняя мрачные события пятилетней давности. И как неотъемлемая часть приятных впечатлений присутствует образ Лены Гуровой – девушки юношеских грез. Он бы не смог конкретизировать черты ее лица или в точности описать фигуру. Понятие Красоты растворяется в огромности чувств. Она появляется без его приглашений и уходит, как облачко с порывом ветра за шиферные крыши пятиэтажек. И вновь все по-прежнему, и опять раздражает тиканье будильника.

По сути, ничего исключительного не происходит, человечество развивается по своим внутренним законам. Не так-то просто шагнуть из одного мира в другой, как и соединиться с иным биологическим существом. В подсознании сохраняются сильные ощущения, отрицательные эмоции – заразные микробы из прошлой жизни, с которыми не в силах справиться длительный карантин.

В его поведении просматриваются отвлеченные библейские мотивы, не связанные с реальностью. Да, он дышит, ходит по земле, размышляет, но смотрит на себя как бы со стороны. Может, физическая смерть уже наступила, и только неприкаянная душа пронизывает

Вселенную, минуя пространство и время? Абсурд! Это он, вопреки здравому смыслу, полюбил Зуеву, пытался совместно с ней выстроить новую светлую жизнь. Она, в свою очередь, старалась удержать его в подпорченной действительности, в которой проявление духовности остается уделом дряхлых старичков и относится к устаревшим понятиям. Некуда возвращаться. Дом сгорел, под развалинами угасли надежды на лучшие перемены. Вадеев сам наблюдал из леса за раскопками Алексина – уже ничто материальное не связывает с прошлой жизнью. И он хочет стать другим – сохранить духовную сущность при необходимости компромисса с расчетливой действительностью. Компромисс? Зыбкая почва, не способная объединить его и Зуеву.

Присутствует та реальность, в которой его линия поведения интригует окружающих людей. Если он не является хищником, то в перспективе станет потенциальной жертвой. Пока он объект для изучения. До смешного горькая истина, когда недооценивают человека. Но *Ком* наблюдает, сохраняет выдержку, при необходимости может проявить молниеносную реакцию – ударить сокрушающе точно и болезненно.

Приятно начавшаяся ночь не приносит утешения. *Ком* несколько раз просыпался. Причина всему скандальные разборки на кухне. *Бестолочь* с новым своим приятелем не могла договориться о взаимном доверии. Сосед Паша так и сказал: *Видел волчьи уши и звериные повадки? Будь осторожней! Служил в Афгане, вот. Волк он и есть волк.* Пришли в первом часу ночи, мирно беседовали, постепенно голоса набирали силу, приобретали угрожающие интонации, сменились звонкими пощечинами, всхлипами. Уже не удастся вернуть милый образ Лены Гуровой.

Под утро своеобразная дискуссия закончилась. Возникла условная тишина, всегда ожидаемая и плодотворная. Ничто не отвлекает от раздумий, самое время садиться за письменный стол. Небесные светила пронизывают редкие кучевые облака, безмолвно заглядывают в не зашторенное окно. *Ком* уверен в объективности духовной информации, поступающей из окружающего мира, прислушивается к тишине. Его сознание вливается в общий поток мирового разума. Нет одиночества, волнует огромность ощущений, и он торопится отразить свое состояние на бумаге в коротких и емких фразах.

С восходом солнца воздух сотрясается от вздохов пробуждения, выйдут на охоту вредители, волки, бестолочи. Все продолжают строить мир по своему подобию и уничтожать котов. Природный атавизм – живодерство и война за лидерство. Теперь благотворное затишье, когда ничто дурное не омрачает сознания.

Отсутствие шумовых эффектов не означает остановку жизненных процессов. Пространство насыщено движениями мыслей и страстей, совершаются поступки, невидимые для стороннего наблюдателя. И квартира продолжает дышать присутствием, объединенных по течению обстоятельств, очень разнохарактерных людей.

Мерзликина не надолго забылась после ночных разборок, но стоило *Волку* на прощанье хлопнуть дверью, как она беспокойно заворочалась, натягивая на себя сползающее одеяло. Наконец и вовсе открыла глаза. С улицы через тюлевую занавеску пробивается тусклый бездушный свет, пробуждает бессознательный страх, хотя разумом она понимает свою защищенность. В сумеречной тишине отчетливо скрипнули половицы со стороны кухни. Уверенная мягкая поступь может принадлежать исключительно *Кому*.

С недавних пор беспокойство поселилось в душе молодой женщины. Вроде бы наплевать на личную жизнь *Кота*, но положительные эмоции в соседней комнате диссонансом врываются в ее неустроенный быт, вызывают массу рефлексорных позывов. Какой-то Вадеев появился около полугода назад – неизвестно откуда, редко выходил из комнаты, отмалчивался на вопрошительные взгляды и ничем не интересовался. Избегал показываться даже на кухне, и вдруг резкие перемены: общительность, конфеты и другие презенты, выпивки с Узколовым... Стран-

ность порождает интерес и множество вопросов. Не получая ответов, она сама придумывает его таким, каким он ее устраивает. Хм, вообразил из себя кота – сам предложил так называть. Следует ожидать еще чего-нибудь похуже. Зараза! Из-за него Витьку стала называть *Волком*, а тому нравится. Она давно обратила внимание – ее опасения исчезают с получением сексуального удовлетворения, и теперь она представляет себя в постели с крепким мужским телом, разомлевшая от бесчисленных ласк. Для полноты счастья не хватает всего-то чуть-чуть, и она инстинктивно занимается массированием клитора, достигает успеха и потом лежит расслабленная и самоуспокоенная. В сущности, в своих фантазиях она воспроизводит сексуальные отношения с таким *Котом*, каким ей хотелось его видеть, и в некоторой степени вжилась в роль его партнерши. Может, *Волк* надоед донельзя, его скотство никак не соответствует ее духовным устремлениям, а избыток свободного времени позволяет сравнивать, анализировать, придумывать свои варианты отношений.

И теперь ее воображение разыгрывается настолько, что невозможно сдерживать нарастающую страсть. А куда ее выплеснуть? Она нервно спрыгивает с постели и, как есть в одной нижней рубашке, спешит на кухню. Вынимает из холодильника банку пива, пригубляется, но тут же отставляет на подоконник. Ее слух улавливает мученические стоны из комнаты Павла Семеновича, и она отправляется на звуки, толкает дверь, а там...

Коммунистическая идея предполагает коллективизм, и коммунальная квартира – вроде ступеньки к идеальному сообществу. И все-таки понимание великой идеи у каждого субъекта происходит индивидуально. Если Вадеев фиксирует на бумаге философские размышления, а Мерзликина терзается желанием обрести над ним власть или, в простейшем случае, с ним совокупиться, то Узколов мечтает о спасительном сне.

Казалось бы, чего проще? Но не тут-то было. Он разметался поверх разобранной постели и боится закрыть глаза, потому что в темных углах комнаты скрываются уродливые гримасы зла. Все дожидаются, когда он потеряет бдительность, чтобы проникнуть в его больные мозги, окончательно разрушить психику. Только слипаются веки, он тут же проваливается в пучину необъяснимого ужаса. Поэтому лежит с открытыми глазами. Настигают воспоминания – самые неприятные. Кажется, все пропиталось *сифоном*.

Да, он *снял* женщину – в трамвае... Что-то долго они шли в темноте. Дождь накрапывал. Потом карьер в парке, вода, гниющие водоросли. Там и состоялась желаемая близость... В качестве гигиены воспользовались той же водой, а дальше... он заболел. Нет, не тот случай. Это они с приятелем *клеили* двух женщин. Выпивали у того на квартире, поделили добычу, но Павлу Семеновичу не повезло: подружка отвергала все его сексуальные домогательства. Не могу, мол, Паша. Будто предупреждала. Зря старалась. Может, и не тогда заразился, а после небритого бомжа, с которым общался всю ночь.

Довольно! Воспоминания сродни одной и той же жвачке, набившей оскомину и вызывающей тошноту сивушным ароматом. Легчает при выпивке, но в часы мучительного похмелья вновь появляются немые уродцы с колючими взглядами. Они всегда рядом, ждут малейшей оплошности. И этот сосед что-то из себя воображает. Думает, если есть на выпивку, то все позволено. Еще узнает, кто такой Узколов, вот.

Резкая боль в желудке, и он съезживается даже не от этих знакомых ощущений, а боязни, что может в любую минуту умереть. *Господи, за что такое наказание!* – скулит несчастный пьяница, смачивая слюной подушку. Привычное состояние, когда не воспринимаются запахи мочи, испорченных консервов и рассыпанных на полу окурков. Уж тем более он не ищет объяснений внезапному появлению полуголой соседки и такому же быстрому ее исчезновению.

А Мерзликина наоборот успокаивается. Она уже открывает следующую банку пива, прислушивается к новым звукам из комнаты *Кота*, строит умозрительные сооружения. Потом ложится на кровать, приспускает трусики и занимается приятными фантазиями. Перед ее

мысленным взором проходят сцены далеко не целомудренного свойства. И становится совсем хорошо.

Просиживая длительное время за письменным столом, осмысливая свой криминальный опыт, Вадеев мало замечал, как за окном меняется пейзаж. В однообразных ритмах бытия дни тоже не задерживаются в памяти – теряются, словно высоковольтные опоры за окном скорого поезда. В его воображаемом мире не поезд движется, а он сам мчится мимо вечности в виде леса с раскидистой хвоей и завораживающим шелестом молодых берез. Птицы вторят зеленому шуму, реки плавно несут свои воды, в которых плещутся солнечные зайчики. И подступил август? В мечтаниях и спокойных размышлениях прошли месяцы. Уже ничего не хочется, и он освобождается от каких-нибудь обязательств. Если и был кровавый кошмар, то где-то в чужом сне – его не касается.

Иногда задумывался. Так ли уж правильно мчаться без остановки, питаться иллюзиями о настоящей красоте, идеальных человеческих отношениях. Как бы не упустить в быстро текущей действительности необратимые ценности. И все-таки, как и сны, мечты являются частью жизни, отражают возможные пути развития отношений с обществом. Вадееву безразлично чужое мышление, но не обществу, которое может даже вернуть из клинической смерти, только бы не упустить своей жертвы. Уже зависимость?

Скорее, общество – система отношений со своими раз и надолго установленными нормами и правилами. До очередной революции. А природе начихать на систему – у нее свои законы. Не может кучка олигархов, одуревшая от безнаказанного мошенничества, диктовать, с какой стороны подниматься солнцу. Жизнь – это не бег на короткие дистанции, а серьезная философия.

Надо же, додумался! Истинное счастье – найти свое место в общем мироздании, а значит – обрести бессмертие. Пора с чего-то начинать, чтобы жизнь не прошла мимо. Пусть он будет респондентом для себя. Полезная игра, не лишенная экстравагантности.

– Хотели бы вы стать руководителем страны?

– Нет!

– Почему?

– У меня есть совесть, которой не хочу лишаться.

– По-вашему, Лидером становится только бессовестный человек?

– Совесть – категория нравственная, а для Лидера конкретный результат имеет большее значение, остальное, да и совесть тоже, – всего лишь средство для достижения цели. Иногда может иметь место.

– Вы любите жизнь?

– Да, в той ее плоскости, в какой она соответствует человечности.

– Позвольте! А ваши преступные деяния?

– Естественная реакция нормального человека. Если вы стреляете в меня, то не можете избежать отдачи, то есть – естественного наказания.

– Только государство вправе решать, кого и как наказывать.

– Государство присвоило себе такое право вопреки здравому смыслу, чтобы решать политические задачи. Справедливость и политика несовместимые понятия.

– Как вы относитесь к человеку вообще?

– Всякий человек достоин сочувствия. Даже Лидер, потому что отсутствие нравственных критериев – утрата вынужденная и невозполнимая.

– А материальное благополучие, слава...

– Все бутафория и к существу вопроса не относится. В идеале не может быть корысти, а высочайшая должность воспринимается как добровольное жертвоприношение во благо страны и ее народа – по аналогии с Иисусом. Только так можно объяснить всенародную любовь

к руководителю страны. В ином случае мы имеем дело с обыкновенным проходимцем, что и происходит.

– Убедительно! Но не переведутся талантливые негодяи, нарушающие нравственные законы из эгоистических соображений, для которых власть становится смыслом жизни.

– Что ж, представители темных сил были всегда. Надо помнить: при свете мрак рассеивается. Вот и будем нести свет, а возможность наступления тьмы пусть нас стимулирует для активной деятельности, бесконечному движению к идеалу – счастью.

– Кем вы сами хотите стать?

– Просто человеком – божьим созданием.

– Что вкладываете в понятие *человек*?

– *Человек* не статичен, всегда в развитии, стремится к осуществлению десяти библейских заповедей, то есть самосовершенствуется. Работа для получения материальных благ – не главное, потому что Бог дает всего в избытке. Хотя кто-то данное Богом всему человечеству присвоил, единолично торгует его дарами, своим примером искажает природу человека, вызывая нездоровую конкуренцию и порождая преступность.

– У вас есть друзья?

– Нет.

– Почему?

– При существующем политическом устройстве общества большинство вынуждено искать выгоду, а точнее – жертву, что одно и то же. Я не могу быть ни тем, ни другим.

– Когда можно взять очередное интервью?

– После возвращения *оттуда*.

Мать божья! – мысленно восклицает Вадеев. – *Я способен развлекаться.*

Внезапная смена квартиры на городской пейзаж не вызывает радости или разочарования. Вдруг очнулся и увидел серые дома, пожухлую траву у обочины тротуара, невеселых людей с озабоченными лицами. В предчувствии осени слезливо хмурится небо, а только что под окном истошно орали мартовские коты. С некоторых пор появилась способность реально воплощаться в воображаемых ситуациях, чувствовать органическую связь с природой и не замечать времени. Ладно бы двигался вперед, на самом деле он топчется на месте. Только что вселился в коммунальную квартиру, чтобы в образе кота изолироваться от окружающего мира. Произошло смещение в девять месяцев? Выходит, для отсчета времени ничего не сделано. Не сделано! Также, в рассеянной задумчивости, незаметно сгущаются сумерки.

Вечерние улицы ослепляют вспышками фар, оглушают редкими трамваями, настораживают поздними прохожими. Мысли разрушаются, и *Кот* переключается на созерцание окружающей действительности. Есть город – творение рук человеческих. Город вошел в природу непрошеным гостем как идеальный генератор всевозможных преступлений. Опять же хамство, извращенность. Это что, присущая жизнеустройству необходимость? Зачем погоня за славой, известностью, деньгами, маниакальная устремленность к власти. Человек слаб и ничтожен, чтобы тягаться со своим Создателем, но никак не может смириться со своей обреченностью. Великое множество людей добивалось единоличных прав на общечеловеческие блага, теперь лишь бродячие собаки забредают помочиться на забытые могилки.

Кот уже смеется, задрал голову к небесам, саркастически оскалив рот. Результат воинствующего самовозвеличивания выглядит до нелепости закономерным. Наверное, не напрасно смеялся. Случайности тоже имеют закономерность. Неизвестно откуда перед ним возникает маленькая худенькая женщина. Заношенное демисезонное пальтишко, светлые кудряшки вокруг бледного личика в свете неоновой рекламы. А возраст... чуть за тридцать.

– Молодой человек! – обратилась она к нему. – Молодой? Извините! Могу я попросить у вас сигарету?

– Конечно! – Он равнодушно протягивает дешевую «Приму», улавливает выжидательную паузу, зажигает спичку.

– Я не знаю, куда идти. – Она выпустила струйку дыма, предусмотрительно соблюдая дистанцию. – Убежала из дома... через окно. Только и успела прихватить пальто.

Она говорит спокойно, как если бы вся ее жизнь состояла из лазаний через окна и блужданий по ночным улицам. А вообще-то женщина без комплексов. Или увидела его отсутствующий взгляд, какого не стоит опасаться. Он и она живут сами по себе, оказались до смешного в похожей ситуации – они в отдельности не имеют дома-крепости, родного очага. А вместе?

– Зайдем куда-нибудь, могу предложить чашку кофе.

Женщина, кажется, прислушивается к тембру его голоса, ищет в словах потаенные мысли. Упоминание о коммуналке внесло взаимопонимание. Ее личико засветилось нежностью, подкрепленной выкатившейся луной. Она согласилась с любезным приглашением. Вслед за ним проскользнула в холостяцкую комнату, почти по-хозяйски расположилась на диване. После кофе совсем разгорячилась – рассказала о пьяном муже, упомянула о сестре.

– Очень простая женщина, тебе понравится. Мы выпьем чуть-чуть. И потом... я приношу счастье. Да ты не бойся, мужика она выгнала, дети далеко – у бабушки, квартира трехкомнатная, еще есть земельный участок в частном секторе – тут недалеко. А я приношу счастье. Света я.

Кот внимательно следит за изгибами бесцветных губ, видит выщербленные зубы. Но какое ему дело до заметной шепелявости, если в распахнутую форточку призывно подмигивают звезды, а в квартире и без них воздух насыщен необузданным смехом *Бестолочи* и счастливыми повизгиваниями *Волка*.

Он меланхолично сопровождал разговорчивую Свету, размышлял о своей странной раздвоенности – духовной отстраненности и стремления приблизиться к дыханию жизни. Размышлял и вдруг увидел двух сестер сразу, очень похожих внешней растрепанностью и душевной открытостью. Лида, Лидия, Лидочка... Сидит напротив за староскатерным столом в прогнившем дощатом сарае. Чем не жилье для заводской работницы? Безыскусная ветхая обстановка диктует соответствующие правила поведения, уместной выглядит бутылка водки.

– Чего молчите-то? – смеется она, пуская струйки сигаретного дыма. – Двух баб не можете оболтать.

– Эх, Лида, нам бы встретиться этак с десятков лет назад – с вдохновенно горящими глазами и неиссякаемыми двигательными способностями.

Женщину трудно обмануть, она как ребенок – все воспринимает интуитивно. Ее ясные глаза на худощавом личике пытаются заглянуть ему в душу, зацепиться там и, может быть, остаться – вечное стремление женщин обрести надежное убежище. Не назвать красавицей, зато приятно представлять ее маленькую подвижную фигурку на кухне крестьянского домика на фоне выбивающегося из печи дыма, всю в запахах борща и подгорающих котлет.

– Вам не хочется идти домой, вы совсем заброшенный, – уверенно заключает она, заметив понимающий взгляд Светы. – И не надо! Вон, тюфяк есть.

Его сознание опустилось до конкретной обстановки, оценило предложение. Хочет переспать? С ним, с его оболочкой. Она тоже в других обстоятельствах является иной, не доступной для примитивного мышления. Теперь же воспринимает себя со стороны в соответствии с прохудившимся сараем, открытым природным стихиям, не связанным с общественными условиями. Они оба разыгрывают спектакль – более реалистичный, чем припудренная действительность. Конечно, Лида понимает, что совокупление с ним – своеобразная мастурбация, банальное и необходимое решение сексуальных проблем. И нельзя отказать гостеприимной хозяйке.

– Тепло и уютно в твоём гнездышке, а я пойду к мужу. Он, должно быть, соскучился, – наигранно заскулила Света.

Трио рассыпалось также ненавязчиво, как и возникло. Не успела соседская собака тявкнуть в последний раз на уходящую Свету, а Лида уже утопала в мягкости послушного *Кота*, с зажигательной страстью проявляла активность. Жара и пот, сон и пробуждение. Ничего нового, в итоге – усталость и равнодушие.

– Насколько я понял, у вас есть квартира. А здесь что делаете? – спросил, только чтобы заполнить возникшую пустоту в общении.

– Фи, квартира! Здесь свежий воздух и зелень со своей грядки.

– Любопытно, – как бы для себя отметил Кот.

– Вы придете? – ее голос в спину.

– Конечно, – не задумываясь, ответил он, оставляя на столе клочок газеты с номером телефона.

Еще бы! Он исколесил на велосипеде всю область, а тут появился реальный шанс затаиться в богом забытом сарае, насладиться атмосферой простых человеческих отношений. И Лида поверила, с улыбкой стирает носовым платком помаду с его шеи. Нет глубоких чувств, обязательств – тоже, сохраняется комната в коммуналке. Может, равнодушие и есть основа душевного комфорта. *Я не приду, потому что спокоен и бездействен, ничто не грозит моей свободе*, – констатирует *Кот*. А как выглядит Лида... Ничего не закрепилось в памяти, только спокойствие и равнодушие. Или не видел, не хотел видеть. Проходил мимо, споткнулся и не оглянулся. Только бы избежать возможных осложнений.

Обычное занятие в литобъединении, человек двадцать начинающих литераторов-любителей да парочка состоявшихся писателей. После прочтения главы из книги намечается раздраженное оживление.

– Валера, твой язык не воспринимается на слух. И я не увидел художественности, – говорит Анатолий Яковлевич – руководитель литобъединения, невзрачный тихий еврей предпенсионного возраста.

– А что, ему не откажешь в литературной искушенности, – возражает Наталья Львовна – увядающая седовласая женщина с ястребиной внешностью.

– Литература!? – Руководитель яростно запускает растопыренные пальцы в темную посеребренную шевелюру, с недоумением добавляет: – Какая же это литература... сплошное насилие как самоцель.

– Я только подчеркиваю, что у Валерия очень литературный язык, но все герои книги говорят одинаково. И потом... мне не нравится западная тенденция. Эти горящие машины, отвратительные эротические сцены. Какой-то следователь-одиночка. – Она повернулась к Вадееву. – Вы, наверное, работали в милиции? Видите, нет. У нас такого, о чем вы пишете, быть не может. На российский детектив не похоже. Следователь потворствует преступникам, которые чинят самосуд, по-своему даже любит их.

После ее слов никто не остается равнодушным, все хотят высказаться. В итоге – ничего хорошего. По общему мнению, автор совершает нравственное преступление, позволяя убийцам уйти от наказания, в придачу одаривает их огромными деньгами. И вообще надо писать правдиво.

Вадеев с удивлением наблюдает чудо перевоплощения тихого благонаправленного общества. В момент проявились нетерпимость и неприязнь. Откуда что берется...

– Непонятно почему – «Ангел ушел», если в романе совсем нет ангела, – зло цедит обделенный вниманием красавец – поэт Володя.

– Потому и нет, что ушел, – слабо возражает Вадеев.

Чей-то короткий смешок развеял грозовую ситуацию, направил обсуждение в спокойное русло. И все же Вадееву не по себе. Представляется слон в музыкальной лавке – властный, самоуверенный, непогрешимый в бездумном разрушении.

– Это ничего, – улыбается Анатолий Яковлевич. – Раньше, в прошлые века, литераторы выясняли отношения на кулаках.

– Валерий, – пытается смягчить обстановку Наталья Львовна, – у вас главный Герой проявил исключительную изобретательность при строительстве дома, является талантливым архитектором, неординарной личностью. Вы сделали его банальным преступником, что совершенно противоестественно. С какой целью?

Она права, – с грустью отмечает Вадеев, – я сам не понимаю, каким образом раздвоился, как мог из увлеченного художника превратиться в преступника. И теперь события представляются нереальными, а взятыми из чужого сна. Но при всей своей противоречивости рукопись остается правдивым документом, потому что я не кривил душой, честно отражал только факты.

Анатолий Яковлевич, судя по коротким репликам, проявляет к дискуссии относительное внимание, в то же самое время его мысли витают далеко. И он, подперев кулаком разгоряченное лицо, невыразительное из-за бликов больших роговых очков, смотрит неизвестно куда. Завод, на чьем балансе всегда находилось литобъединение, отказывается от тягостной ноши, и теперь надо шевелиться – устраивать литературные праздники с продажей входных билетов. Тут и зарыта собака. Отдается предпочтение юмористам и поэтам, то есть тем, кто может блеснуть на эстраде. Есть о чем думать. И все-таки он сохраняет интерес к различным дарованиям, будь то романисты или мемуаристы.

– Книга должна быть доброй. Как сказано в стихах:

*Отчим умер, бабка умерла.
Спешите делать добрые дела!*

– Каково, а!?!.. С литературой у нас не все благополучно – я имею в виду творчество Валеры. Пусть не обижается, а примет к сведению результаты дискуссии. Мы не можем писать в отрыве от жизни, поэтому есть у нас и другие задачи... Кстати, я говорю для новеньких... Екатерина Петровна с тонким художественным чутьем. Позвольте, я зачитаю ее последнее письмо. Сама не может прийти, но периодически печатает на машинке по листику в день. – Анатолий Яковлевич поправил очки, склонился над листом. – *Мне кажется, люди во многом ошибаются, подчиняясь только приятным физическим ощущениям. Есть духовная улада, дарованная богом, пристойная во всем, позволяющая не обделять своих братьев и сестер. И как пошло строить свое благополучие на ущемлении прав других людей, лишенных самого необходимого...*

– Ну, ей трудно понять, ведь она одинока в своей немогущности, замкнулась в себе, ушла в духовную сферу, – попыталась развить затронутую тему Наталья Львовна, окидывая всех пронзительным взглядом. – Так уж устроены люди, стремятся к материальным ценностям и в конкуренции кого-то подавляют.

– Я предлагаю послать к ее дню рождения подарок – книжку Ахматовой. Есть другие предложения? – обвел всех взглядом руководитель.

– Могу задать вопрос? – Вадеев увидел утвердительный кивок. – Я бы хотел приблизиться к искусству, то есть ближе познакомиться с вашей героиней.

– Нет проблем! – метнул бликами очков Анатолий Яковлевич. – Наталья Львовна, когда вы собираетесь пойти к Екатерине?

– Сначала надо купить книгу и потом... у нее день рождения только через неделю.

– Вот и возьмите с собой Валерия. И ей будет приятно познакомиться с новым человеком. Только подумать, уже пятнадцать!.. Договорились?

При расхолаживающей бездеятельности особенно остро воспринимается присутствие враждебного биополя. И *Кот* после вечерней прогулки неслышно проникает в свою комнату, не разунаясь ложится на диван. Со стороны кухни доносятся крикливый голос *Бестолочи* и недовольное бурчание *Волка*, потом и они стихли.

На короткое время его сознание расслаивается, образуется ниша, в которую приходит Она – прекрасный образ, сотканный из песен и поэзии Блока. Спокойная и уверенная в своей неотразимости, доступная его пониманию. И верная. В поэзии была незнакомкой, а здесь воображаемая конкретная женщина – Лена Гурова. Уместным и естественным выглядит ее появление в его макроскопическом мире. Тогда почему ощутимо стучит сердце, прерывается дыхание?

Она приближается к нему, разметававшемуся на диване, ладонью касается потного лба. *У тебя жар, сказываются бессонные ночи,* – шевелятся ее губы. Слова неподдельного сочувствия и прохладное прикосновение вызывают душевный трепет. *Нам сопутствуют одинаковое восприятие действительности и радость общения, но нет взаимного проникновения – своеобразной диффузии. Всегда между нами непреодолимое препятствие,* – поясняет Вадеев. *Ты хочешь проникнуть в мою сущность?* – На минуту она задумывается, как бы опуская на глаза дымчатые шторы. – *Странно, мне это совершенно не обязательно, я вполне самодостаточная.* Он знает, почему у нее такая самоуверенность и с удовольствием объясняет: *Потому что ты – часть моего сознания. Вроде бы сама по себе, но существуешь за счет моего воображения. Когда мы сольемся и ты растворись во мне, тебя уже не станет.* Она понимающе кивает головой: *Надо жить в материальном мире, одной духовной пищей сыт не будешь. Но ты этого не хочешь?*

Вопрос задан прямо и ставит его в тупик, при невозможности найти решение он не видит исчезающей бесплотной фигурки. Единственная мысль продолжает укрепляться: Лена не может ему принадлежать. Она живет в другом измерении, а его сил хватает, только чтобы заглянуть за *горизонт*. Но от понимания до рождения в новом качестве огромное расстояние. Может, отказаться от сомнительных идей, вернуться к Любе и дурно пахнущей действительности? Пожалуй нет, он не сможет состязаться с политическими авантюристами, воспринимать жизнь как игру, гармония – прежде всего.

Он открывает глаза, фиксирует время – начало десятого. Через неплотно прикрытую дверь из коридора проникает свет и доносятся звуки словесной перепалки между *Бестолочью* и *Волком*. Вот почему рассыпалась сказка с участием Лены Гуровой, а из него не получился успешный сочинитель.

Их речь не отличается выразительностью по причине застольных излишеств. *Бестолочь* говорит скороговоркой, вроде как оправдывается. Наверное, *Волк* не верит ей, и звук пощечин сопровождает его нечленораздельные угрозы. Наступила кульминация.

– Убери нож, перестань изгаляться, – умоляет она сквозь слезы.

Куда удалились голоса? Конечно, в ванную. Их сексуально-агрессивные отношения не имеют территориальных ограничений, им наплевать на случайных свидетелей. О присутствии *Кота* не догадываются.

Ну вот, всплески воды смешались со сладострастными стенаниями. И совсем неинтересно представлять тела двух скотов, лишенных элементарной сексуальной культуры. *Волк* запросто развернет подружку, опрокинет ее на колени, невозмутимо в нее погрузится. Сначала ее возмутит оскорбительная наглость, но тут же она уйдет в личные ощущения. После эякуляции *Волк* оттолкнет ее, несколько минут помолчит, бросит пару незначущих фраз, удалится в постель. Так мало надо для спокойствия. Поэтому-то *Бестолочь* сама провоцирует его на сексуальные поползновения.

Благодатная тишина. *Кот* встает с дивана, с наслаждением потягивается. Начинается его рабочее время. Теперь можно осмыслить вопросы, возникающие независимо от его желания.

Они как частокол на пути к гармонии, в поисках ответов на них и заключается смысл его уединения и работы над рукописью.

Прежде всего, ему придется считаться с реальностью – в ней, в ее повседневной нелепости проявляется его физическая жизнь, чтобы не посчитали за труп, не похоронили по недосмотру. Да, придется считаться. На самом деле чувства насыщены духовным устремлением, чистые помыслы вдохновляют его на работу с рукописью. И он тешит себя мыслью о душевном выздоровлении. Казалось, достаточно описать события, и они вновь оживут, обретут самостоятельность, навсегда освободят его от своего мрачного присутствия. В нем останется первозданная сущность, не подвергнувшаяся пагубному воздействию современной цивилизации. Или он себя обманывает? Кроме слов есть конкретные люди – Люба, Степан Михайлович, Людмила Николаевна... они существуют, их мысли витают рядом с ним, от них не укрыться. Находится объяснение, для чего ночные бдения, зачем он ежедневно садится за стол, пытается создать словесный конгломерат. Это его естественное состояние как возможность глубоко и свободно дышать, пока остальные обитатели Земли бессмысленно терзают друг друга.

Наконец, каждому заказано, что написать для сохранения необходимой исторической *цепочки*. И всякие звенья общей цепи создаются поколениями, оттачиваются, шлифуются, чтобы занять свое место в человеческой летописи. Или он спятил, добиваясь абсолютной правды? Никогда ее не было. История должна отстаиваться, осмысляться новым поколением, приукрашиваться политиками и только потом попадать на страницы учебников.

Кот прислушивается. В последние дни появилась мышка и часто напоминает о своем присутствии, но только на кухне – в частные владения не заходит, соблюдает суверенитет. Однако ее бесконечные трапезы не ограничиваются ночным временем. Сказывается психологический климат в коммуналке. Климат... уже развлечение, не доступное посредственному человеку.

И еще он ощущает присутствие прежнего владельца комнаты – Александра. Или ему так хочется быть не одиноким, что он воссоздал портрет вполне привлекательного зрелого человека с независимым характером, с которым есть о чем поговорить. Иногда *Кот* смеется, заглянув в своеобразное зазеркалье и увидев сцены, далекие от пуританства. И теперь он чувствует, как стены напрягаются, и тяжкий вздох наполняет пространство. Стон...

– За что мне такое наказание! – доносится вопль вредителя Паши.

Наверное, он так много напакостил, что сам запутался в причинах своего недомогания, – думает *Кот*. Мысли рассыпаются, призраки развеиваются под натиском бытовой действительности. Он снимает со стены гитару, трогает струны, но в звуках нет ничего настоящего. Сладкий обман сопутствует земному бытию.

II

16 сентября. Вечер.

Письмо начинается с двусмысленного обращения: *Милый Степан Михайлович! Я...* Так вот просто, как бы нечаянно, могут появиться семейные конфликты, возникнуть новые межличностные отношения. Мало ли какие фантазии самонадеянных людей обретают реальное воплощение. И виной всему непродуманные слова.

Алексин вытянул под кухонным столом уставшие за день ноги, покосился на жену. С тех пор, как она оказалась без работы, ее интересы переключились на специальные книги по криминалистике... *Хочу работать с тобой. Инженеры не пользуются спросом. Чудеса!*

– И что?

– Тебе, *милый*, этот почерк должен кого-то напоминать, но я не ревнива.

Что она имеет в виду? Он сам удивляется своей привязанности к семье, порой звонит домой два раза на дню – справляется о здоровье и настроении.

– Какое-нибудь банальное разбирательство. Если госучреждения не вникают в подобные обращения, то люди используют меня как последний шанс доказать свою правоту.

– Не прибедайся. Тебе позавидует любой следователь. – Людмила Николаевна ковырнула вилкой салат. – Многолетний опыт да еще любопытная информация. Романы не надо читать. Я и то завидую.

– Вот как!? – удивился Степан Михайлович, откладывая в сторону недочитанное письмо. – Я все рассказываю, хотя не всегда имею на то право.

– Видеть и слышать – разные понятия. Но ладно, – вздохнула Люся, – почитай вслух. Посмотрю на твое волнение.

– Какое волнение!? Ну вот, читаю... *Милый Степан Михайлович! Я...* Что за черт! – Он поперхнулся, посмотрел через стол на жену. – Так это Зуева пишет. Та самая.

– Наконец дошло. Но ты читай, читай... Первую строчку можешь еще раз повторить. Вижу, она тебе понравилась.

– *Милый Степан Михайлович! Я пишу в связи с печальным событием и только потому, что именно вы не можете оставить человека в беде. История пятилетней давности подтвердила благородство вашего сердца, заинтересованность в судьбах таких изгоев, какими оказались я и Валера. После известных вам событий мы пытались наладить совместную жизнь, но безуспешно. Что-то в нем надломилось. Наконец он сам предложил на время расстаться, купил комнатку в отдаленном районе, где и поселился. Подавленность, стремление к уединению стали его естественным состоянием. Я наблюдала за ним со стороны, но помочь ничем не могла. В последнее время он общался с сомнительными людьми, а во время осенней грозы, то есть неделю назад, исчез...* Что!? – Алексин покосился на Людмилу. – Пишет, что сбежал. Тоже мне, удивила!

– Читай до конца!

– ...*Подробности при встрече. Мой адрес...* Все! А может, не все.

– Говори толком. Что не все?

– Я думал, они погибли в *Чертовке* – их нет на свете, а они землю топчут. Чертяги!

Людмила бросила на мужа пронзительный взгляд, но ничего не сказала. Задумчиво помешала ложечкой остывающий чай, сделала маленький глоток. Все-таки не сдержалась, с укором произнесла:

– Конечно, я не особенно радовалась, когда ты проявлял чрезмерное внимание к авантюрной парочке, но и равнодушие терпеть не могу... она за помощью обращается.

– Без них я спал спокойно, и опять они. По их вине чуть тебя не потерял, кое-как нашел.

– Тебе никто не нужен? Вижу, с возрастом ты становишься сухарем. Даже у этих изгоев есть ребенок. А что мешает нам?

Задала вопрос, а взглядом истребляет. Самка! Преданная, во имя семьи готовая на все. Отсутствие работы сделало ее особенно активной в быту. Вся не использованная энергия разом обрушилась ему на голову, подавила все его семейные инициативы и уже распространяется на его работу.

– Прямо-таки! Вадеев не родной отец ребенку, а ты еще совсем юная, – пошутил он. – Вот заработаю хороший гонорар... нет, несколько гонораров, и...

– Хватит! Во-первых, ты берешь меня в свой частный сыск в качестве сотрудницы. Во всех романах у детектива имеется сногшибательная секретарша, с которой у него время от времени происходит флирт. Ты тоже не имеешь права быть исключением. Во-вторых, в паузах между делами мы будем заниматься любовью. Глядишь, ко времени крупного гонорара у нас появится красивенький и умненький ребеночек.

По всей видимости, она серьезно взялась за него. Светлый завиток короткой прически воинственно поднялся, движения обрели хищническую пластичность, взгляд выражает непоколебимость. И Степану Михайловичу становится не по себе от мысли, как он быстро из главы семьи превращается в слабовольного подкаблучника. Но почему жертва? Он усмехнулся. Редко кому удастся иметь в одном лице неотразимую в своих проявлениях жену-любвицу и преданную в работе помощницу. Поскоблil скрюченным пальцем посеребрeнный висок, на симпатичном млажавом лице появилась хитровая улыбка.

– Как бы не пришлось пожалеть. На работе церемониться не стану. Дома – пожалуйста! Можешь из меня веревки вить, но там, – он махнул рукой в неопределенную сторону, – военное положение.

Взгляд у Людмилы внезапно увлажнился, из приоткрытого рта вырвался сладострастный стон, от чего Степан Михайлович встрепенулся, растерянно покосился в сторону приоткрытой двери, в которую заглядывала мама Людмилы Николаевны.

– Как я, Степочка, люблю тебя за твое великодушие! Пойдем скорее в постельку.

– С ума сошла! Постесняйся своей матери, – по-мальчишески покраснел он, но Таи Гавриловны и след простыл. Похоже, она восторгается решительностью дочери и теперь посмеивается, сидя у телевизора.

Он шутиливо опустилсЯ на колени, подполз к ногам милой Люсеньки. Она погрузила руки в его светлую шевелюру, чмокнула в кончик носа.

– Иди, расстилай постель. Я быстренько уберу со стола.

На нее посыпались поцелуи, и если бы не присутствие в квартире мамы Таи, то процесс осуществления мечты Людмилы Николаевны по обретению замечательного ребенка мог начаться тут же – на кухне. Им и в голову не приходит задуматься о причинах вновь вспыхнувшей страсти, омоложившей их на пять лет.

Утро.

Цокольное помещение в одном из девятиэтажных домов в гуще жилого массива. Через маленькие горизонтальные оконца пробиваются первые солнечные лучики, пересеченные грязными дождевыми потеками. При тусклом освещении бросается в глаза большой старомодный канцелярский стол и современный телефон с автоответчиком. У одной из двух покрашенных дверей замер в почетном карауле шкафообразный стальной сейф. За этой же дверью небольшой коридорчик с узкими дверцами в санузел и кладовку, еще дальше – лестница с выходом во двор.

Исцарапанные и замызганные стены вряд ли могут вдохновлять на серьезную работу, поэтому Людмила скривила губы в подобие саркастической улыбки.

– Только не говори, будто занимаешься здесь делами. В таких условиях не может быть хороших идей.

– Вот как! Надеюсь, пояснишь, – не утруждая себя мыслительным процессом, поинтересовался Алексин.

– Ну-у... – Ее голос прозвучал удивительно сладостной мелодией, и он окаменел завороненный. – Я имела в виду ребеночка.

– О, господи! Люська, ты сведешь меня с ума. Уже свела. Пока мы шли дворами с трамвайной остановки, я инстинктивно возмущался отсутствием детей на игровых площадках.

– Я рада! Из тебя может получиться образцовый отец. Но прежде не мешало бы вымыть пол. Завтра переклеим обои. Здесь у нас будет по-домашнему уютно. В соседней комнате организуем уголок отдыха. С баром, конечно. Надо же тебе вдохновляться, если не хватает естественного пыла.

– Ты все продумала, но упустила маленькую деталь: мы здесь обязаны работать. Кстати, посмотри бухгалтерские бумаги, они в полном беспорядке. Для штатной единицы нет денег.

– Ох, милый, ты еще и нищий, – посочувствовала Людмила Николаевна. – Ладно, я способная, быстро усвою бухгалтерскую науку. Главное – уметь подсчитывать расходы, прибыль на твоей совести.

– Все же проще, чем бегать за бандитами.

– Одно другому не мешает! – невозмутимо отрезала то ли жена или уже новая сотрудница.

Степан Михайлович хотел возразить, но лишь безнадежно махнул рукой. Вынул из стола папку для деловых бумаг, вложил в нее несколько чистых листов и с чувством некоторого превосходства обронил:

– Думаю, ты здесь не соскучишься. Сама убедилась, работы выше головы.

– Конечно, милый. – Она подошла совсем близко, вытянула губы в трубочку, касаясь его подбородка. – Счастливого пути!

Он поторопился к выходу. Пока поднимался из подвала, чуть не свернул головой балку, на которой флюоресцировала красная надпись «Не габарит». *Куда не сунушь, всюду не габарит!* – с возмущением подумал Алексин. Теперь-то уж точно Люся его так обстрогает, что он везде станет по размерам.

Как-то сразу всплыли все его неудачи за последний год – с тех пор, как создал частное сыскное агентство «Алекс». Работа сводилась к мелким заказам случайных клиентов, в основном – сбор компромата. Жалкие гонорары не привлекали сотрудников. Даже бухгалтер, всегда неприязнительная и невозмутимая Алевтина Федоровна, решила на автограф под одним словом – *Ухожу!* Нечаянно добытые деньги тают также быстро, как снег под жгучим солнцем. Постоянными остаются его многолетняя любовь к Люсеньке и ее терпеливое ожидание его профессиональных успехов.

Не делает ли он ошибку, допуская ее к своей работе? Если дела пойдут в гору, то могут возникнуть конфликты с бандитской средой или даже с конкурентами. Правда, события в *Чертовке* явились для нее хорошей проверкой на прочность и... своеобразной закалкой, но... А что!? Сама настаивает. И он вынужден согласиться. Пусть сидит в конторе, если нравится.

Вслед за сомнениями нахлынули воспоминания – свежие, как если бы события вокруг фантастического дома, названного в народе *Чертовкой*, происходили месяц назад или даже вчера. Прежде всего, отношения с легендарной парочкой – Любой Зуевой и Валерой Вадеевым. И наиболее яркой фигурой в сомнительной истории оказалась Люся – его Жанна д'Арк. Только благодаря ее присутствию его преступная халатность выглядит всего лишь неудачным экспериментом, а время обретает романтическую окраску. *Как хороши, как свежи были розы...*

Размечтался и потерялся во времени, опомнился у места назначения. Вышел из автобуса. А как сажился, не запомнил. На всякий случай осмотрелся по сторонам. Остановка за кино-

театром «Аврора», не далеко от вокзала, среди старой застройки. И место тихое, и подальше от любопытных глаз.

Зуева... женщина из легенды. Околдовала, привлекла парня и неожиданно потеряла. Вот как! И поселилась в тихом районе? Хотя нет, квартира всегда ей принадлежала, поменять не захотела – это с ее-то характером. Жилые дома – все пятиэтажные *хрущевки*, покрашены одинаково – светлой охрой. Чистый подъезд, перед лестницей – вытканый коврик. Даже удивительно, как в России такое может быть. Не хватает швейцара, зато как в Швейцарии. Второй этаж.

За дверью колокольчиком рассыпается известная мелодия, но никто не торопится раскинуть навстречу объятия. И все равно ощущение одухотворенного присутствия. Он поворачивается медленно, чтобы оставить кому-то шанс. Какой и для чего?

Последовательно складывается внешний облик: сначала дамский кулачок на фоне кожаной куртки болотного цвета, потом – стройные ноги, обтянутые той же кожей, остроносые туфельки на каблучках-иглочках... Он вскидывает голову, смотрит в грустные зеленые глаза. Нет прежней настороженности в предчувствии близкой опасности, неподвижная гладь в бездонных колодцах – среди веера дымчатых волос. Зуева, в свою очередь, внимательно рассматривает его, молча отыскивает в сумочке, опять же болотного цвета, ключи, открывает дверь. Кивком головы приглашает внутрь.

– Вот! – показывает рукой на вешалку, развеивая сказочный мираж, сама скидывает курточку, разувается, удаляется.

Его скромная экипировка не может соперничать с модной импортной одеждой, показушно выставленной у входа. Похоже, его клиентку с ее потерявшимся приятелем можно смело вносить в книгу рекордов Гиннеса по способности выкарабкиваться из любых жизненных хитросплетений. *Прохвосты!* Он раздраженно бросил плащ на стопку картонных коробок у двери, повернулся в сторону комнаты, а Люба уже возвращается из кухни, куда уносила пакет с провизией. Увидела последний жест, тактично пояснила:

– Не обращайте внимания на это, – она взглянула на фирменную одежду. – Приходится торговать, иногда сама надеваю. Не накладно и эффектно, хотя хвалиться нечем. Рынок завален вещами, а покупателей нет. Месяцами зарплату не выдают.

Степан Михайлович с удивлением слушает невеселое признание. Нет прежней роковой женщины, перед ним уставшая от ежедневных забот добытчица необходимых средств к существованию. Она замечает его сочувствующее понимание, стыдливо краснеет и резко отворачивается. Помня ее вызывающую наглость, он перестает понимать что-либо. Пять лет назад она сама могла смутить кого угодно.

– Что случилось?

– Ничего! Проходите в комнату.

Он прошел по узкому коридорчику и оказался в небольшой комнатке с единственным квадратным окном на восточной стороне. Солнечные лучи падают на старенький диван с красной обивкой, отражаются от полированной мебели, высвечивают многочисленные книжные корешки на полках. Степан Михайлович осторожно присел на край дивана, вытянул затекшие ноги. Обстановка кажется привычной, возможно – он еще вчера открывал дверь в уютную комнатку, сидел у черно-белого экрана телевизора «Весна». И нет ничего удивительного, он видит в окружающей его обстановке знакомую ему психологию хозяйки. Но как бы расценила его ощущения Люсенька?

Судя по живописи и графике на стенах, Вадеев основательно поселился не только в текущей жизни, но и в перспективных замыслах Зуевой. Поэтому не может смириться с его бегством? Уверена в его здравии и, возможно, владеет информацией о месте его пребывания. Тогда обращение к детективу становится вовсе непонятным, как и беспокойство женщины.

– Сын в школе?

– Где же еще! Только в другом городе.

– Вот как!

– Живет у моей сестры с двоюродным братиком. Надо с Валерой определиться, потом тоже туда уедем. Думаю, вы сами этого хотите, поэтому я решилась к вам обратиться.

– Уже не предполагал снова с тобой повстречаться. Прямо-таки, святое семейство.

– Какое семейство!?

– Насколько я догадываюсь, вы оба покинули *Чертовку*, не дожидаясь катастрофы... и ребенок с вами. Жить да радоваться. Он что же, не доволен тобой?.. Не вижу с твоей стороны активности.

– Знать бы, к чему стремиться! Он заявил, что обязан побыть один. Не может со мной спокойно жить, при мне его преследуют чувство вины и отсутствие вдохновения. О создании семьи и вовсе говорить не приходится, только к сыну испытывает прежнюю привязанность. Сказал, Николке повезло, что он не пошел в своего биологического отца. А сам-то? Хорош, нечего сказать!

– Вот как! А я вижу на стенах неплохие картины.

– Видите ли, он считает, лучшее произведение то, которое еще не создано. Последовательно уходит от прошлого, оставляя в прошлом меня и сына. После *Чертовки* мы пытались приспособиться к новому общественному устройству. Куда там! Для достижения гармонии ему необходима независимость. Смешно? Сбежал!

– Давно ушел?

– Около полутора лет будет. И я потеряла его из виду.

– Странно.

– Что... странно?

– Столько времени... удивительной выглядит уже твоя привязанность. Если тебе известно...

– Кто может знать наверняка? – Она поморщилась, как от оскомины. – В последнее время ударился в философию, часто поглядывал за окно. Кот – одним словом. Я так и называла его, он не возражал – даже улыбался. А найти и вернуть прошу даже не физическую оболочку, а его человеческую сущность.

– Всего то!? – невольно усмехнулся Степан Михайлович.

Почему-то не удивился необычности заказа. Наоборот, сам он хорошо вписывается в поставленную задачу, высоко оценивает ясность формулировки. Но пора уходить, беседа растравила женщину. Островок, в котором она хотела обрести свою гавань, оказался злой шуткой, с исчезновением Вадеева пропадает смысл собственной жизни, будущее для нее становится неопределенным. И верит Алексину? Верит и спекулирует обладанием информацией, порочащей его честь и достоинство.

– Не стану скрывать, последний раз я видела его рядом с новым местожительством в первых числах сентября. Проследила, но сама показываться не стала. Станным он выглядел. Не заметила в нем прежней отрешенности, появилась давняя, уже забытая, одержимость – будто он возвращается на грешную землю. Это меня и беспокоит. В квартире хозяйничает некто Лариса, а фамилия... Мерзликина. Со слов их соседки, опасная женщина, и я обратилась к вам.

Степан Михайлович получил необходимые сведения и поторопился уйти дальше от гнетущей обстановки, невысказанных требований и бог знает чего еще. На выходе кое-как попал в туфли, зацепил рукой плащ, в прямом смысле выпрыгнул из квартиры. Проходя знакомыми дворами, поймал себя на мысли, что не плохо бы взглянуть в зеркало, посмотреть, что осталось от него после встречи с этой испепеляющей в прошлом женщиной. Испепеляющая? Да, чувствуется внутренний огонь, хотя всеми силами старается скрыть разрушительную энергию. Если дать волю, кого угодно сведет с ума.

Напрашивается вывод об иллюзорности гонорара. И естественно возникает вопрос о судьбе миллионов долларов, имеющих отношение к событиям в *Чертовке*. Не на них ли рассчитывал Степан Михайлович, когда соглашался с необычным заказом? Черт возьми! Тошно думать о деньгах, он бы не взял их от Зуевой. Есть другой вариант, но об этом потом. По крайней мере, он помолодел на пять лет, ему оказалось доступным дважды ступить в одну и ту же реку. *А если те же грабли? Вот как!*

Полдень.

Четырехэтажная застройка в старом заводском районе. Одинаковые фасады, привычная серость. Во дворах чумазные ребятишки да группы подвыпивших безработных. Как атрибут бедного, обделенного вниманием чиновников, района – бездомные собаки. Воздух насыщен выхлопными газами и микроскопической пылью, проникающей даже внутрь домов. Убогая архитектура пятидесятых годов, разве что квартиры просторнее, и высота помещений позволяет шире расправить плечи, почувствовать себя свободней.

Дом, в котором поселился Вадеев, ничем не отличается от других, но с торца первый этаж облицован черным мрамором и красным гранитом по цоколю. Кованые решетки на окнах первого этажа и дорогое оформление входа без вывески – характерная черта смутного времени, когда ниоткуда появляются состоятельные фирмы, по понятным причинам не желающие акцентировать на себе внимание.

Степан Михайлович обошел парковку с новенькими иномарками и оказался в тихом уютном дворе. Вошел в первый подъезд, поднялся на третий этаж, протянул руку к дверному звонку. Всего лишь импульс, а дверь сразу же бесшумно открылась.

На фоне темной прихожей ярко высвечивается бледное лицо с тревожным взглядом. И что это за женщина, затмившая свет от лампочки... Нависла над Алексиным, уже приготовилась захлопнуть дверь в ответ на его подозрительно вкрадчивое молчание. Знать бы причину тревожного ожидания.

– Здравствуйте... э-э, барышня! – Ему стало противно от собственного блеяния. Надо взять себя в руки или переквалифицироваться в дворники. – Я к Вадееву. Тут живет?

Женщина не торопится пропускать. Лишь в глазах медленно зарождается слабое облачко, отражающее нечто похожее на мысль.

– Может быть, вы плохо слышите!? – начинает раздражаться Алексин. – Хотел бы видеть Мерзликину.

– А... проходите.

Сказала и не двинулась с места. Сомнамбула, что ли? Степан Михайлович не стал церемониться, потеснил ее плечом, прошел внутрь. Она никак не отреагировала, продолжает смотреть на него, как в телевизор.

– Я Лариса.

– Вы!?

Такого нельзя вынести. Необъятное монументальное изваяние – Мерзликина? Невероятно! Да нет же, обыкновенная. Пухленькая. Маленькие ручки... Что за черт! Во всем-то хочется видеть исключительность.

– С вами что-нибудь случилось?

Он сочувственно тронул ее за плечо, подтолкнул в сторону кухни. Она не упорствовала, проследовала до табуретки у окна. Скромно присела, одернула на коленях махровый халат, замерла в позе доверчивой ученицы. Взгляд остановился на его руке, упертой в край кухонного стола.

– Я по поводу вашего соседа по квартире... Вадеева. – Алексин вынул из внутреннего кармана удостоверение, помахал перед ее лицом, чтобы как-то вывести из заторможенности. – Буду благодарен любой информации о его жизни и деятельности.

Она вздрогнула, и, несмотря на свою массивность, по-детски вскочила с табурета, исчезла за дверью своей комнаты, вернулась с фотографией. Ее лицо оживилось, заметно порозовело, и Степан Михайлович подумал, что у Зуевой, даже при ее неотразимости, есть основания для ревности. Возможно, именно ревностью объясняется ее обеспокоенность судьбой приятеля.

Знакомая картинка. Вадеев держит левой рукой паренька лет восьми, а правой обнимает Зуеву. Мгновенно вспомнилась автокатастрофа. Обгоревшие трупы и счастливые лица на фотографии. Тогда Алексин не подозревал о коварной изворотливости криминальной парочки, пролил жалостливую слезу, мысленно прощаясь с возможностью когда-нибудь познать *тайну двоих*. Однако они воскресли в новом качестве, построили *Чертовку*, еще и дров наломали. Каким-то образом фотография попала к Мерзликиной, не Вадеев же ей подарил. Или имеет доступ в его комнату? И уж совсем непонятно, чем вызвано ее смтение и по какой причине подчеркнутая осторожность при встрече незнакомых гостей.

– Он к ней ушел. – Она ткнула пальцем в лицо Зуевой.

– Вот как! Осталось немного – отыскать даму с мальчиком, – усмехнулся Степан Михайлович, понимая безнадежность дальнейших расспросов. – Непременно их найду, ведь я сыщик и друг вашего соседа.

– Да-да, – шепотом пробормотала она, – вы друг, но ничего про него не знаете... и у него есть страшная тайна.

– Ничего не пойму! Человек поселился в коммунальной квартире. Так? – Степан Михайлович уловил кивок. – Купил комнату? Понятно. Но при чем здесь вы? Как у вас оказалась фотография?

– Попросила что-нибудь почитать, и он положил в книгу фотку.

– Могу посмотреть его комнату? Кому-то он должен доверять ключ на время своего длительного отсутствия. – Не сомневайтесь, он бы мне тоже доверил.

Мерзликина ушла и вернулась с ключом. Но когда Алексин открывал дверь, его одолевали сомнения, стоит ли проявлять самоуправство, связанное с проникновением в чужое жилище. Свободный человек не обязан посвящать кого-либо в свои планы или докладывать о месте своего пребывания. Но эта сумасшедшая даже не посмотрела документы. Знать бы причину. И Зуева со своей противоречивой страстью – то она жить не может без Вадеева, то отпускает на все четыре стороны и невозмутимо предполагает его связь с Мерзликиной. В поступках женщин нет убедительности, потому что они сами не стремятся к открытости, а ему отводят в своих сценариях вспомогательную, разведывательную, роль. Никуда Вадеев физически не исчезал, но происходит борьба за его душу. Используют профессионального сыщика в качестве лазутчика? Стал исполнителем чужой интриги и решил заглянуть в его комнату? Последствия можно свалить на Зуеву.

Угнетающая обстановка. Почему, спрашивается, дискомфорт. Пара навесных полок с десятком книг не могут оказывать влияние. Картины? Но их надо внимательно рассматривать. Скорее всего, в комнате материализовались отрицательные эмоции, создана определенная психологическая защита от сторонних людей. И возможность быстро скрыться? От Вадеева можно всего ожидать – достаточно вспомнить *Чертовку* со всевозможными ловушками. Степан Михайлович прислушивается к бряцанью посуды на кухне. Похоже, умственное состояние хозяйки никак не сказывается на ее бытовых обязанностях. Приоткрыл дверь.

– Мерзликина!

Она появилась сразу во весь рост – так, что от неожиданности сыщик отпрянул внутрь комнаты, потер пальцем висок. *Кажется, переутомился. Из-за этих сумасшедших можно самому рехнуться.* Он не конкретизируется на ком-либо, всюду ощущается аномалия. Зато ей хоть бы что. Прошла подрагивающей походкой, как если бы невидимый музыкант наигрывал для нее замысловатый танец. Села на диван, откинулась на спинку. По губам скользнула порочная улыбка.

– Что это у вас!? – вскричал Алексин.

– Что? – удивленно вздернула брови Мерзликина.

– Вот эта... улыбка.

– А, – отмахнулась она гибким движением ладони. – Здесь не хватает аленького цветочка.

– Не вы ли будете цветочком, – саркастически усмехнулся Степан Михайлович, взглядом оценивая ее габариты и удивляясь быстрой метаморфозе в ее поведении – этой непонятной веселости. Можно даже предположить, что она водит его за нос. Не случайно доверила ключ.

– Я, – просто ответила она.

– Хорошо. Возможно, вы и правы. А что испытываете в этой комнате?

– Хм, его мысли, если хотите. А впрочем, пожалуйста... *Я глубоко страдаю, потому что наэлектризован чувствами, как мартовский кот.*

– Так я и поверил. У меня с головой все в порядке.

– Как хотите. – Мерзликина помрачнела и добавила: – Я не обязана отвечать, и вообще – не засиживайтесь, а то он рассердится и накажет... когда вернется.

– Прямо-таки! А вы часто здесь появлялись? Или делили с ним постель, если угодно.

– Зачем? У меня своя комната.

Он протянул руку к полке, пошарил над книгами и вытащил бледно-розовые ажурные трусики. В его сильной руке они съезжились – очень похоже на душу Мерзликиной при виде безжалостного жеста сыщика. По всему видать, его уже не дурачили.

– Не надо! – сдавленно прошептала она, протестуя выставив руку с растопыренными пальцами.

– Хватит! – взорвался Степан Михайлович. – *Не знаю, не пойму... рассердится, накажет.* Развели мистику. А это что!?

Она прижала палец к губам и, крадучись, вышла из комнаты. Занозисто свербит в душе. То, что он попал в сумасшедший дом, виновата добросердечная Люся. Это письмо – корень всех бед. И к нему пришла спасительная мысль: пусть она разбирается в нелепой истории с бегством Вадеева, находит общий язык с Мерзликиной. Хотела работать? Бог в помощь!

Степан Михайлович с понятным удовольствием потирает руки, расправляет плечи и тут же замирает. Он физически ощущает присутствие постороннего человека, слышит дыхание и усталый скрип дивана. Его взгляд инстинктивно мечется в поисках первопричины специфических звуков, останавливается на балконной двери, устремляется в открытое пространство.

III

Свободное проведение времени, или безделье, бывает приятным только поначалу, со временем накапливается энергия, требующая немедленной реализации. Тут уж, независимо от высокопарных тезисов, вылазят наружу все *прелести* человеческой природы. А природа, как говорится, пустот не любит. Лида и сарай тому подтверждение. Даже необъятная Мерзликина, как женщина искушенная в сексуальных вопросах, почувствовала мужскую притягательность Вадеева, не может смириться с его обособленностью. У него своя, скрытая от любопытных глаз, жизнь.

Тринадцатого ноября он отказался от возможной любви. Просто сказал по телефону: *У нас очень официальные отношения, мы не становимся ближе. Как скажете, Валера,* – в ответ. А правильно он сделал? Если сомнения, будто назойливые мухи. Может быть, оттолкнул от себя скромную девушку, лишил ее возможности проявить себя в качестве перспективной соратницы в созидании идеальной семьи. Теперь она огорчена, ее душа изнывает от kloкочущей обиды. А начиналось все очень хорошо: повстречались в одной очереди за разливным молоком, разговорились, размечтались – она с бидоном, он с трехлитровой банкой. Слишком невинная, и опасная в своей привлекательности, девушка.

Его тоже надо понять. Он растерял половину жизни в погоне за мечтой и всегда не замечал, когда она была рядом, прислушивалась к его дыханию, что-то нашептывала. Ее он не слышал, выстроил свою жизнь, далеко не радужную. Считает непростительной жестокостью спекуляцию на детской доверчивости. У него свои убеждения, потребуется время для морального и физического очищения. Поэтому увлекся Лидией с вульгарным цветом губ, интригующим блеском черных глаз. Плюс ко всему модная прическа – золотой ореол вокруг утонченного личика с удлиненным заостренным носиком, миниатюрная фигурка... *Почему ты носишь темные очки? Чтобы никто не замечал, как в твоей головке зарождаются интриги?* – однажды поинтересовался он. *Интриги сами не возникают, их тщательно плетут,* – в ответ усмехнулась она. Сначала сарай на заброшенном земельном участке, потом – большая квартира в северо-западном районе. Позвонила, напомнила о его обещании продлить знакомство, напросилась в гости. И это через три месяца? А как выглядит... Нет, подробности он не мог вспомнить, сам находился в состоянии отрешенности – приятной беззаботности. Да, что-то было, не забыты потные объятия и ароматы ночной свежести, но женщина осталась не конкретизированной. Он инстинктивно заполнил пустоту, и – только. Если бы не телефонный разговор, то он вообще мог бы усомниться в ее существовании. И психология подстать – духовная неуловимость. А он? Зачем-то она позвонила... Только позже он начнет из фрагментов восстанавливать общую картину их сближения. Умная женщина. Хорошо развит инстинкт самосохранения, то есть маскирует свои слабости, а физиологические потребности – сами по себе. Наверное, благодаря появлению этой неординарной женщины в его жизни стали происходить неприятности.

Шестнадцатого ноября Павел Семенович, добрейший человек – по мнению его самого, скальпелем перерезал одну жилу у телефонного провода, протянутого в комнату Вадеева. Вполне сознательно и хитро, чтобы не сразу найти неисправность. *И такое коварство после совместных застолий?* На вопрос не стал отвечать, трусливо убежал к себе. На следующий день, в минуту вынужденного откровения, он так объяснил свою низость:

– Звонки напрочь доконали. Звонят, звонят... И думаешь, кому?.. Тебе и Лариске. – Сосед отрыгивал свежевывпитой водкой, под его усами лопались пузырьки пены, орошая Вадеева микроскопическими брызгами. – Она вертопрахничает, а я неделями не выхожу из дома, сижу без денег. И хлеба не ем. Ты пойми меня. Зависть! Просто позавидовал. Ну, вот.

– А зачем провод резать?

– Извини, не сдержался.

Все же великий талант и... счастье – умение мгновенно перевоплощаться. *Ком* позвонил в тот же вечер, услышал ее завораживающий голос:

– Я по тебе соскучилась, а ты? Ты соскучился по мне? Признайся, что соскучился. Почему я могу признаться, а ты нет?

Впервые задумался о многозначности, казалось бы, простого слова, трижды повторенного. Да, он не испытывает к ней привязанности, не стремится к повторению плотских ощущений, удовлетворяется стерильным онанизмом. И все! Если природа заложила в нем большие способности к производству спермы, то периодически необходимо ее сцеживать. И никаких проблем! А все-таки увлекся. Повлияла женская загадочность? *Интриганка*. В одном лице собрала множество характеров. Отношения углублялись и усложнялись, ожидали своего времени для осмысления. Впечатлений достаточно, чтобы не скучать.

Он спокойно отнесся к очередному проступку соседа-вредителя, когда тот в отсутствие Вадеева пытался воздействовать на Лиду самым низменным способом. На просьбу пригласить к телефону Валеру ответил:

– Ты вот что, Лидочка... – Он какое-то время пережевывал мысли, которые скопом наваливались на слабоумную голову и никак не конкретизировались. – Слышишь? Не клади трубку... Так вот, ты зря поддерживаешь с ним отношения, он, значит, не любит тебя и не будет с тобой. Ему нужна просто женщина. Он возьмет от тебя все, выжмет тебя всю и бросит. Не верь ему, он – подлец. Ну вот...

Благодаря непорядочной активности его личность стала уточняться и наделяться уни- зительной, не лишенной иронии, характеристикой. Фамилия Узколовов вполне соответствует его внешности. Пенсионер в начальной стадии дистрофии – со сморщенным лицом, на кото- ром тускло светятся глазки бессмысленного существа. Двух зубов, пожелтевших от никотина, можно не считать, хотя густые черные волосы без единого седого волоска являются как бы признаком зародышевого состояния мозга – в детском возрасте могли бы вселить надежду в последующее умственное развитие. Если бы еще не алкоголь. Прошло всего-то одно лето, но хватило двух литров совместно распитой водки, чтобы почувствовать свое превосходство и присвоить себе моральное право вмешиваться в чужую жизнь.

Вряд ли его словоизвержение подействовало на Лиду. Она приехала в тот же вечер, увлекла *Кота* в постель и, можно сказать, изнасиловала. Он не обиделся, а ее тонус значи- тельно повысился.

Очень часто к нему приходят печальные мысли – неизменно при взгляде на серый пей- заж. Грустное настроение усугубляется длительным творческим застоєм. В Лиде он не уви- дел психологической опоры, и нет связи с обычными человеческими радостями. Несомненно, у обретенной физической свободы есть обратная сторона – никчемность существования. Дли- тельные размышления тоже не приносят должного результата. Нет главного – духовного осво- бождения, и перед людьми он чувствует себя должником, начиная с Николки и заканчивая всем человечеством.

Вышел на кухню поставить чайник, мимолетно взглянул в окно на хмурое небо, и – вновь тоска. Провел пальцем по запотевшему стеклу, следующими движениями дополнил рисунок смешливой детской рожицей с конопушками на лице.

– Что рисуешь? – спрашивает за спиной *Бестолочь*.

– Свое настроение.

– Хм, с большим бантом? – Она хохотнула.

– Да, такими я вижу сегодня свои заботы. Устал я от психологических экспериментов Лидочки, для нее я испытательный полигон. Хочется от нее отдохнуть. Я бы лежал на диване с книжкой в руках, хотя... обрати внимание, я один, ты – тоже. Мы бы могли гораздо ближе

общаться, без отягощающих обязательств. Здорово я придумал? Наконец, я бы мог оплачивать тебе коммунальные услуги, иногда делать подарки.

Он выразительно смотрит в ее глаза, но что можно увидеть в душевной пустоте? Пышно-телая гренадерша с начесом жиденьких крапешных волос. Что-то там двигается, ищет для себя, но, увы, не находит. Его шутка остается для нее недоступной. Как говорится, поезд прошел мимо. Развлечения не получается. Но кажется, столбняк прошел.

– Валера, у тебя своя фирма? – спрашивает *Бестолочь*, бездумно глядя в пространство за кухонным окном.

У нее материальные проблемы. Она никак не может расстаться с *Волком* – бессовестным тунеядцем, который не только избегает постоянного трудоустройства, но с завидным постоянством вымогает деньги – исключительно в своих интересах. Веселый мужик – не жадный. Два дня назад потребовал у нее алименты, полученные на сына, сразу купил батарею водки. Еще и песни пел. Рано утром убежал за опохмелкой, поэтому *Бестолочь* беспрестанно курит, истощая на хороших сигаретах и без того скудный семейный бюджет.

– Фирма символическая. Организовал, когда здесь прописался. Ни одного достойного заказа, одни налоги. Ищу единомышленников, а пока... — *Ком* усмехнулся, неопределенно пожимая плечами. – Передал бы кому-нибудь даром, так ведь налоги накопились.

– Ты бы мог принять меня бухгалтером? – Тут уж она повернулась не только лицом, но и задом пошевелилась. Притягательная попочка. Волнует своими колебаниями, будоражит воображение, вызывает бурю мужских эмоций. – У меня и справка есть об окончании бухгалтерских курсов. Могу показать.

– Не надо мне документов, ты лучше ответь на простой вопрос: что означают слова *дебет* и *кредит*.

И началось тихое замешательство. Может, она и знала раньше, но чтобы помнить... Сначала просто молчала, потом порозовела. Быстро зашагала из кухни. Аж воздух повеял ароматом недавно покинутой постели. Обиделась, что ли?

Ком снял с конфорки свой чайник и приготовился удалиться к себе. Маленькая комната – единственный райский уголок в его неустроенной жизни. Место для повседневных размышлений, особенно в периоды творческого застоя и, например, сейчас – после беседы с *Бестолочью*. Может быть, он хорошо отоспался, состоялось пробуждение, свое истинное положение предстало в неприглядной обнаженности. Не стало молодого перспективного художника, зато выявился мечтатель с неоправданно завышенным самомнением.

Заслуженный завтрак – овсяная каша на воде, деликатесов не заработал. По мнению *Бестолочи*, он печется о своем здоровье, на самом деле нет альтернативы. В юности жизнь представлялась чередой волнующих событий, красивых и неповторимых. Планировал на своем автомобиле объездить весь мир, но доступным оказался только велосипед. Теперь занялся бизнесом, а воз и ныне там – в мечтах несбыточных, потому что не в его характере командовать, огорчать, достигать цели любыми средствами. Всегда стремился к гармонии, в результате сдавал жизненные позиции.

Не удалось ему родиться заново, поменять сознание. Надуманный образ *Коты*, в котором он пребывал в течение года, потерял свою привлекательность, так и остался игрой воображения, хотя и необходимой для выживания и душевного здоровья. Болезненно воспринимается всеобщее отчуждение, хотя сам последовательно выстраивал искренние добрые отношения. Но возможна ли искренность? В результате ослабли былые привязанности, и вместе с тем сопутствует ощущение невосполнимой утраты. Хотя время лечит, придут иные радости, вызванные эгоистическими соображениями, но не искренностью. И, опять же, свои невзгоды? Но прочь сомнения! Надо расстаться с устаревшими убеждениями и утопией, продать фирму, уехать подальше в неведомые места, где грубая цивилизация не оставила разрушительных следов.

Очень зримо представлялось, как он будет узнавать новые края, ходить с тросточкой по пыльным дорогам, созерцать быт незнакомых людей. Все точно так же, как делал Гойя в романе Лиона Фейхтвангера – привлекательно и необычно. Еще лучше раствориться. Будто его и не было никогда. А если он не появлялся на свет, то смерть ему не грозит – не будет переживаний, связанных с приближением старости, и возможных слез родственников над его прахом. Вызывают жалость люди, обрекшие себя на жизнь с последующей немощью и смертью. Как же так!?

Множество вопросов, но ответ один: пора расставаться с иллюзиями и спускаться на обетованную землю. Смириться? Но как! И опять тоска всепоглощающая. Хочется срочно бежать от проклятого одиночества. Куда угодно, только бы оказаться рядом с людьми, коснуться чьей-то руки, явиться частичкой чьего-нибудь внимания. И хватит заниматься самоедством! Да кто он такой!? Песчинка в бушующем океане человеческих страстей, пытается присвоить себе право на исключительное место под солнцем. Опять же ничего удивительного, всюду происходит такая же возня. Даже здесь, на кухне, ежедневно разгорается нешуточная борьба за пресловутое господство. И невозможно навсегда изолироваться в комнате.

В подтверждение его мыслей на кухне вновь появилась *Бестолочь*, молча раздавила сигарету о крышку консервной банки. Повернулась, медленно пошла к своей двери, масштабной величавостью гипнотизируя и удерживая на себе его внимание. Без сомнения, она проверяла его на прочность. Предупредительно скрипнули половицы.

– Так мы договорились?! – горячо прошептал он в спину, надеясь в шутильной импровизации найти способ уйти от печальных мыслей.

Бестолочь бросила на него жгучий взгляд, и он понял... она хочет верить в искренность его предложения – эта огромная толстокожая корова с миловидной мордашкой.

– Я выиграл! – невольно вырвалось у него.

Ах, как он обидел! Она развернулась так, что над ним угрожающе навис бюст, кажущийся необъятным в белом махровом халате. При его среднем росте и более чем скромной упитанности контраст впечатляющий. Волнующее дыхание коснулось русой шевелюры, вызвало прилив нежности и мгновенное желание выкупаться в безбрежном молочном океане. Повеяло теплом, но шепот сквозь слезы быстро остудил его душевный импульс.

– Валера, прошу... не надо, пожалуйста!

Перед носом захлопывается дверь, открывается другая – наружная. Заходит с улицы Павел Семенович, пьяный и веселый, разрушает почти семейную атмосферу.

– Я был в восторге! – брызгает слюнями сосед-вредитель, окидывая мутным взглядом комнату *Кота*. – Так, слово за слово... говорю Ирине: *Пойдем в баню. А что, – говорит, – пойдем!* Брат не пускал, а я все равно пошел. Разделись мы, наскоро попарились. Конечно, баба – сок.

– Как она вообще оказалась у твоего брата? – улыбается *Кот*, представляя костлявую фигуру старика на фоне моложавой женщины – их карикатурно слипшиеся тела.

– Как... – Озадаченный вопросом, сосед выпускает облако ядовитого дыма. – Да они соседи, черт побери! Брат любит выпить, а Ирка пришла опохмелиться, вот.

И, надо же, прозвучал звонок в квартиру. Старик сорвался с места, поскакал к выходу. Из прихожей донеслись веселые возгласы, нечленораздельный разговор, женский смех. Перед глазами изумленного *Кота* явилась маленькая не противная женщина, неприметная как любая ширпотребовская вещь.

– Это мой очень хороший товарищ. – Прокуренный палец *Вредителя* порхнул по воздуху и остановился на *Коте*.

– Вижу, неплохой, – прямодушно улыбается Ира.

С последними словами она открывает сумочку, извлекает бутылку «Столичной». Трудно передать, как засветился старенький сосед. Появление водки привело старика в восторг. Непонятно, зачем еще и женщина...

– Я будто ведала, что вы на мели. Дай, думаю, загляну в магазинчик, – верещала Ирина, осматривая комнату *Кота*.

Вслед за выпивкой стол разнообразился незамысловатой закуской. *Кот* вспомнил свою первую жизнь, в которой много крови, но в гуще мрачных событий выделялась обманчивая своей хрупкостью женщина – лидер в мужской банде, очаровательная хищница, организатор нападения на *Чертовку*. В той среде крутились большие деньги и... пищевые отходы с барского стола. Теперь сервировка казалась более цивилизованной, вместо надкусанных бутербродов – банка шпрот и булка не черствого белого хлеба.

– О, у вас гитара есть! – просияла Ирина.

Она всерьез берет инициативу в свои руки. Сняла гитару со стены, ударила по струнам, и *Кот* подумал о спасении – под шумок выскользнул из комнаты. Вслед за ним заскользила новоиспеченная артистка, у нее, видите ли, внезапно пропал интерес к музыке.

– Ты мне сразу понравился, – горячо зашептала она. – Кто бы мог подумать, что встречу тебя. Только не отвергай! Знаешь, какими искусными могут быть женщины в моем возрасте!

Ей за сорок, – удрученно подумал *Кот*. – *Очень доступная бабенка, но конкурировать со стариком... Пить ей меньше надо.* О, господи! Она прижала его к стене, задышала перегаром. Наверняка ее жизнь состояла из непрерывных застолий. И как всегда, удача приходит неожиданно – откуда ее не ожидаешь.

– Ну, вы где!? Я потерял вас, – с такими словами подвыпивший Павел Семенович вывалился из комнаты *Кота*, мгновенно приводя Ирину в состояние невозмутимой отстраненности.

События стремительно развиваются. Апогеем становятся громкие вопли женщины, истерично терзающей струны. Конечно, в пьяном угаре она видится себе Пугачевой или Караклаич. Но какое имеет значение ее состояние, если все выпито и съедено. *Кот* слышит за стеной мученические стенания дивана, приглушенные вздохи. К горлу подкатывает тошнота – может, от избытка в квартире водочных паров, или повлияла недвусмысленная возня в постели за стеной. Надо отвлечься, еще остается дверь в прекрасный мир, пусть даже воображаемый, сотканный из более привлекательных образов.

Расслабляющее безделье так или иначе приводит к осмыслению различных эпизодов из личной жизни. Ничем не примечательные ранее события при тщательном их рассмотрении обрастают любопытными подробностями, со временем выглядят анекдотичными, не лишены поучительных ошибок. Действительно, было над чем посмеяться, над собой – в особенности.

При вынужденной бездеятельности часто появлялась психологическая ниша для чтения даже самой заурядной литературы – было бы чем заняться. Он, в отсутствие *Бестолочи*, увидел на ее кухонном столе «Тайную книгу для женщин» некоего Колесова. До появления хозяйки успел вычитать несколько фраз. *Тем более что ум у мужчин менее гибок, чем у вас, и он довольно быстро прекращает развиваться... Конспирация вообще лучший способ гармонизации семейной жизни, и вы еще не раз в этом убедитесь... никогда ни в чем не создавайтесь. И не забудьте упрекнуть его, что верить сплетням недостойно ни его, ни вас...* Показался удивительным факт, что автор, являясь мужиком, старается убедить читательниц в своей немощности. Кажется, он преуспел. С таким тупым юродством Вадееву не приходилось встречаться.

Как-то поздним вечером, то есть за три недели до появления в его комнате *Интриганки*, *Кот* читал в газете объявления с предложениями работы, а потом развлекался тем, что просматривал рубрику с поисками спутников жизни. Иногда смеялся от души. Откровенность

женщин забавляла и умиляла. *Пухленькая, щекастая, сисястая, не фригидная, самостоятельная, домашняя вдова, русская, образование высшее, материально обеспеченная...* Самое любопытное письмо опубликовано от Маргариты – с элементами внушающих повторов: *я – представитель альтернативной медицины, я – врач, необходимый вам, вы нуждаетесь во мне, я...* и тому подобное. Нельзя отказать женщине в словесной изобретательности и волевом характере, точнее – в способности *Кота* видеть то, чего нет.

Он попал под влияние объявления, на следующий день отправил письмо *до востребования* по указанному в тексте почтовому индексу. И вот жизнь обогатилась новыми впечатлениями, а телефонные разговоры с Маргаритой стали бесконечными. Она оказалась интересной собеседницей, без устали сыпала афоризмами и сведениями из медицины. В ее речах, будто снежинки на черном покрывале, искрились подчеркнутые достоинства: она красива, умна, в нее влюблялись многие, но она всегда предпочитала мужа, с которым позже развелась. Оказалось, она еще никого не любила, а ее бывший муж – нехороший человек.

– Мы с вами разговариваем до поздней ночи, это вас не утомляет? – деликатно обронил он, зевая в трубку.

– Что вы! Наоборот поднимает тонус. И потом... я лежу в ванне, вокруг меня вода, а разговор вызывает сексуальные желания.

Не так уж и плохо устроилась докторша. Зато он высиживал ночи у телефона, делал бессмысленные зарисовки и мало уделял времени рукописи. Женщина умеет своей энергетикой пробуждать интерес к своей личности.

– Сегодня я работала с группой мерзких людей. Всю их грязь взяла на себя, очистила их, но сама... Можете представить, каково носить в себе их безнравственность. Но вы говорите, говорите! Я чувствую, как очищаюсь. Мне это просто необходимо, чтобы начать жить заново. А вы любите стихи?

– Было время, когда ночи просиживал. В общем-то, детский лепет, если не сказать хуже. Теперь иногда пишу прозу – маленькие рассказы, которые никому не нужны.

– Прочтите что-нибудь.

Кот читал из своей рукописи небольшой отрывок, в котором отразились его эротические сны. Эротика и понравилась – получилось созвучно ее настроению. Уловил сдержанное молчание, спросил:

– Вам уже надоели разговоры?

– Не совсем, но я изнываю от желания получить от вас приглашение. Должна быть встреча. И немедленно! – прозвучал игриво-угрожающий голос.

– О, да! Девять утра в субботу устроит?

– Хорошо, я приду.

– И я вас сразу узнаю?

– Меня трудно не узнать. Если бы ты видел, как на меня смотрят люди! Ты не возражаешь, мы перейдем на *ты*? – с запозданием дополнила Маргарита.

– Согласен. Какого цвета у тебя глаза?

– О, шикарные зеленые, – тягуче произнесла она. – Ха-ха...

Смех прозвучал многообещающим, хотя *Кот*, как существо иррациональное, не строил перспектив в отношениях с Маргаритой, ему достаточно получаемых впечатлений. Обычная реальная встреча могла разрушить привлекательный образ, созданный во время телефонных разговоров.

Она проявила пунктуальность. Сначала прозвучал дверной звонок, потом он увидел... О, боже! Лучше бы не видел. Перед ним стояла коротышка с довольно развитой спереди средней частью. Конопатое лунообразное лицо, на котором выделялась ярко-вишневая шутовская улыбка. Все изображение окантовано пышной прической с изрядной проседью. Куда-то поде-

вались огромные зеленые глаза, зато он почувствовал на себе прокалывающий эффект ее черных зрачков. Вся она шелестела импортной кожей на меху и в молниях.

– Здравствуй! – энергично заявила пришелица и уверенно промчалась в его комнату.

Для встречи он потрудился на славу, а именно: приготовил жареного цыпленка с отварным картофелем, к бутылке коньяка добавил приятные напитки и два сорта шоколадных конфет. При виде сервированного стола она решительно сбросила куртку, вынула из сумочки французское шампанское, метко стрельнула пробкой в открытую форточку, а содержимое разлила по фужерам.

– За наше знакомство!

Ее нарочитая поспешность никак не вписывалась в привычные нормы поведения, но его удивление и растерянность как раз и подвигли женщину к энергичным действиям. Не давая опомниться после шампанского, она обхватила его за шею, поцеловала в засос, потянулась за коньяком.

При иных обстоятельствах он бы выставил за дверь наглую гостью, но Маргарита уже забавляла его. Конечно, причиной явились шампанское и три стопки коньяка. Когда она недвусмысленно повалилась на диван, стала понятной ее вызывающая фамильярность. Он не стал разочаровывать уставшую в ожиданиях женщину, без всякой прамбулы задрал кожаную юбку и сразу попал в атмосферу пота и французских духов. Его умение и ловкость привели Маргариту в чудовищный восторг. Сирена гражданской обороны не вызвала бы такой переполох в квартире, какой произвели ее стенания и вопли.

Напились они сильно. Маргарита прожила с ним трое суток, которые помнились смутно. Иногда перед глазами всплывали контуры ее рыхлого до безобразия тела и бледно-розовые пятна на коже. *Не обращай внимания на мою кожу, это из-за отсутствия мужчин. Происходили гормональные изменения в организме, но теперь все наладится.*

Он бездумно кивал хмельной головой и мечтал быстрее освободиться от Маргариты и ее сексуальной ненасытности, вечером третьего дня проводил. Все произошло в лучшем виде, и он не остался в обиде, наоборот – благодарил за общение. Она проявила эрудицию и ум, обогатила его жизненный опыт. Но было еще... о чем он ей, конечно, не сказал, – это ощущение холодной и бесчувственной машины, которая перемалывала его физически и психологически. Единственным смягчающим аргументом всего безобразия являлась его независимость. *Вы для меня существуете только в воображении, – мысленно оправдывался он перед возможными оппонентами, – на самом деле меня рядом с вами нет, я существую в другом измерении. Независимость и неуязвимость. Вряд ли кто еще может похвалиться неслыханными возможностями.* Таким образом он убеждал себя.

– Приезжай немедленно! – прозвучал через день ее голос в телефонной трубке.

Он с готовностью согласился, через час был у нее. А после скромного угощения Маргарита потащила его в постель, окруженную со всех сторон библейскими атрибутами с благовониями. В таких условиях совсем не до эротики. А она? В родной стихии она разомлела, в блаженстве прикрыла глаза. Видя ее желеобразное тело, можно прийти к единственному правильному решению. И он бежал.

Все стало неопределенным – душевное состояние, трудовая деятельность, человеческие отношения... впрочем, как и для многих в неуправляемой стране. Надо иметь точку опоры, чтобы обрести уверенность, но для мятущейся души не существует трезвой рассудительности, она как бы отрывается от его физического состояния и живет самостоятельно, сама находит защиту, выраженную в сновидениях или нечаянных фантазиях. В реальности он чего-то выжидает и трудится над рукописью, пытаясь осмыслить поступки, не совместимые с его интеллектуальными и духовными изысканиями. И как совместить легкомыслие в отношениях с Маргаритой и стремление к достойной жизни. Хотел проявиться в образе блудливого кота и не иметь

ответственности? Любопытно. Выходит, удалился от Любы не из-за духовных исканий, а просто захотелось облегчить себе жизнь.

– Ты приедешь? – обратилась по телефону докторша после недельного перерыва.

– Конечно!

Он согласился, ему очень хотелось доиграть придуманную роль. Она могла отвлечь от мрачных раздумий и даже раскошелиться на бутылку-другую. Ради такого случая можно стерпеть не только прикосновения ожиревшего тела, но и страстный, всегда ненасытный взгляд.

– Не теряй времени, сразу же собирайся, – прерывающимся от волнения голосом прошелестела она. – Все бросай!

– Могу принять ванну?

– У меня примешь.

И он поехал, потому что хотел отвлечься. Несмотря на антипатию к ней как женщине, приходилось отметить ее способность к перевоплощениям. И она, учитывая его художественный вкус, стремилась чем-нибудь удивлять. Он шагнул в квартиру и увидел рыхлую пожилую женщину в богато расписанном халате, у которой от дряхлости слезились глаза. *О, господи!* – мысленно воскликнул он, целуя пористую щечку, других слов не нашлось. Ей удалось потрясти его.

Впечатление оказалось настолько удручающим, что он поспешил отвлечься на обстановку квартиры. В первое посещение успел разглядеть огромного персидского кота, и то при входе. Потом потерялся в личных ощущениях, пока в панике не покинул добросердечную хозяйку. И надо ли обращать внимание. Богатая меблировка безвкусно подобрана, воздух насыщен долгим пребыванием старых людей. Что еще...

– Нравится? – спросила она с натянутой улыбкой. Наверное, поняла его состояние, не могла не почувствовать – с ее-то профессиональным и житейским опытом.

– Достаточно мило.

– В прошлый раз ты не разглядел спальню, – сверкнула она загоревшимся взглядом. – Идем!

Он решил быть послушным, хотя бы из любопытства посмотреть на ее капризы, оценить масштабы воображения. Наконец, никто его силой сюда не притаскивал, сам решил развлечься. Она же окунулась в привычное безрассудство, ее мозг попал в пучину бездумной страсти.

Спальня производила и вовсе удручающее впечатление. У окна большая кровать, стены завешены иконами или заставлены остекленными шкафами с библейской и философской литературой. Тусклый свет, тот же специфический запах.

Запах? Пока *Кот* искал причину дискомфорта, она за спиной успела сбросить с себя одежду, и он, повернувшись к ней, сразу попал в раскрытые объятия. Следуя собственной установке, опрокинулся вместе с ней на постель, но не мог преодолеть отвращения вообще ко всему и к ней в частности. Она лежала рядом, как если бы являлась трупом. Труп...

– Извини, я не могу. То ли духота, то ли еще что... Мне кажется, это иконы убивают во мне сексуальное желание, – ухватился он за спасительную мысль.

– Ты прав, – горячо зашептала она в ухо. – У меня есть друг – епископ. Он часто приходит... Я тебе говорила, как он крестил мою дочь на дому. Так у него ничего не получилось, а ты постарайся. У тебя все получится.

– Так что было с епископом? – спросил он, избегая необходимости что-либо делать.

– А, ничего. Он признался мне, что взял грех на душу – это как священнослужитель. Поэтому и не получилось.

Ее откровение переполнило чашу терпения. Он встал, оделся, поймал на себе ее предостерегающий взгляд. Бог с ней, все равно не возместить моральные убытки! В квартире нельзя находиться без опасения стать сумасшедшим.

– Куда ты? – Чуть не плача она простерла руку из-под простыни. – Транспорт уже не ходит.

– Я приду, только вот схожу в ванную, – пообещал он и торопливо покинул спальню.

Напротив кухни *Ком* увидел дверь в комнату, о наличии которой упоминала Маргарита. Не долго думая, он надавил на ручку и заглянул внутрь. При слабом свете, падающем из коридора, обстановка помещения плохо воспринималась, но при горящей свече выделялся большой стол без скатерти, на котором под белым покрывалом лежала старуха с тонким носом-клювом и темно-синими впадинами глаз. Все птичье изображение завершалось черным ажурным чепчиком.

Наверное, Маргарита расплакалась, когда услышала хлопок наружной двери, но ее переживания не имели значения по сравнению со свежим воздухом и широкой, свободной от транспорта, дорогой. Прекрасное настроение располагало к песням, и *Ком* с упоением мурлыкал себе под нос. Ему долго пришлось петь, потому что домой он вернулся только под утро. При входе его встретил тревожный телефонный звонок.

– Ты жив? – спросила Маргарита.

– Сама слышишь, – нежно проворковал он. Ощущение обретенной свободы не покидало его.

Он вошел в ванную, разделся, встал под душ. Вот оно счастье – свобода от мракобесия. И совсем неожиданно настроение пошло на спад. Будто чей-то голос нашептывал: *Ничего у тебя хорошего не получится*. Определенно, на психику влияла Маргарита. Она мстила ему.

Можно не думать о докторше и медицине вообще, но прошли две недели. Как-то быстро облетели деревья, снег запорошил крыши зданий. Постоянное ощущение физического дискомфорта омрачало светлое настроение, связанное с переменами в природе. Началось с красноватых пятен в самых интимных местах тела, позже появился нестерпимый зуд. Разрасталась досада на себя и *озабоченных* женщин, что совсем не мешало выдержать длинный телефонный разговор с Лидой. Поговорили в шутиливой манере, не касаясь обстоятельств знакомства в сарае.

Вот она цепочка развития событий! Хотел забыть Маргариту и не думать о последствиях связи с ней. Стали восстанавливаться детали упрочнения близких отношений с Лидой. Странным казался факт, что он не увидел ничего общего между простоватой женщиной в сарае и вновь объявившейся светской дамой. Что значит окружающая обстановка! Полюбопытствовал о ее интересах.

– Наконец-то догадались спросить, – рассмеялась она. – Я уж думала, чем-то не угодила, как женщина ничего собой не представляю.

Оказалось, является медработницей. Грамотно говорила о своих достоинствах: *Я пишу стихи, играю на гитаре, неплохая хозяйка. Хочу иметь близкие отношения с интересным мужчиной. Единственное условие – чтобы вы любили детей*. Звучало многообещающе. И это владелица сарая и огорода – в придачу!? Поговорили пару раз по телефону, третьего раза не получилось.

– Чего по телефону-то трепаться, давайте встретимся!

Фраза прозвучала в требовательной форме, и он пригласил Лиду к себе. Накануне встречи запаса бутылкой коньяка, купил сладости. Приготовления к общению с женщинами становились регулярными, а значит – привычными, не отличались оригинальностью. Не испытывал праздничного ожидания, как происходило с Маргаритой, но встречу запомнил до мельчайших деталей.

...Воскресенье. Робкий звонок. Он открывает дверь. На площадке сутулится хрупкая фигурка в изрядно поношенной цигейковой шубке. Огромная лисья шапка, темные очки в голубой оправе, ярко крашенные тонкие губы. Жалостливость и покорность. В голове

не укладывается, что в сарае он познакомился именно с ней, и по телефону звучал ее грубовато-требовательный голос. Он в смятении спешит изобразить приглашающий жест.

– Вы простите, я маленько приболел. – Она вопрошающе поднимает взгляд, и он поясняет: – Простуда. Так, ерунда.

Лида прошла вслед за ним в комнату, осмотрелась, заметно просветлела. Отказалась от помощи, сама сняла шубку и шапку, скромно присела на край дивана, распахнула на него большие серые глаза, с большим усилием подавляя волнение. Слабое беззащитное создание? Во всяком случае, ее поведение выглядело естественным. И он попал под влияние свежего восприятия такой переменчивой женщины, показавшейся в первый раз беззастенчивой в достижении цели. Она ему приглянулась, потому что он всегда мечтал о маленьком хрупком создании, нуждающемся в защите. От нее веяло женским обаянием. Странно, что он сразу не обратил внимание на ее исключительность. Показалась легкомысленной и очень доступной девицей, неразборчивой в постельных радостях.

Чтобы смягчить встречу, он сразу схватился за спасительный коньяк. После двух рюмок они зачирикали без устали, готовые вспорхнуть на ветку клена перед окном и тут же свить гнездышко. Наконец-то он осознал ее имя. Лида, Лидочка... Она встала перед ним, вытянула руки по швам, продекламировала стихотворение, а точнее – поэму о любви к мужчине, после чего ухватила за гитару, тут же отложила ее в сторону.

– Я хочу выпить с вами на брудершафт, – без тени смущения заявила она, опускаясь перед ним на колени.

То, что они пили и целовались, казалось значительным. Так просачивался воскресный день. А потом...

– Я устала, – обронила она совсем домашним голосом, в изнеможении повалилась на диван, прикрыла рукой глаза.

Он принял молчаливое приглашение, кое-как справился с узелками и застежками на ее одежде, обнял и почувствовал ответную реакцию. Она неприятно обескураживала своей податливостью. То, что в прохудившемся сарае казалось естественным приложением к бутылке водки, теперь наводило на грустные размышления. Все-таки он успокаивал себя мысленно: *Да, она искушенная женщина, благодаря природному уму и сексуальному опыту с единственным мужчиной – своим бывшим мужем. Теперь закономерно прилагает все усилия, чтобы завоевать именно Кота как более достойного для нее партнера. В ее естественных инстинктах нет ничего плохого и не говорит о ее распушенности.*

Все же доводы выглядели хилыми, и он никак не мог отделаться от желания быстрее встать под очистительный душ. В спасительном стремлении приложил немало терпения, чтобы в безобидной форме выпроводить ее. Оказалось не так просто. Она не только самозабвенно отдавалась, но и сама получала кайф, а дома ее ждали маленькие детки. Дети!? Может, для них Лида так старалась, что вспотела.

Она растворилась в вечерних сумерках, а он метался по комнате в поисках приемлемого выхода из сложившихся отношений. Ладно, нечаянная близость в сарае, но будущая связь представлялась нереальной, лишенной психологической основательности, неудачной шуткой – наконец. И потом – ее переменчивость. Она легко подстраивается под его настроение, не давая повода для сомнений или противодействий. Ее самоотдача подкрепляется душевностью, не требующей вознаграждения. Тогда в чем сомнения и где повод для расставания? От непривычных переживаний *Кот* утомился, прилег на диван. *Кот*? Но и во сне его не покидало беспокойство. Предчувствие?

Отношения продолжали укрепляться помимо его воли. Следующее утро началось под впечатлением прожитого дня. Только позавтракал – звонок в квартиру. Открыл дверь, увидел ее.

– Ты один?

- Я всегда один.
- Пригласишь?
- Конечно, милая!

Для него слово *милая* имеет особое значение. Такую особенность она поймет много позже, а пока стыдливо улыбалась. Стыдливо... О, коварство! Он принял все за чистую монету. Обласкал Лидочку, приготовил второй завтрак из своего фирменного блюда с жареным цыпленком. А поскольку близость уже состоялась, то новый день явился всего лишь переходом от общего к частному, то есть общение имело личностный характер.

Так он узнал, что она живет с детьми и мужем, с которым развелась, но никак не может разъехаться. Сегодня дети у бабушки, а бывший муж поджидает ее дома, но это его проблемы. Теперь-то она спокойна: нашла себе защитника и замену первому мужу. Она уверена в своих силах и своем будущем, все точно рассчитала, ему не придется за нее краснеть.

Он с удивлением смотрел в ее разгоревшиеся глаза и молча кивал головой. На мгновение ее восторженная речь прервалась, краска смущения залила лицо.

- Наверное, я говорю глупости? Прости, пожалуйста. Прости!

Он был не прочь полюбить молодую даму, старался понять ее и не безуспешно, но искал для ответных чувств веские основания. Дети не могли стать помехой. Тем более, двое мальчишек – Сергунька и Женечка. Она и фотографии показала. Очень милые. Но Лида не знала о существовании Любы Зуевой, присутствие которой он чувствовал с недавних пор. Независимость, как и перспективные планы целеустремленной женщины, обретали иллюзорные очертания. Не поэтому ли он бежал от Любы, что не мог противостоять ее обаянию и сексапильности. С Лидой проще, ее он не боится.

Словесные откровения сделали секс еще привлекательней. Для ее хрупкости выносливость казалась удивительной. Таким образом проходил день – в постельных уладах, обогащенных отдельными восклицаниями, пением под гитару и мечтами о перспективах их отношений. К вечеру ее силы истощились, она стала задыхаться, метаться в постели, в носу открылось кровотечение.

- Зажги свечу, дай мне! – повелительно воскликнула она, отрешенно глядя в потолок.

Кот изучал ее с любопытством и долей иронии. Ее изобретательность в получении сексуального наслаждения забавляла его, не оставляла места для серьезных намерений. И какая может быть серьезность, если мысленно она ушла от него, витала в своих личных ощущениях, ловила нюансы с помощью свечи.

Застывшие капли парафина оставались на лобке, пупке, между маленькими упругими грудями. И ее порочный взгляд... Лучше бы ему не видеть бездушной бездны, состоящей из одних физиологических потребностей. И все рассуждения о стихах и музыке выглядели бутафорной раскраской для привлечения самца. Точно, как в случае с Маргаритой.

– Знаешь, почему я пришла... ведь ты не приглашал. Ты показался мне большим еще тогда, в сарае. – Она широко распахнула глаза с черной бездной. – Мне было больно, но я мазохистка. Мне приятна боль, связанная с сексом.

- И ты молчала?

– Мне понравилось, и после ночных размышлений я решила повторить опыт. Ведь сексом могут быть определены наши дальнейшие отношения. Теперь успокоилась. Правда! Мы сможем заниматься любовью... Я глупая, да? Ты прости! – Она просунула руку под его рубашку и нежно поглаживала грудь.

Время шло, двор скрылся во мраке, затих город. Лидочка не спешила уходить. Возможно, она мечтала о заманчивом предложении, а в его воображении складывалась не очень блестящая перспектива оказаться заложником нечаянно оброненного слова. Как-то легко она проникала в его душевное состояние, тем самым лишив сил сопротивляться.

– У тебя хорошо, комната расположена в приятном биополе. И я тебя хочу, милый. Давай же, давай!

Хрупкая женщина начинала пугать своей ненасытностью и неисчерпаемой энергией. Время от времени она завладевала инициативой, устраивалась верхом. Ее стоны сопровождались кровотечением из носа, но она не позволяла ему опомниться, только шептала: *Потерпи, милый!* Наконец достигала цели.

– Не смотри! – Лида прикрыла ему глаза ладонью, но сразу же пояснила: – Ты не обижайся. Мне надо походить на процедуры. Это все от длительного воздержания и слабых сосудов.

Он готов был усомниться в ее объяснениях. Разве не она терзала его, занимаясь вампиризмом. Это его кровь текла через край, потому что она не справлялась с ее поглощением. Женщина использовала его на полную катушку, будто знала – они скоро расстанутся. Мда-а, секс приобретал спортивный интерес. И он уже сам увлекал ее в постель, подминал под себя, заставлял стонать от удовольствия и боли.

– О, как хорошо. Еще, давай еще, милый!

Он обливался потом и мечтал о времени, когда все это закончится. Ему казалось, если он замучит ее, то встреча уже никогда не повторится. Что ж, любому человеку свойственно ошибаться.

Маленькая тигрица проявляла чудеса сексуальной изобретательности. Глядя на нее, он убеждался в справедливости утверждения: главной природной характеристикой человека является неустомимость в сексе – в большей или меньшей степени. И если братья Гонкур в своем «Дневнике» писали, что главное для них – книги, то наверняка лицемерили. Просто они не испытывали дефицита в доступных женщинах.

– Прости, пожалуйста. Прости! – шептала она, уткнувшись в носовой платок. – Это от длительного воздержания. Сказывается нервное напряжение.

Он ласкал любвеобильную женщину, успокаивал. Ну, кровь, а что особенного? Зато крепла уверенность в собственных силах. Пришлось выдержать трудный поединок, результат – налицо. Опасения? Все туфта. Она не может бесконечно питаться его кровью. Они должны расстаться, что и сделали час спустя. Трогательно – с поцелуями. После ухода Лиды он обнаружил на столе записку: *Валерочка, я счастлива! Еще долго буду вспоминать твоё теплое сексуальное тело. Твоя Ли.* Значит, его Лида?

Брился, ничего не замечал, и – вдруг... *Что со мной?* Может, ему померещилось. Незнакомый человек отражается в забрызганном пеной зеркале. Паутина морщин вуалью осела вокруг глаз, трещины расчертили впалые щеки. Поблекший взгляд и нити седых волос.

Всегда воспринимал себя изнутри – таким гарцующим молодцем. А закат близок, ничего не сделано. Только радужные мечты, неясные планы. Да, строил уникальный дом, искал партнеров для будущей совместной деятельности. Не торопился. Казалось, все впереди, можно подурачиться. Дом сгорел, фирма прогорела, и теперь... вопиющая несправедливость! Несправедливость? В образе кота хотел уйти от действительности.

Вадеев торопливо добрился, вернулся в свою комнату, раздраженно вытащил все ящики письменного стола, с антресоли снял огромные рулоны изрисованной бумаги. Были еще папки с масляными работами, их тоже выпотрошил. Надо же, догадался посмотреть на себя со стороны. Вспомнил, как в тридцать лет прослезился, сравнивая себя с Лермонтовым. Тот умер в двадцать шесть, но оставил огромное наследие – не в пример Вадееву. С того дня сделано мало, и ничего примечательного.

Где-то, за пределами комнаты, кипят творческие страсти, передовые мысли у всех на слуху – их можно оспаривать, но о них знают. Личное убожество предстает во всей своей обнаженной никчемности. *Для чего и зачем?* Он разматывает рулоны, рвет откровенно бездар-

ные работы. Зачем спасал из огня, всюду таскал с собой? Ах, да... икогда не поздно делать объективные выводы, для того и хранил – надо созреть для правильного осмысления своего творчества. Даже очень возможно, он зря сомневается в своих способностях. Никогда не врал, всегда оставался самим собой – даже самобытным, если учесть его добровольную самоизоляцию от художественной элиты с ее вечной болтовней об истинном искусстве. А если он прав, то где результат?

Вадеев поднялся над поверженными трудами, задумался. Очень естественный монумент бездарному художнику. Только бы видеть со стороны. Со стороны!?! Он обозлился, хотел все сокрушить, а вместо этого одевается и выходит из дома. Во дворе оживление. Еще бы! Солнце пролилось на свежевывающий снег, под веселую разноголосицу ребятишек порхают в воздухе снежки. И у самого вмиг повысилось настроение, на пути забрезжил свет. Совершенно бессознательно отправляется в художественный салон.

В его поведении нет ничего исключительного. Всего лишь внезапное просветление после длительного творческого застоя, желание с меньшими потерями выйти из душевного кризиса. Затянулась пора переосмысления? Значит, все впереди. Как здорово испытывать обновление. Появился повод порадоваться.

Салон-магазин безнадежно пустовал. Продавщица да несколько модниц у прилавков с бижутерией. Нечаянно прилудила юная парочка, без интереса посмотрела на картины, тут же поторопилась удалиться на свежий воздух. Зато новоявленный старичок, с седенькой бородкой и клюкой в трясущихся руках, тщательно протер запотевшие очки, прикрыл ими слезящиеся глаза, с интересом огляделся по сторонам. Кажется, нашел предмет своих исканий. Пошмыгал носом, проверяя устойчивость визуальной экипировки, воззрился на красочное полотно в черной раме.

Рядом с экстравагантной картиной притулилась работа Вадеева под лаконичным названием «Озарение». Так, вспышка ярких красок, отдаленно напоминающая грозное небо, расколотое солнечным светом. Вместо туч – неясные темные символы, очень похожие на танцующих уродцев Матисса. Даже есть автограф – короткий вензель с длинным прочерком. Ничего, художественная роспись – самая эффектная деталь в картине.

– Вы, наверное, художник? – деликатно обратился он к старичку.

– А?! – потянулся тот ухом к Вадееву. – Упаси бог! Я, молодой человек, профессиональный критик.

Может, и был. Ностальгия по изобразительному искусству не дает засидеться дома. Тоже страсть. Как, например, заядлый рыбак при отсутствии водоема начинает удить рыбу в собственной ванне. Так и этот.

– Ничего интересного! – намеренно категорично заявил Вадеев, пытаясь втянуть старика в беседу.

– Да нет же, молодой человек! – попался на уловку странный критик и продолжил рассматривать все ту же картину.

– Может, поясните?

– А как же! Так и скажу... – Старик уперся маленькими суховатыми ручонками на декоративно-сучковатую палку, заинтересованно повернул голову в сторону вопрошающего собеседника. – Хотя бы возьми эти две картины... Ну, что скажешь?..

– Трудно в двух словах, – сразу не нашелся Вадеев.

– То-то и оно, – примирительно прошелестел критик. – Сказать нечего. А ты не возмущайся. Вижу, ты – автор «Озарения». Боишься услышать критику, а хочешь... Да, хочешь! У меня-то, молодой человек, взгляд наметанный... Хорошая работа! И почерк свой... Тут ведь куда понесет. И озарение было. Вон сколько буйства. А вот с глубиной содержания... Ты не здорово серчай, а меня, старого, послушай.

– Понял! – вконец расстроенный, прошептал Вадеев. – Не хватает философии.

– Вот-вот, – обрадовался старик. – Я то же говорю: картинок много, а картин мало. Все поверхностно. Как живем, так и пишем. Хочется полегче да побыстрее.

– Ладно, пойду я!

– Да ты не сердчай! – добродушно повторился старый человек. – И не критик я. Только поздно поумнел.

Вдогонку продолжают разъяснения, но уже мало интересуют Вадеева. Наконец-то возникло настоящее озарение. Правильно подметил умный старик: как живем, так и пишем. Нет, он не откажется от искусства, но непременно изменит свою жизнь. В лучшую сторону? Ох, как хотелось бы!

– Я пить не буду. Пойду, поздравлю, и все! – твердо заявляет Павел Семенович.

– Уж пойдешь, поздравь. Неважно, если не приглашали. Этот день нельзя будет вернуть, а твоя совесть останется чистой, – скрывая иронию, вторит *Кот*.

Сосед ушел. Явился поздно – в дым пьяный, с клятвой на пенящихся губах: *вот, ей богу, не пил!*

– Чего уж там. Ну, выпил рюмашку, потом увлекся, – успокаивал *Кот*.

– Нет, не было!

На следующий день клоунада повторилась.

– Вчера выпил, но чувствовал себя прекрасно, потому что на свадьбе была хорошая закуска – мясо, холодец, различные копчености, фрукты. Мне так и совали: *Ешь, Павел! Вот тебе это да то. Все ешь, не обижай!* Я все отведать, поэтому приехал домой без приключений, вот.

Разговор состоялся утром, а до вечера он успел сходить в лавку. Сначала пил водку, потом сорвался и убежал за пивом. На прощанье бросил:

– Здоровье надо поправить, а то голова деревянная. Вот!

Пива не оказалось, но Павел Семенович не унывал. Обычный бодрый вид, глаза – в разбег. Наивное стремление скрыть факт приобретения водки вызывало у *Кота* опять же ироническую улыбку. Сосед чаще заглядывал на кухню, хитро улыбался, а когда встретился взглядом с *Котом*, тот воистину узрел воздействие спиртного – маленькие черные точки в необъятной душевной пустоте. Но появилась улыбка, веки сузились, черные точки оказались в необходимой пропорции с молочным фоном, лицо приобрело приятную окраску. Игра, рассчитанная на простачка.

Позже *Кот* лежал на диване, слушал звуки, исходящие от пьяного *Вредителя* – шараханья в коридоре, бормотания, покашливания, чертыханья. Пытался размышлять, потом заснул. И снились ему пьяные мужики в бане, от которых разило перегаром. Запах прилипал к телу, никакая вода не могла смыть отвратительный аромат.

Внезапно проснулся, включил *бра* и увидел тусклый взгляд соседа. Дверь в комнату оставалась незапертой, и тот воспользовался ею, чтобы расширить пространство для ночного бдения. Однако общение имело мирный характер. *Кот* бережно провел соседа до постели, успокоил, накрыл одеялом.

Наверное, в эту бредовую ночь *Вредитель* вспоминал пиковые факты из своей жизни. Или другую, такую же бессонную. Да, ему есть чем гордиться. А женщины... хотя бы Маргарита. Как она смотрела! А то *Кот* возомнил из себя Казанову. Пусть мнит! В тот день он уверенно вошел в комнату *Кота*, утер усы, ринулся к губам женщины. Поцеловать не успел, чудом увернулся от оплеухи... *Кот* смеялся, а Маргарита опустила хмельную голову, мрачно спросила: *Валера, я что же, дала повод, чтобы этот грязный старик посмел хапать меня? Я не предполагала, что ты можешь опуститься до общения с таким...* С каким, она не договорила, но можно было догадаться. А *Коту* что, ему бы только вертопрахничать.

Кот на мгновение просыпается. Действительно, опустился, – с тихой грустью размышляет он. – *Стал заложником коммунальной квартиры.*

При спокойном течении жизни и приятной самоуглубленности затерялся новогодний праздник. Где-то происходили фейерверки из брызг шампанского, дом сотрясаясь от пьяных возгласов, а *Интриганка* не могла дозвониться до *Кота*. Он заперся в комнате, не реагировал даже на призывные выкрики *Вредителя*, сам верил в свое отсутствие. Кот? Или действительно счастливый человек, если незаметно подкрался февраль. Уже февраль!? Сумерки, кругом снег. Идет пьяный мужик с большим прохудившимся мешком на плече. С одной стороны пустырь, с другой – бесконечные ряды обезличенных гаражей. Пусто и холодно. Не вовремя мешок прорвался, посыпалась картошка. Поматюгался мужик и бросил остатки раздражающей ноши рядом с тропинкой. *Да что б я возился с этой дрянью!* —так сказал он, с тупым озлоблением пиная уже пустой мешок.

Чуть позже этой картошкой разжился *Кот*. После глубокой заморозки она бренчала – в точь бильярдные шары. Не беда. Он положил с десяток в кипящую воду, в раздумье ждал готовности. Телефонный звонок застал в тот момент, когда он сливал воду. Звонила Лида. Голос как всегда – интригующий. Не может смириться с его отстраненностью, поэтому в трубку пробиваются язвительные интонации.

– Как у тебя настроение?

– Обычное. Вот, готовлю ужин из мороженой картошки.

– Фи! Лучше послушай песню. Я подставляю трубку к магнитофону. Кто поет?

– Пугачева.

– Правильно. А что, думаешь, я делаю? Ну, говори!

– Что-то ешь.

– Да, ем виноград. А еще я танцую, держу в руке бокал с шампанским. А еще, думаешь, что я делаю?

– А еще... ты разговариваешь со мной.

– Правильно. А скажи, что меня окружает.

– Что-что... стены комнаты.

– Какой ты недогадливый. Цветы, вот что. Они по всей квартире. У меня куча поклонников.

Что сказать? Не ждал от нее звонка, ни на что не рассчитывал, а хватило несколько ее фраз, чтобы повысился тонус. Нельзя отказать ей в магической силе, заводить она умеет. Тем более, недоверие укрепляется.

– Надеюсь, ты не причисляешь меня к ним.

– Ты этого не хочешь?

– Да, не хочу быть среди сборища идиотов.

– Почему же так сурово. Есть достойные экземпляры. Один – совсем молодой, каждое утро сопровождает на работу. Другой... тот встречает с работы. Что, думаешь, они делают?

– Занимаются идиотизмом.

– Фи, какой ты однообразный! Они каждый день объясняются в любви, вот что. Ну, ты рассердился?

– Что я, с ума сошел, что ли. Только рад за тебя.

– А почему ты рад?

– Что ты, наконец, весела. Звонкий голос подчеркивает твою уверенность и всю полноту счастья в личной жизни.

– А ты почему такой грустный?

– Не грустный. Просто напрягаю слух. Эта музыка и трескотня...

– Положи трубку, я перезвоню.

Искусственная веселость *Интриганки* отражает далеко не радостное ее состояние. Он вспомнил ее первое появление в лисьей шапке и старенькой цигейковой шубке. У него жалостливо защемило сердце. Захотелось крепко прижать хрупкую фигурку и уберечь ее от невзгод. Повторился звонок.

– Да?

– Теперь лучше слышно?

– Конечно. Только отойди подальше от магнитофона и ответь на простой вопрос: у тебя неприятности, или звонишь с другой целью?

– Ну, тебе приятно слышать мой голос. Он тебе нравится?

– Возможно. Но зачем тебе мой голос?

– Мне тоже нравится слушать. У тебя язык хорошо подвешен.

– Такой вывод из нашего разговора?

– Не обязательно.

– Давай прекратим нетелефонный разговор.

– Тебе не нравится наш разговор. Почему?

– Ты же умная женщина, сама догадайся.

– Не хочешь со мной дружить? Я перестану уважать тебя.

– Я не нуждаюсь в твоём уважении. И прекрати танцевать у телефона. Ты что, специально стучишь каблуками?

– Это от волнения... сексуального. Меня обнимают. Ты рад за меня?

– Конечно.

– Тогда почему грустный?

Любопытный получается розыгрыш. И как бы Вадеев не хотел забыть о существовании Лиды, она умеет заинтриговать его.

– ...Потому что все ты выдумываешь. Иначе я бы слышал мужской голос.

– Он побежал на улицу. Кто-то ходит около его машины.

– Правильно сделал, что сбежал.

– А ты хочешь прийти ко мне в гости?

– Зачем?

– Фи, какой недогадливый. Поухаживать за любимой женщиной.

– Все, я устал.

– У тебя там женщина?

– Я что, рехнулся?! С тобой поговорил, теперь отбой женщинам на целый месяц.

– Это намек?

– Понимай, как хочешь.

– Ты нехороший человек.

– Тогда все?

– Да! Кладу трубку.

На самом деле *Интриганка* не торопилась, чего-то выжидала. Ей хотелось мужского внимания, а желание выразилось в нагло-фамиллярной манере. И это после нежно-трогательных встреч. Инстинкты оказались сильнее многолетнего воспитания. Или она права. Он и сам чувствует с ней родственность, когда не до условностей.

– А ты почему не кладешь трубку? – помолчав минуту, спросила она.

– Так, форма вежливости.

– Тогда приезжай ко мне!

– Прямо сейчас?

– Конечно! Нечего терять время. Все!

Она не хотела слышать возражений и положила трубку, а он в тягостном состоянии отставил кастрюлю с картошкой, пошел в ванную, включил воду, разделся и в таком виде предстал перед зеркалом.

На груди и ногах проступили омерзительные красноватые пятна. Нестерпимый зуд усиливается с каждым днем, теперь заметны следы расчесов. Сгруппированные прыщи усеяли живот, застряли на лобке, живописно спускаются к паху. Чем больше он всматривается, тем печальней представляется картина. Почти с упоением воспринимается желание Лиды заниматься сексом в темноте. Ласковые струи воды нежно омывают разгоряченную кожу, но еще приятней – расчесывать красные пятна. И *Кот* яростно принимается за дело.

После часа *ник* улицы пустуют, редкие прохожие кучкуются на остановках общественного транспорта. Их сплоченность объясняется инстинктивным страхом перед возможной опасностью затемненных городских кварталов, скрывающих в своих недрах грабителей и убийц. Властям нет дела до безопасности граждан, добросовестно оплачивающих услуги силовых структур. Даже небесные светила бессовестно зашторились кучевыми облаками, обостряя и без того криминальную ситуацию в областном городе. Жизнь теряет первозданную ценность, и редкие фонари высвечивают смертельную бледность человеческих призраков на фоне мазутного снега.

Кот с его воображаемой психологией легко вписывается в призрачный город с запуганными людьми и полумраком пустынных улиц. Его можно принять за одного из тех бомжей, которые в поздний час обследуют урны и мусорные контейнеры в поисках съедобных продуктов и теплых вещей, ставших вдруг ненужными для новых русских и хорошо оплачиваемых лакеев.

Уму непостижимо, до чего он сам дошел, во что одет. Заношенное демисезонное пальто и стоптанные замшевые туфли отпугнут любого грабителя. Еще ему не страшны экономические кризисы и политические перевороты, его защита – это нищета. Под впечатлением последней мысли, ее убедительности, он веселеет и, купив в киоске бутылку *Бренди*, направляется к остановке трамвая. Делает несколько шагов, но останавливает сипловатый немощный крик в спину. Он поворачивается на сто восемьдесят.

– Люди! Что же это делается! Как же так можно!

Тусклая лампочка над бронированной дверью продуктового магазина высвечивает сцену по западному образцу. Долговязый шустренький парнишка бесцеремонно шарит в карманах инвалида-коротышки. Руки жертвы подняты строго вверх – должно быть, в знак особой расположенности.

– Что такое!?! – булькнуло в горле *Кота*, потрясенного новым веянием современной действительности.

Юный грабитель испуганно выпрямился, крутанул головой по сторонам, увидел невольных свидетелей его гнусности, быстренько скакнул за угол дома. *Козел!* – донеслось из темного двора. Себя имеет в виду? *До чего докатились!* – удрученно бормочет пожилая женщина, пряча замерзающий нос в цигейковый воротник. *Удивительная страна,* – размышляет *Кот*. – *Есть правительство, но она плывет будто свободно дрейфующая льдина. Внутри нее бушуют политические страсти, всякий отстаивает для себя лучшее место под солнцем, а жулики слушают и под шумок разворовывают народное имущество. Диву даешься, сколько выплыло дерьма. Надо бы воспользоваться обстоятельствами и всех негодяев спрятать за крепкую решетку, так нет – о законности печется такое же дерьмо. Зато я неуязвим, у меня нечего красть и меня невозможно заставить служить политическим проходивцам.*

Интриганка проживает на последнем этаже десятиэтажного панельного дома. На распустье всех ветров, поскольку район недостроенный, а ближайшие деревья скрываются далеко

за пустырями. Лифт не работает, но после дорожных размышлений *Ком* ничему не удивляется. Пробежал по ступенькам, постучал три раза – дверь тут же распахнулась.

– Милый, ты уже здесь! – она тростинкой прильнула к его холодной одежде. – Я очень соскучилась по твоему нежному сексуальному телу.

Дети уже спят, в квартире царит полумрак. Она провела его в комнату. При свечах и блеске канделябров он видит сервированный стол, в центре которого возвышается графинчик с золотистой жидкостью, рядом – искусственная роза в изящной стеклянной вазочке. Весь конгломерат поступков и угощений гармонично объединяется успокаивающей космической музыкой.

Полуобнаженная, а точнее – в символической одежде, она выглядит неотразимой и желанной. А он?.. Угрызения совести, сомнения, незначащие фразы. Всему приходит логическое завершение: музыка и коньяк закончились, на десерт – душистая постель. Почему же храбрая женщина съехала у стенки?

– Что с тобой?

– Я полюбила, а ты – нет.

Ей так кажется, а он?

– Что ты говоришь! – пытается успокоить *Ком*. – Я даже высказать не могу, как ты мало меня знаешь.

С него хватило восклицания, чтобы она обрела в его объятиях уверенность, пригласилась и быстро заснула. Но и сон не приносит им утешения: она часто ворочается, а он тяжело вздыхает. Утром, как и накануне, мучает совесть. Он еще надеется, что красные пятна на коже – всего лишь раздражение, вызванное аллергией. Какой же он идеалист!

Мучимый мрачными предположениями, *Ком* отказался от завтрака, попрощался, вприпрыжку сбежал по лестнице. Оказавшись на улице, испытал радостное ощущение свободы от позора, виновницей которого, конечно, является Маргарита. *Если бы ты знал, как месяц назад мужчины восхищались моим телом!* Ай да докторша! А если так, то *Интриганка* скоро прозреет. Вот где естественный повод для окончательного разрыва всяких отношений. Да, нехороший повод.

В подтверждение правильности выводов позвонила она, потребовала незамедлительной встречи. За полдня у нее накопилось много впечатлений от общения с ним, она готова с поделиться. Кое-как уговорил подождать до вечера. Как ни странно, а ее настойчивость логично компенсирует его нерешительность, является одной из привлекательных сторон ее психологии, опять же интригующей.

И душистая постель становится все более притягательной. Наверное, Лида меняет ее ежедневно, как и свои трусики. Естественно лежать рядышком и получать всю полноту наслаждений. Только не в этот вечер.

– Ничего не пойму, – издали начала она. – Какой-то дискомфорт... тело чешется. У тебя все в порядке?

– А что должно быть? – *Ком* лихорадочно искал спасительный ответ на опасный вопрос.

– Ну, ты чешешься?

– Есть маленько.

Кажется, она другого не ожидала, мгновенно сбросила одеяло, поднялась на колени, бесстыдно разглядывая его тело.

– Ну вот, я так и знала. Ты с кем переспал? Можешь говорить откровенно. Это было до меня?

– Да, до тебя.

– Чесотка?

– Откуда мне знать!

– Иди в больницу, ставь диагноз. Будем вместе лечиться.

Ему показалось, он ослышался, но то же самое можно прочесть в ее глазах. Он долго страдал морально, и так легко нашлось решение в головке любимой женщины. Любимой... об этом надо подумать.

– А ты ничего! – Она вызывающе улыбнулась, на обоих натянула одеяло, крепко прижалась.

Кот с опасением подумал, не стал ли привыкать к энергичной молодой особе с интригующей манерой общения. Любви нет, как бы она не хотела услышать положительный ответ. Нравилась – это точно, но чтобы любить... Он ее не завоевывал, она сама пришла. Жила у него, когда хотела, развлекала своими сексуальными причудами, также самозабвенно отдавалась. Главное – он не мог ей доверить собственную жизнь, интуитивно чувствовал склонность к предательству. Настораживала легкость, с какой она поменяла бывшего мужа, отца ее двух сыновей, на скромного во всех отношениях мужчину. Расставания не получалось, но появилось душевное обновление.

– Как ты мог! – со слезами на глазах восклицает она утром, рассматривая свое тело. – И что ты со мной сделал!

IV

23 сентября. Утро.

Осенние катаклизмы не способствуют трудовой деятельности, и Степан Михайлович не торопится покидать постель, прислушивается к приглушенному разговору на кухне. Может, по причине бесконечных женских дискуссий, пустых по своей сути, накатились воспоминания не лучшего свойства.

Семь лет назад Вадеев впервые появился в поле зрения. В то время Алексин оставался на государственной службе, ходил на разнарядки, вел плановые расследования. Обычно ему доставались самые заурядные дела. Да и случай на туристической базе сначала показался банальным. Ревность, месть – вот частые объяснения подобных преступлений. Поначалу единственным свидетелем кровавой вакханалии являлся Вадеев. Позже в поле зрения попала Зуева, и события развернулись причудливым образом. Сам Алексин по уши увяз в *тайну двоих*, мимоходом способствовал отрицательной криминальной статистике. Позже разочаровался в деятельности официальных *органов*, стал частным детективом. И вновь появляется непотопляемая парочка.

Противно и стыдно сознавать свою невольную причастность к деятельности двух пройдох. Степан Михайлович в своих теоретических изысканиях вынужден всячески изворачиваться, чтобы только оправдаться в собственных глазах. Однако все построения выглядят неубедительными. Были преступления, а он являлся всего лишь наблюдателем развития событий, за молчаливое содействие получил от Вадеева вознаграждение. Черный чемоданчик хранится в могилке под полевыми цветами недалеко от сгоревшей *Чертовки*. Воспользоваться деньгами совесть не позволяет, пока есть свидетели его преступной халатности. Возможно, Зуева обратилась именно к нему, сознавая его зависимость и уязвимость, благодаря полученным деньгам. Своеобразный шантаж. И ничего у нее не получится, Алексин никогда не коснется денег, которых не заработал честным трудом.

Хуже того, он понимает, что всегда им симпатизировал. И подыгрывал? Не имеет права представитель Закона попадать под обаяние какой угодно зеленоглазой женщины, тем более – преступницы. А он попал под влияние? Роллан Быков не стеснялся признаваться в своей слабости перед талантливыми людьми. *Слаб я! Ну и что!?* – воскликнул великий артист в телепередаче. Вроде как само собой. Даже Людмила заметила ностальгический трепет Степана Михайловича при получении письма от Зуевой, но обернула все в шутку.

Чтобы не заклиниваться на самокопании, Алексин прыгнул с кровати, засеменил в ванную. Теперь каждый звук вызывает ассоциации из прошлого. Даже чихания и отплевывания крана напоминают чертыханья *Клетчатого* в лабиринтах *Чертовки*. Навязчивые образы мешают сосредоточиться на первостепенных делах, и раздраженный Степан Михайлович появляется на кухне как испытанном месте психологической разгрузки.

– Наверное, переспал, – скользнула взглядом по его лицу Людмила Николаевна.

Алексин отмахнулся, присел на край табуретки. Мирные хлопоты женщин и хлебный аромат блинов вытесняют неприятные воспоминания, и он позволяет себе улыбнуться. Жизнь представляется вполне благополучной.

– Только что размышлял об этих... как их...

– Ну и что?

– Не нравится мне все это... какая-то непреодолимая зависимость. Хочется жить светло, а мрак из прошлого портит настроение.

– Садись ближе к столу, и все пройдет.

Тая Гавриловна во всех дискуссиях сохраняет нейтралитет, но понимает состояние зятя. От нее ничто не ускользает в семейной жизни. Теперь хотела высказать свое мнение и ждала, когда выговорятся дети. Кажется, с поглощением блинов тема теряет свою остроту.

– Эх, ребяташки! – вздохнула она. – Как малые дети. Людям помочь надо. Намыкались бедные, вот и сейчас не знают, куда приткнуться... И душа за всех болит. Если бог прощает, нам ли гнушаться добрых дел.

Алексин переглянулся с Людмилой, быстрее заработал челюстями. Все-таки теща благотворно влияет на психику, легко расставляет акценты, вносит спокойствие в семейную жизнь. И он который раз подумал о своем состоявшемся счастье. Может быть, именно сочувствие криминальной парочке стимулирует его на поиски Вадеева. Вроде как покровительственный жест.

Только так подумал, и в сознании произошел перелом. Все показалось мелким и ненужным. Тысячи и тысячи людей ежедневно уходят из жизни, приходят новые, и все люди – букашки, мнящие себя единственными в своем роде. Делают друг другу пакости и требуют к себе особого внимания. Всюду во главе угла стоят деньги и материальная выгода, духовность является чуть ли не пережитком коммунистической идеологии. Ненавистные экономические законы вытекают из внутренней сущности высших чиновников, которые в погоне за властью и деньгами лишены нравственных принципов. И вся эта огромная бессовестная рать называется прогрессивной капиталистической системой, заложником которой является простой народ.

– Я вот подумал, должен быть бог. Пусть мы полностью не знаем его духовной сущности, но я уверен, добрые дела всегда беспроигрышны. Так что, мама Тая, вы правы – прощать надо. Конечно, в моей специфической работе случаются ошибки. Но не глупости.

– Странно ты заговорил, – прищурилась Люся. – Что это за витиеватость?

– А, сам не пойму. Всю жизнь пытаюсь обрести убеждения, но часто они рассыпаются, как пыль. Считал наших клиентов преступниками, потом они становятся жертвами, а чуть позже – талантливыми людьми. Теперь готов полюбить. – При последних словах саркастически усмехнулся.

– Даже так! – сверкнула глазами жена. – Может, Зуева и ребеночка тебе родит?

– Твоя ирония неуместна. Я думаю о высших силах. Иногда человек представляется бесполым существом – ходячей идеей, которая обретает подобающую ей внешнюю форму в соответствии с законами выживания. Глядя очень внимательно, изучая оболочку, мы можем догадываться о содержании, то есть проявлять проницательность. Так ведь неспроста появляются внешние наросты. Прежде всего, неоправданные амбиции. А заниженной самооценкой, или гипертрофированной скромностью, почему-то страдают действительно выдающиеся люди, их сразу и не распознаешь.

– Ты что-то говорил про соседку Вадеева... эту Мерзликину.

– Темная лошадка. Гложут ее какие-то воспоминания, хотя на скелет не похожа. Холеная мясистая телка. Вывела меня из себя. Бывает же идея незавершенной, вроде пчелиных сот с пустыми ячейками. Природа пытается их заполнить, а сами ячейки противодействуют. Бабонька всего боится. Замкнулась в себе и выглядит непробиваемой. Не удивлюсь, если отравила Вадеева, а ночью закопала где-нибудь под деревом, ха-ха...

– Но ты ничего не выяснил! – запальчиво перебила Люся.

– Прямо-таки! Разведал обстановку. Был счастлив удалиться. Из-за Мерзликиной квартира казалась переполненной людьми, ступить было некуда.

– Становишься мистиком.

– Может быть. – Алексин поежился, вспомнив ажурные трусики. – И постоянное присутствие кота. Эту идею точно внушила Зуева.

– Теперь понимаю твою симпатию к Вадееву. Вы оба занимаетесь чертовщиной. Догадываюсь, почему он не возвращается домой.

– Очень возможно, это Зуева не понимала его, пыталась сделать приземленным человеком с толстым кошельком, пусть даже ворованным.

– Тебя, конечно, заело.

– Ага. Поэтому не могу их забыть, хотя очень стремлюсь. Кажется, жизнь станет светлее. Также понял, как люди сходят с ума. Втемяшится какая-нибудь ересь и гложет мозг. Ведь живут люди нормально, еженощно занимаются любовью, систематически посещают рабочее место, растят своих оболтусов. И я готов иногда пострелять в защиту только своего очага. Но это же убожество!

Степан Михайлович сильно разгорячился. То, что угнетало в последнее время, выплеснулось внезапно и все сразу. Это хороший признак. Пусть выговорится. И Людмила уже не перебивала, механически кивала головой.

– А множество людей работает на унитаз. – Он небрежно махнул рукой в сторону окна, продолжил упавшим голосом: – Меня такой мир отталкивает как и чуждое сознание. Да бог с ними! У каждого своя религия. Вижу, не возражаешь. И правильно! Любую религию надо уважать, тогда чужая психология легче познается. Я сам стараюсь. Это путь к пониманию преступника или еще какого-нибудь гражданина. Моя профессия, как высокая колокольня – вижу все человеческие болячки.

– В общем и целом я поняла. Из служителя Фемиды ты превратился в обычного романтика.

– Вот как! – Алексин указательным пальцем потер висок. – Моя работа стала для меня своеобразным пространством для игры в психологию.

– Бедненький, – смягчилась Люся, – все-то тебе кажется. А люди живут своей обычной жизнью, и нет им до тебя дела. Может, мне подключиться? Попытаюсь разговорить Мерзликину. Наверняка что-нибудь знает.

– Иди. – Он развел руки. – Мне как-то все равно. Я полез в дебри женской психологии и увяз в самых нелепых предположениях. А теперь за работу!

Полдень.

В окно офиса, сквозь ближайший кустарник, просачивается неяркое солнце, роняет подвижные блики на более чем скромную меблировку. В оживленно трепещущий интерьер гармонично вписывается энергичная жестикуляция Людмилы Николаевны.

– С сегодняшнего дня ты будешь настоящим боссом. У тебя есть секретарша – миловидная женщина, которая влюблена в тебя по уши, ловит каждое твое слово и готова пожертвовать собой ради общего дела, хотя сама толком не понимает предмета деятельности.

– Вот как, не понимает. А наша общая клиентка? – Степан Михайлович осторожно коснулся лепестков гвоздики, стоящей в стеклянной вазочке на письменном столе, на мгновение оцепенел. – Они что, живые?

– Конечно! Сегодня день особенный. Наконец-то фирма «Алекс» материализовалась, имеет полный штат сотрудников... с нормальной сексуальной ориентацией.

Он не обратил внимания на язвительную интонацию, самодовольно забарабанил пальцами по столу. Ему вдруг стало уютно в широком, изрядно потертом, кресле, приятно от созерцания окружающей атмосферы надежности и солидности предприятия. И все благодаря Люсе с ее неумной энергией. Не укладывается в голове, как она одна могла за короткий срок навести порядок в офисе: наклеить обои под мрамор, выскоблить замызганные дощатые полы, очистить заляпанную мебель.

– У меня возникла шальная мысль... даже не знаю, как выразить. – Он перестал стучать пальцами, взял остро оточенный карандаш, коснулся чистого листа бумаги, но тут же поймал ее

взгляд, выразительный, направленный в сторону соседней комнаты. Похоже, шальные мысли имели для нее одну направленность. – Давай на работе будем думать о деле. Когда я смотрю на твою активность, то забываю о препятствиях на пути к любой цели, а при твоих намеках нахожу лишь нашу профессиональную несостоятельность.

Она хотела возразить, уже и воздух набрала для пространныго пояснения, но звякнул телефон. Степан Михайлович мертвой хваткой вцепился в трубку. Каждый звонок может означать работу, возможно – прибыльную, но с первых слов собеседника его взгляд потускнел. Когда клал трубку, то обнаружил перед собой чашечку дымящегося кофе. Даже не разобравшись в фантастичности появления бодрящего напитка, смело хлебнул, обжегся и удивленно взглянул на Людмилу Николаевну. Та смущенно потупилась, умело изображая благовоспитанную школьницу.

– Я считаю, любой настоящий босс может рассчитывать на чашечку хорошего кофе, – проворковала она, предусмотрительно сдвигая деловые бумаги.

– Все, я ухожу! – в сердцах выкрикнул Алексин, чувствуя расслабляющее влияние новой сотрудницы. Он схватил со спинки кресла плащ, метнулся к выходу. В спешке на лестнице ударился о балку, чертыхнулся, вспомнил о телефонном разговоре. – Пригласили в прокуратуру по прошлым незаконченным делам, но сначала зайду к Мерзликиной. Сдается мне, она продуманно выглядит бестолковой. Как говорится, с дурочки спрос маленький, но именно ее присутствие определяет отношения в коммунальной квартире. Интуиция подсказывает, с ней не все чисто. Ты сама убедишься.

Людмила Николаевна какое-то время прислушивается к удаляющемуся шороху листы под ногами мужа, потом оживляется – вытирает со стола пятна кофе, убирает посуду, наконец опускается в кресло. Ее удручает чрезмерно бережное отношение к ней Степана. Если так дальше пойдет, то о реализации своих способностей придется забыть. Он сознательно ограничивает поле ее деятельности деловыми бумагами и приборкой в подвале, будто и не было событий, связанных с *Чертовкой*. Пусть обманывается, она еще покажет! Иначе пропадет сти- мул драить полы. Придя к успокоительному выводу, Людмила Николаевна подобрала под себя ноги, пригласилась и задремала.

Легкое движение воздуха касается ее лица, ароматом духов кружит голову, вызывает щекотливо-приятные ощущения. Она хочет рассмеяться, но лишь улыбается и не спешит открывать глаза. Инстинктивно протягивает руки, касается пышных волос, скользит к нежной шее, опускается по гибкой спине. Невозможно поверить в реальность осязания, и она порывисто сжимает объятия. С удивлением открывает глаза, и голубое небо сливается с зеленью морских волн.

– Я ждала тебя, – придыхающим голосом произносит она.

– Теперь мы всегда будем вместе, – в ответ шепчет Люба, трогательно склоняя голову на плечо Людмилы Николаевны. – Нам не придется расставаться.

– Конечно! – смеется Люся. – Мы не настолько глупы, чтобы обманывать самих себя, и в сыске можем дать фору многим профессионалам.

– Ты уже придумала, как поступить с мужем?

Кажется, они стали единым существом и не ищут слов для пояснений. Мимолетные мысли об Алексине и Вадееве возникают как о нечто преходящем, совсем незначительном факте. А еще есть неземные отношения, потому что женщины другие создания – понимают и любят друг друга. Всегда любили. И не теряли головы.

– Мы должны вернуть твоего Валеру! – обретает твердость духа Людмила Николаевна.

– Да? И будем вместе, ха-ха...

– Любонька! – Глаза Людмилы округляются. – У нас должно быть решение, как совместить семейные отношения, работу и эту... взаимную симпатию. Найдется Вадеев, а что потом? Степа не поймет.

– О! У меня большие способности, нерастраченные силы. Буду у вас еще одной штатной единицей. Не вечно же на базаре торговать.

– Ха-ха, ты меня рассмешила. Может, занять место Степана, а его уволить? А что дальше? – Людмила становится серьезной. – Ведь он мой муж, его не обойти.

– Видишь ли, я не ревнивая.

– Ты не... с ума сошла!

– Ну да! Что надо мне, ему не отнять. От тебя тоже не убудет.

Потрясенная таким самообладанием, Людмила поднимает глаза, а Любы нет. Заснула, и привиделось невесть что? Кажется, она очнулась после дурного сна. Дурного!? Людмила Николаевна закрыла лицо руками, судорожно разрыдалась, но быстро успокоилась. Возникшая в подсознании сцена представляется как бы со стороны, кажется надуманной, теряет свою актуальность.

Естественно заработал мыслительный процесс. Зачем столько возни вокруг Вадеева, что за этим кроется, не связано ли с деньгами. Как известно, Арнольд Карлович – немец, что убит в магазине, вручил ему около пяти миллионов баксов, один миллион из которых перепал Степану в качестве вознаграждения. Если учесть женскую меркантильность, то вариант с деньгами выглядит самым вероятным. Возможные детали надо выяснять на месте. Идти к Мерзликиной? Если к ней просочилась информация о деньгах, то неприятностей не избежать. Или уже случилась беда.

Она быстро умылась, слегка подкрасилась, накинула плащ и... призадумалась. На всякий случай оставила на столе записку: *Сегодня не жди, ушла по работе*. Пусть привыкает к ее инициативе. Представила недовольную гримасу Степана и все-таки, решительно потрянув головой, направляется к выходу, удачно минует опасную балку, надежно запирает за собой двери.

– Опять вы! – не ответила на *здрасте* Мерзликина. – Да что же это делается, никакого покоя!

Степан Михайлович готов к противостоянию, поэтому игнорирует подчеркнутую неприязнь, невозмутимо протискивается мимо нее в квартиру.

– Вы напрасно сокрушаетесь. Судьба вашего соседа поважнее личных недугований.

– Ничего не знаю. Был, да сплыл.

Дверь ее комнаты приоткрылась, высунулась небритая скуластая физиономия с короткой модной стрижкой, вслед выпрыгнул и сам обладатель несвежей внешности и трусов в цветочках. Крепкий парень, но пониже Мерзликиной.

– Чего тебе надо здесь!? – заорал он. – Хочешь в очко сыграть?

Конечно, обыкновенный благовоспитанный гражданин может смутиться при неожиданном, ничем не объяснимом, хамстве, но не Алексин. Он просто подошел, пристально посмотрел в глаза нагловатого парня и мягко произнес:

– Ты бы шел отсыпаться, шелудивый пес. Позже я займусь тобой, можешь не сомневаться.

Парень мгновенно сник, повернулся на сто восемьдесят, скрылся за дверью, а Степан Михайлович прошел на кухню, где Мерзликина выпускала изо рта дымные колечки, бездумно глядя в окно. Похоже, ее не беспокоила тревожная обстановка в квартире, а наоборот являлась важной и необходимой составляющей полноценной жизни.

– Кто этот парень?

– Вам какое дело!

– Из квартиры пропал человек, все являются важными свидетелями или потенциальными преступниками.

– Трахальщик! – почти выкрикнула она.

– С твоими соседями общается?

– Чего пристали?

– Ну!

– Наверно, выпивали вместе...

Разговор не получался. Сказывалось присутствие ее приятеля, но в иной ситуации, свободной от ревнивого и хамоватого свидетеля, она поделится информацией.

– Зайду в другой раз, – примирительно понизил голос Степан Михайлович и направился к выходу.

Ничего, ты у меня попляшешь! – мысленно пообещал он, удаляясь от подъезда, понимая, что нащупал нечто важное, и его, опытного ищейку, уже ничто не остановит. *Трахальщик* не избежит пристального изучения.

Он с удовольствием покидает Мерзликину с ее загадочной психологией и нагловатым парнем. Лес темный в их отношениях, или перед ним разыграли фрагмент продуманного спектакля. В пылу возникшего раздражения Степан Михайлович не замечает у подъезда фигуры Людмилы, провожающей его насмешливым взглядом. Она не пытается повторять неудачный опыт Степана Михайловича, но терпеливо обзванивает соседние квартиры. Отовсюду получает похвальные отзывы относительно единственной в подъезде коммунальной квартиры. *Веселятся каждый день, но драк нет. Хорошо веселятся.*

V

Между плотными шторами пробиваются первые лучики рассвета, воздух наполняется звуками всеобщего пробуждения. Наступает время, когда добропорядочные горожане совершают утренние пробежки, принимают освежающий душ, настраиваются на трудовой день. Существуют понятные, заложенные природой, биоритмы, но после неумеренного поглощения водки, кофе и сигарет Мерзликина вовсе не засыпала. В ее расстроенном сознании происходит невообразимая мешанина из фрагментов примечательных событий, происшедших в разное время, но обязательно с участием *Кота*. Каким-то образом он оказывает влияние на ее психику, его появление или исчезновение определяет настроение окружающих людей, распространяется на волков (в ее размышлениях сожитель выпал из цивилизованного общества). И сейчас она не слышит его присутствия, но чувствует: *Кот* пришел, находится рядом.

– Как он надоел! – бормочет *Волк*, томясь у нее под боком. – Не знаю, чего ожидать. У-у, прибью интеллигента!

Выходит, все в квартире посходили с ума, головы заняты исключительно малопонятным соседом. Даже *Волк* опасается его скрытности, ждет словесной поддержки. Но что сказать... Вот и вчера ночью услышала шорох у дверей, вышла в коридор, и что-то мягкое свалилось ей на шею. Она дико закричала, бросилась назад. Утром обнаружила на полу мокрую тряпку. И все равно сопутствуют кошачьи ассоциации.

Ей невдомек, что Павел Семенович надрезал бельевую веревку. Так, проходил мимо, посмотрел мутным взглядом на тряпичный балаган и сходил за бритвой. Когда услышал истошный вопль, удовлетворенно хмыкнул, натянул сползающее одеяло.

– Он тебе не мешает, – наконец произносит Мерзликина.

– Еще как мешает, и я поговорю с ним по-мужски, – раздумчиво бурчит *Волк*.

– Хм, поговори, – участливо поддерживает она.

В последнее время ее угнетает присутствие рядом живого бревна, даже его сексуальные потуги не вызывают ответных чувств. Есть рядом чужой человек, пытается распространить на нее власть. Да куда там! *Волк* и сам понимает, что его значение в ее глазах далеко не лучшее. Он для нее балласт. А сегодня?... Пришла с работы поздно, вроде как на собрании была. А, сука!

– Где ты была!? – взревел он, резко садясь в постели.

– Сдурел, что ли? – пискнула она и зарылась в подушку.

Он бесцеремонно повернул ее лицом к себе и залепил оплеуху, не сильно так – одной тяжестью ладони. Не увидел должной реакции, наклонился, всмотрелся в ее глаза. В ответ – равнодушие. Она совсем не воспринимает его присутствия.

– Ты с кем сегодня трахалась!? – заорал он и повторил пощечину более сильно.

– Отстань, придурок! – взвизгнула Мерзликина, вмиг слетая с кровати.

Она набросила халат и засеменила к соседу Паше. Сначала дернула дверь, а потом настойчиво забарабанила.

– Павел Семенович, ты спишь!?

– Сплю я, сплю, – не на шутку встревожился Узколов. – Я сплю, милая. Ты уж не трожь меня, а.

Мерзликина и сама толком не понимает, чего добивается. Наверное, инстинктивно ищет морального подкрепления. Не достигнув цели, возвращается в комнату, одевается и быстро покидает квартиру. *Волк* выглянул из-под одеяла, а ее нет. Что ж, в последнее время она становится непредсказуемой, откровенность является подарком. Только жесткие меры могут изменить разрушительную для него систему. Он скрипнул кроватью и, как был в трусах, зашлепал к Узколову. Дернул ручку и сразу же, без паузы, обрушил кулак на хлипкую дверь.

– Ты не спишь? Пойдем, опохмелимся!

Даже при малой доле воображения можно представить, до какой степени был потрясен старый пьяница, боялся ошибиться в добрых намерениях *Волка*. Еще меньше верил в божью милость. Вскорости звякнули пружины, щелкнул дверной замок, и вот он, как есть – в полный рост, с землистым лицом и давно нечесаной шевелюрой. И надтреснутый голос:

– Сейчас, дорогой, только сполосну морду.

Через час они мирно сидели в комнате Мерзликиной. Еще оставалась не тронутая бутылка, но Павел Семенович вконец раскис – неучтиво пускал слюни, в которых, как искорки в пруду, высвечивались слова безмерной любви к хозяину застолья.

– Я всех люблю, вот. А ты почему не любишь меня, а? Вот скажи сейчас, не сходя с места. Я ничего тебе плохого не сделал, так?

– Ты дружишь с *Котом*, – начал осуществлять свой стратегический план *Волк*.

– Вы с Лариской тоже поймите меня правильно. Он единственный, с кем я могу общаться, иначе... – После двух стаканов самогона много важных мыслей возникло в голове старого бедолаги. – Я могу сгнить в своей конуре, никто воды не принесет. Все меня оставили.

– Бро-ось! – отмахнулся дальновидный стратег. – Вы с ним обычные собутыльники. Но я на тебя не имею зла. *Кот* мне не нравится, ему недолго осталось жить.

Другой бы заступился за своего соседа, нередко проявляющего к старику сочувствие, иногда оказывающего материальную поддержку, но Павел Семенович даже не задумался об элементарной порядочности. Да, один раз *Кот* даже пригласил принять участие в работе по отделке помещения для какой-то сомнительной фирмы. Нечаянные деньги позволили надменно смотреть на обнищавших пенсионеров. Когда это было... Неважно. Старик понял смысл дармовой выпивки, быстро осознал свою значительность, смекнул, в какую тайну посвящается. Обладание тайной – это, прежде всего, власть. Ему надоело невозмутимое превосходство *Кота*, но судьба милостива, преподносит возможность взять реванш, да еще какой, ого-го-о!

– Продолжай! – Он уверенно потянулся за стаканом.

– Ты вот что... продай комнату мне, я найду тебе другую. А про *Кота* забудь. Понял!?

Такой бессовестности даже Павел Семенович не мог ожидать, он быстро начал трезветь, развеялись все его иллюзии.

– Не могу! У меня прописаны еще три человека, а зять никогда не позволит... Он, знаешь, какой здоровый! Не смотри, что ростом не вышел. Бывший афганец, возьмет и всех убьет, вот.

Он пробовал страшать *Волка*, но каким-то чутьем понимал, насколько никому не страшен. Поэтому стал симулировать сильное опьянение: уронил на грудь взъерошенную голову, пустил обильную слюну, понес околесицу о былых заслугах на трудовом фронте. Тут уж *Волк* обозлился, взял собутыльника под мышки, вытолкнул за дверь.

Выпивка не принесла удовлетворения, продуманный план не получил продолжения. Как будто и сам стал трезветь. На смену подползала сокрушительная злость, которую необходимо реализовать или вконец упиться.

Волк поскреб по всем возможным местам, где могла притаиться заначка или затеряться безымянная денежка, но все впустую. Так он терзался до вечера и, как только появилась Мерзликина, не поднялся с постели, а сразу заорал:

– Что, у тебя совсем нет денег!?

– Так ведь я купила курицу, осталось на троллейбус, – растерялась бедная женщина, машинально снимая пуховую шапочку.

– Тебе, значит, мяса не хватило, – констатировал шипящим голосом мерзавец, вспомнив свиную лытку, принесенную им на прошлой неделе.

В его мозгу всегда имелся запасной вариант, добыча денег не являлась чем-то новым. Он хрустнул суставами, подтянул трусы, поднялся с кровати. Мерзликина бессмысленно рассматривала дырку среди россыпи цветочков. Наконец спохватилась.

– Куда собираешься, все равно поздно.

– Заткнись! – отрезал он, надевая легкую кожаную куртку и нахлобучивая шапку. – Через час вернусь.

Вышел из подъезда. Хотя звезды сверкали бриллиантами, погода не радовала. Было прохладно, сыро и пустынно. Пересек двор, вышел на проезжую часть, осмотрелся, увидел двух старичков, изрядно подвыпивших, хорошо одетых. Неосвященная улица провоцировала на смелые и беспрониимые поступки. *Волк* шел навстречу своим жертвам.

– Это вы совратили мою жену? – вежливо обратился он, не обременяя себя эмоциями.

– Мы!? – изумленно таращит глаза старичок потрезвее.

Волк с минуту размышлял, стоит ли связываться с божьими одуванчиками, но все же для верности ткнул кулаком в нос обескураженного человечка. Опрокинув его в снежную колею, второго положил движением ноги. Манипуляции с выворачиванием карманов прошли как обычно – без шума и других протестов. Денег набралось на два пузыря, пенсионное удостоверение бросил в сторону. Старички уже не интересовали. Запомнить не могли, потому что луна спрятались за облака, звезды выделялись редкими островками.

В остальном его план тоже не отличался новизной. Купил в коммерческом киоске водку, удачно миновал милицейский «Уазик» и благополучно скрылся в подъезде. *Еще осталось на транспорт*, – смекнул он, сделав несложные расчеты.

Лариска дожидалась на кухне, тут же брюзжал старик Паша. Конечно, он догадывался о предстоящей выпивке, поэтому улыбался, говорил о своих былых заслугах, их значимости. После общения с *Волком* в полной мере сознавал вою причастность к великим событиям.

– А ты не думай, что я пьяный, ничего не понимаю, – говорил он в спину соседки. – Моя жизнь прошла в коммуналах, я многое перевидал... ты еще удивляешься... Я нужен тебе! – Последнюю фразу он выдохнул в изнеможении. – Ты понимаешь ли!? Никто не мог меня тронуть. Я всех уничтожаю, только так размазываю...

– Чего ты разорался? – *Волк* вышел из комнаты в традиционных трусах, демонстрируя мускулатуру обнаженного торса.

– А, ничего! – отрешенно икнул Павел Семенович.

– Он говорит, хорошо относится к нам, – выступила на защиту Мерзликина. – Ему не нравится *Кот*.

Волк молча присел на подоконник, прикурив «LM», сделал пару затяжек.

– Почему ты пьяный такой?

– Вместе пили. – Взгляд старика просветлел, под усами проскользнула ухмылка. – Ты вот скажи, с какой целью угощал меня.

– Трепло ты, но все равно выпей еще.

Он ушел в комнату, вернулся с бутылкой. Стараниями Мерзликиной стол украсился скромным натюрмортом – парой соленых огурчиков и луковицей у хлебной грядки. Тут уж глаза хитрого старичка засветились неоновым светом.

– Да я ради вас что угодно сделаю! – вскричал он. – Вот скажите, что написать, тут же напишу и подпишусь, вот!

– Ничего писать не надо. – *Волк* погасил сигарету, плеснул водку в стаканы. – Пей!

Они залпом выпили, но Мерзликина только пригубилась. Что-то в поведении приятеля настораживало.

– Ты вот что... спровоцируй *Кота* на скандал. Ну, сам понимаешь, неуплата за квартиру, плохое состояние газовой колонки... В общем, придумай. Пусть твой сосед обозлится на Лариску. Остальное предоставь мне. Ну, ты все понял?

– Все сделаю! – После выпивки речь Павла Семеновича обрела твердость и осмысленность. – Да я в интригах... я его так заведу...

Он и сам пока не представлял, что сделает, но почувствовал себя в родной стихии. Его красноречивый взгляд остановился на початой бутылке.

– Да пей, жалко, что ли! – *Волк* плеснул сразу по полстакана. – И ложись спать.

Последние граммы пошли не в пользу, потому что половина пролилась на стол. Павел Семенович хотел подняться, но слабые ноги не держали. Он повалился обратно – мимо табуретки. *Волк* успел подхватить под мышки и поволок раскисшего пьяницу в постель. Когда вернулся, *Мерзликина* стояла лицом к темному окну, жадно курила.

– Что ты придумал? – Она нервно раздавливает сигарету о пепельницу.

– А, ничего особенного. Ты же хочешь улучшить жилищные условия. Я помогу избавиться от *Кота*, а Паша сам тебе оставит комнату.

– Так думаешь?

– Сама увидишь.

Можно ли осуждать Павла Семеновича или еще кого-нибудь, если сам человек не понимает глубины собственной низости. И что есть правда? Ощущение или фраза? В идеальном случае – совпадение. Всякое поведение – всего лишь один из возможных вариантов правды, то есть самоутверждения. Нет ничего стабильного, но в любом случае есть прогресс – это положительная стабильность в движении. А войны? Тоже положительное разрушение устаревшей стабильности, чтобы развиваться быстрее, острее воспринимать красоту и доброту. Поэтому в реальности превалируют разрушающая ложь и клевета – признаки прогрессирующей личности. Актерское мастерство – самый безобидный, популярный и понятный способ познания возможных путей прогрессивного развития. Политика – тоже путь познания, но с помощью практического эксперимента. И ничто не соответствует истине, никто к ней не стремится. Искать ее придется, как и льва в пустыне, по методу *Тартарена из Тараскона* – просеивать весь песок, чтобы остался один лев.

– Зачем *Лариска* обижает нас, – с такими словами сосед обратился к *Коту*. – Я ходил насчет газовой колонки в ЖЭУ. Так что думаешь? Посмотрели картотеку по квартплате, а у нее долг за четыре месяца. И все! Отказали. Повлияйте, говорят, пусть заплатит, вот... тогда и говорить будем. А я для ее ребенка что только не делал, даже кашу варил, вот.

– Не расстраивайся, – усмехнулся *Ком*. – Не хочет мыться, и пусть.

Не кстати у Павла Семеновича день рождения. Хороший день, если учесть по-весеннему палящее солнце, только вот денег не оказалось. *Ком* раскошелился, поэтому они сидят за скромным столом и пьют водку.

– А мне за что наказание!? Я две недели не принимал ванну.

В это самое время донесся раздраженный хлопок двери со стороны *Мерзликиной*. Слух у нее замечательный или она специально подслушивала. Такой факт не портит застолья, и в стаканах не убывает, но престарелый именинник упрямо предлагает диверсию, требует немедленного правосудия и сатисфакции.

– Мы должны уничтожить мымру, пусть знает, кто хозяин в квартире.

– Хорошо, я скажу, – пытается успокоить буяна *Ком*, благожелательно отправляясь на кухню.

Под воздействием алкоголя появились меланхолия и желание высказаться в романтическом стиле, а тут *Бестолочь* – объект для развлечения. Курит, смотрит в окно, ягодицы подрагивают в такт неслышной музыки. Идеальный повод для контакта. Сексуального? Резко повернулась.

– Чего уставился!? – Поперхнулась дымом, добавила: – Чего доброго, сглазишь.

– Да? Вот что, милая соседка, – ласково обратился *Ком*, вроде как замурлыкал, – мы с Павлом Семеновичем вовремя платим за жилье, а ты – нет, и нам всем отказали в ремонте газовой колонки.

– Придет время, расплачусь! – жестко отрезала она. Отвернулась к окну, глубже затянулась «LM».

– Не обижайся, пожалуйста... Твой приятель, как его...

– И что он сделал?

– Кран-то он сломал. Мог бы сам починить.

– Вы с Пашей всегда недовольны: это не то, да то не так. Живите, как хотите, у меня своя жизнь.

По ее словам получалось, *Кот* и *Вредитель* делают жизнь бедной женщины невыносимой. А на защите ее интересов стоит *Волк*, который плотоядно лязгает зубами – не упустит возможности укусить, обидчик его женщины пусть пеняет на себя. Ее уверенность легко просчитывается, самое время подумать об актерском искусстве.

– Зачем он тебе. А хочешь, мы подружмся ближе? И подарками не обижу, – выпалил *Кот*, ослепленный солнцем, вынырнувшим в просвете облаков.

Она не отвечает и не поворачивается, судорожно прикуривает следующую сигарету, но зад вновь заходил туда-сюда, должно быть, ускоряя приятную встречу. Что это!? Стоит ли продолжать шутку, вдруг примет всерьез. Но что не приемлемо для Вадеева, то для *Кота* является естественным образом жизни.

– Он тебе не пара! – в согласии с мыслями убеждает *Кот*. – Ты вон какая пышная, томительная и чарующая. Гони его!

– Так думаешь?

Бестолочь раздавливает в пепельнице сигарету, круто поворачивается, скрывается в своей комнате. Изнутри щелкает замок. Никто не знает, что у нее на уме, а *Вредитель*, прислушавшись к разговору на кухне, забывает про обжигающий окуроч, самодовольно ухмыляется: *Я все знаю!*

Случаются чудеса в природе. Уже в начальных классах вымахала, и мама удивлялась, да и отец – тоже: *Ах, как быстро растет дочь!* И мозг рано сформировался, тем самым поставив точку в умственном развитии. *Какая умница, опережает сверстников!* Но одноклассники быстро догнали ее и... перегнали, осталась она на уровне неполного среднего образования. Воспитание продолжалось в кругу семьи, сделало ее такой, какой она стала – подозрительной, агрессивной, мстительной. *Дочка, никому не спускай!* – твердила мама Галя, показывая на отношениях с отцом, что такое солдафон в юбке. Отец спасся – убежал не просто из семьи, но в дальнюю деревню к простоватой и добродушной доярке.

Как и бывает обычно, конфликт между родителями не мог мешать им искренне и каждому по-своему любить дочь, души в ней не чаять. Наверное, потому, что вжились в образ талантливой девочки из первого класса, подающей большие надежды, еще из-за уважения к могучему торсу.

С годами характер у Мерзликиной не то чтобы испортился, но она становилась все более недоверчивой, всюду ей мерещились насмешки в свой адрес. Вот и теперь, лежа с *Волком*, она терзается мыслями о *Коте*. *Он смеется надо мной, изгаляется. Волк прав, надо его уничтожить – сразу поймать двух зайцев. И не жилец он совсем. Комната перейдет в пользу остро нуждающихся, то есть ко мне.*

Она бы еще распалась, но *Волк* зашевелился, повернулся к ней, начал проявлять свои привычные поползновения, инстинктивно пробиваясь между ног. Когда он не сознавал своих действий, ей нравилось. Его осмысленность всегда казалась грязной и похотливой, а так – дело происходило, будто с муляжом. Прекрасно! Бери, милый!

Мерзликина отворачивается к стене и упирается ягодицами ему в живот. *Интересно, как он обыгрывает эротические сцены, какие сам испытывает ощущения... небось онанирует. Напоить бы, изнасиловать... Все равно ничего не будет помнить.* – Тут ее воображение достигает кульминации. – *Зараза! Ублажает посторонних женщин, их сладостные стоны огнем*

прожигают ее сверху донизу, хоть уши затыкай. Ей в голову не приходит задуматься о правомерности своего недовольства.

Вскрик сексуального удовлетворения совпадает с выбросом отрицательных эмоций. Она умиротворенно закрывает глаза и забывается в утренних сновидениях. Ей нет дела до солнечных лучей, украдкой проникающих между шторами, она сама остается на заре юности – все той же удивительной девочкой из начальных классов.

Лариса болела давно и безнадежно, поэтому с особенным пристрастием относилась к сексу как основному показателю здоровья. Попыталась лечиться по книге Луизы Хэй «Исцели свою жизнь». Поскольку ее интересы не касаются общечеловеческих ценностей, то из бестселлера вынесла единственную мысль: она лучше всех, должна любить себя и свое тело, болезнь сама пройдет. И как все просто! Достаточно любить себя.

Иногда она раздевалась перед зеркальной дверкой шкафа, критически оценивала пышные формы, мяла соски, подрагивающими пальцами водила по мягкому животу, добиралась до паха. Дальше... забывала об окружающем мире, пока мастурбация не заканчивалась сексуальным удовлетворением. Она даже не догадывается о связи своей болезни с расхожим названием *Лень*.

Неприязнь к соседу усиливается из-за его равнодушия. Да, он не замечает ее исключительности. А где-то она читала, маленьким мужчинам нравятся крупные женщины. Теперь все происходит наоборот, из-за *Кота* разрушаются прежние убеждения, и покоя тоже не предвидится. Так в чем дело!? Она обязана восстановить справедливость, *Волк* станет орудием. Надо пробудить в нем звериную сущность, направить к цели. Ее речь в постели выглядит шедевром по своей простоте.

- Хм, он так смотрит, – бормочет Мерзликина, перетягивая одеяло.
- Как? – настораживается *Волк*, стараясь вернуть одеяло на прежнее место.
- Мне кажется, ему не хватает женщины.
- А те, что приходили...
- Это так... им хорошо, а ему – нет.
- То есть?
- Ну, он их удовлетворяет.
- А-а... ты при чем?

Вопрос загоняет ее в тупик. Чего она хотела достигнуть? Похоже, он не принимает ее слова всерьез.

- Что ты сделаешь, если он изнасилует меня?

Вот оно долгожданное молчание. *Волк* задумывается. Значит, она достала его.

– Убью! – озлобленно кричит он, вскакивает с кровати и бросается из комнаты. Вовремя спохватывается, надевает трусы и опять направляется к двери. Робкая просьба Мерзликиной остановиться только добавляет злости. Комната соседа оказывается закрытой изнутри. Он дергает ручку, кричит:

– Открой! Есть мужской разговор. Ничего не будет, всего лишь открой. – Ответное молчание распаляет ярость. – Открой, тебе говорят!

От удара ногой шпингалет отлетает вместе с шурупами, дверь с треском распахивается. *Волк* не привык робеть – протягивает руку, включает свет. Предстает зрелище со всеми атрибутами вчерашней попойки. Сам *Кот* лежит на полу – в куче сброшенной одежды, искоса наблюдает за наглым парнем.

- Зачем дверь сломал?

– А ты почему не открывал? – переспрашивает *Волк* таким тоном, будто его не пускали в личные покои.

- Я болею.

- Пойдем на кухню!

– Завтра поговорим, – пересаживаясь на диван, возражает *Ком*.

– Зачем приставал к Лариске.

– Как я могу приставать, если она мне физически противна, видеть ее не могу.

– А на это что скажешь? – показывает пальцем *Волк* в сторону полуголой *Бестолочи*, неожиданно возникшей в дверях.

Женщина восприняла указующий перст как сигнал к атаке, с воплем кинулась на *Кому*, но даже слабую защиту не могла преодолеть. Все-таки зацепила *бра*, спутала прическу, расплосовала рубаху. Подобраться к лицу не удалось.

– Вот видишь! – самодовольно развел руки *Волк*. – А ты говоришь...

– До чего поганая квартира! – тяжело вздыхает *Ком*, в отчаянии хватаясь за голову.

– Думай, думай... А ты!.. – Накопленная ненависть выплеснулась в громогласных матюгах. – Пошла отсюда, сука! И никогда не заходи в эту комнату.

Она отпрянула, потом резво подпернула сползающие трусики, круто повернулась, расправилась в полутемном коридоре. *Волк* выждал паузу и вышел за ней следом. Чуть позже коммуналка огласилась криками. На кухне сыпалась посуда, в ванной тоже что-то рушилось. В квартире происходили естественные, почти семейные, разборки. Это для них, а *Кому* становилось невмоготу – появилась потребность в очистительном воздухе. Он не придумал ничего лучшего, как позвонить *Интриганке*.

– Милая, ты не хочешь устроить праздник в честь нашей встречи? – без окольности обращается он к ней. – Или, например, вечер твоей поэзии. Как посчитаешь лучшим. Не скрою, твои стихи производят впечатление.

Она молчит. Должно быть, внезапный интерес к ее творчеству воспринимает с недоверием. Все-таки хочет верить.

– Приезжай, если не обманываешь.

Если Вадеев временно страдал с похмелья, то настроение Мерзликиной ухудшалось хронически: рушились надежды реализовать тезисы Луизы Хэй. Как можно любить себя не имея даже махонькой власти, окружающий мир игнорирует ее присутствие. И все-таки не просто ее сломить, она все будет делать из любви к себе и для себя. *Любить себя!* – вот девиз, излечивающий душу и тело. Болтовня о необходимости любви вообще к людям ничего не значит, она есть дань религии и простейший способ уживаться в коллективе. Не трудно сыграть роль: надо чаще улыбаться, говорить лстивые слова, но главное – любить только себя. Общество необходимо в качестве зеркала, через которое воспринимается собственная масштабность. А *Ком* не любит и презирает ее, изгаляется над ней. Что ж, ему хуже, она уничтожит его.

Мерзликина прислушивается к звукам в квартире. Уж не смех ли – в то время как ей плохо. *Волк* безмятежно похрапывает, и она без препятствий освобождается от его блудливых рук, встает, надевает трусики, накидывает халатик. В зеркальной дверце шкафа отражается ее величественная фигура. *Я самая, самая...* А что самая? Ее расстроили, заставили усомниться в своей исключительности. Терпению пришел конец. И взбалмошная женщина понеслась на кухню за сигаретой. Очень кстати подвернулся окрепший после пива *Ком*. Она сходу заявила:

– Мне надоело, что ты разводишь грязь!

Он в недоумении смотрит на ее искривленный рот, потом переводит взгляд на ее столик и подоконник, заваленные немойтой посудой, молча поворачивается и уходит. Такой жест, не иначе как пренебрежительный, потрясает ее до глубины души. Она устремляется к себе, хлопает и без того расхлябанной дверью. Он ненавидит ее. Презирает! Трудно жить в согласии с тезисами Луизы Хэй.

Волк не проснулся даже тогда, когда она швырнула в него халатом. Перегар от вчерашней сивухи становится невыносимым, настойчиво выталкивает ее из комнаты. Отчаянно хочется

материться и реветь. Тыльной стороной ладони она протирает глаза, уходит в ванную. Газовая колонка не работает, холодный душ не привлекает. Она забирается в ванну, сбрасывает одежду, склоняется под краном. Ощущая прилив сил, победно оглядывается назад, а там, в проеме двери, стоит *Кот*, зачарованно рассматривает ее.

Можно представить состояние зрелого мужчины, когда он пришел побриться и увидел огромные ягодицы, колыхающиеся в ритме движений взбудораженной женщины. Тут уж все конечности могут подняться выше глаз.

– Что застрял-то, – завораживающе пропела она, не меняя позы.

Застигнутый врасплох, *Кот* совсем растерялся. Резко закрыл дверь и, нелепо размахивая руками, под мелодичный смех, поспешил к себе. Рухнул на диван, закрыл лицо руками. Чувствовал, как болезненно сжимается сердце. Увиденное зрелище навсегда останется в памяти.

Влажное прикосновение вызывает эффект, как от электрического разряда. Он вздернул голову, и... ничего нет. Дьявольское наваждение будет преследовать, пока... А что должно произойти? Можно подумать, изголодался по женщинам. Страдает и не знает, что за дверью томится *Бестолочь*, никак не может решиться войти. Ее душа томится из-за нехватки мужской ласки, она знает наверняка о взаимном желании соприкоснуться гениталиями. Слышит шлепанье босых ног в своей комнате, миглом влетает в ванную, открывает кран.

– А-а, ты здесь, – хрипловато буркнул *Волк*, просовывая сзади руку ей в трусы. – Шастаешь голая по квартире, приключения ищешь.

– Перестань! – она отбросила его руку, распрямилась. – Они почище тебя алкают, спят за милую душу.

– Можешь опять наклониться!? – просительно, непохоже для него, простонал *Волк*.

– Хватит! Вчера измочалил, уже ноги не могу сдвинуть.

– Ну, это я могу, – довольно хрюкнул приятель.

Мерзликина бросает в раковину полотенце, уходит прочь. Из ванной доносятся звуки льющейся воды и мучительные сморкания хрюкача. Она берет на кухне сигарету и, в размятом халате, отправляется в комнату. С пробуждением *Волка* соседи забились по своим углам, и все-таки пережитые волнения вызывают спазмы дыхательных путей. Она судорожно выпускает колечки дыма, смахивает с глаз накатившиеся слезы.

Чего хотела достичь? И куда устремлялась. И возможно ли. Может, вспышка страсти вызвана жаждой власти. Казалось, достаточно совокупиться с *Котом*, и он будет марионеткой в ее руках, его духовный мир станет ей доступным, уязвимым для ее возможностей. Она не уверена в успехе, но тем более цель становится заманчивой.

Искушенный читатель может посетовать: автор ничего нового не говорит, пересказывает старую сплетню на новый лад, проблемы коммуналок повторяются повсюду, не стоит переводить бумагу и отнимать время у доверчивых граждан, наивно верящих в возможные открытия. Но автор расширяет рамки коммунального быта до размеров большого города. Чего там города – страны! Когда на ослабленную в конфликтах территорию проникают криминальные элементы, а разногласия отдельных людей могут привести к физическим и психологическим войнам в масштабах всего общества и даже человеческим потерям. Самые достойные граждане становятся заложниками грубых и невежественных людей ввиду своей порядочности и, соответственно, уязвимости. Точно также понятием общежития можно охватить планету со всеми народами и национальностями. Всюду есть свои *волки* с нелепыми амбициями и неумеренными аппетитами.

Волк он и есть волк, его устраивает лежбище у подруги. В то время как органы внутренних дел сбиваются с ног в поисках особо опасных преступников, он мирно посапывает в теплой постели, развлекается с роскошным телом Мерзликиной, одновременно расчищает путь к присвоению квартиры. Звериное чутье подсказывает: *Кот* далеко не простачок, за скромной

внешностью ощущаются накопленные знания и уверенность в своих силах, его голыми руками не взять. Человек-охотник, в то время, как самому *Волку* надо всегда убегать и скрываться. Очень плохо!

Да, его напрямую никто не беспокоит, но есть к нему подозрительное внимание и скрытая неприязнь. Лариске тоже доверять нельзя, она не прочь от него избавиться. Теперь для полного спокойствия надо *мочить* обоих. Узколовов не в счет. Вконец запуганный, старик потихоньку спивается, на глаза старается не попадаться. В туалет ходит обычно в своей комнате – на горшок. Проще всего прикормить пьянчужку. На случай неожиданной и преждевременной развязки сгодится в качестве удобного свидетеля, старика никто не обвинит в предвзятости или лжесвидетельстве.

Стратегический план, имеющий в основе спаивание старика, кажется все более выполнимым. Поэтому *Волк* воспользовался отсутствием Мерзликиной и Вадеева, прогулялся к знакомой старушке за самогоном, постучался к Узколовову.

– Эй! – не громко окликнул он.

– Я сплю, – отозвался робкий голос.

– Пойдем ко мне, я хочу угостить тебя.

Фраза повисает в тишине. Павел Семенович осмысливает предложение, боится подвоха. И все-таки соглашается. Пусть он предает *Кота*, но теперь начнет жить по-человечески, не станет бояться выходить на кухню.

– Я сейчас.

Волк повернулся и зашлепал к себе. Посмотрел на пустой стол, сходил на кухню, где из холодильника Мерзликиной выудил тощие запасы – так, для видимости. Старик явился помытый и причесанный. Лицо озаряется счастливой улыбкой. Без сомнения, приглашение он принял как праздник. Пусть *Кот* презирует его за малодушие, но *Волк* поважнее, Узколовов ему доверяет. В доказательство он, долго не раздумывая, одним разом опрокидывает в рот полный стакан самогона, слюнявит соленый огурчик.

– Извини, дорогой, но вот за это приглашение я тебя очень уважаю, – шамкает он беззубым ртом.

– Ты скажи, о чем вы разговариваете с *Котом*.

– О чем с ним говорить... так, молод еще, – развязно произносит старик, просительно поглядывая на бутылку.

– Да жалко, что ли. Пей! – И *Волк* щедро плещет в стакан. – Ты хочешь со мной дружить?

– А как же! – обрадовался старик. – Я ведь добрый человек. Если ко мне с душой, то я в доску разобьюсь, но... для тебя...

В голосе Узколовова появляются сентиментальные всхлипывания, а после третьего стакана на губах лопаются мелкие пузырьки, увлажняя реденькую бородку. Такого зрелища долго терпеть невозможно, поэтому *Волк* торопливо наливает четвертый стакан.

– Вот, пей и топай на диван!

– Дорогой, как я тебе благодарен! – захныкал Павел Семенович. – Да я, да за тебя... и Ларисы – тоже... А здорово мы придумали!

– Мы успеем поговорить, а теперь... Ты что же, до туалета потерпеть не можешь!?

Действительно, старый человек обделался самым банальным способом, то есть не расстегивая штанов. Запах невозможный, и если бы не далеко идущие планы, то *Волк* не стал бы церемониться. Он стерпел подступающую тошноту, дотаспил пьяницу до дивана. Чтобы приглушить гадкие ощущения, сразу же принял ударную дозу самогона.

Нервы размягчились, появились фривольные мысли. Он прилег на кровать, в приятном томлении прикрыл глаза. Только бы появилась Лариска. Он зубами сорвет с нее трусики и тут же... Воображаемая сцена кажется настолько соблазнительной, что *Волк* поднимается на ноги, нервно ходит из угла в угол. Останавливается у стола, поднимает стакан с самогоном,

слышит хлопок квартирной двери. Судя по характерным звукам, пришла Лариска. Все получается как нельзя лучше.

VI

В то время, как в коммунальных квартирах происходят скандальные разборки или вынашиваются далеко идущие стратегические планы, Вадеев наслаждается атмосферой тишины и покоя. Он воспользовался приглашением Лидочки, хотя не испытывал особой страсти или обычного сексуального влечения. Ему хотелось простого человеческого общения. Она показала сборничек стихов, изданный в детском возрасте. Подумать только – четырнадцать лет! Покорила его далеко не детской глубиной мышления. Его комплименты не вызвали ответных эмоций. В отношениях с ним она всегда остается верной отработанному распорядку: ванная, застолье, секс и – крепкий сон. И был ли творческий праздник? Проснулся рано, тихо встал, пошел на кухню. Почти не дышал, чтобы даже воздух не шелохнулся.

В соседней комнате постанывали дети, переживая во сне прошедший день. Он крался мимо их двери – совсем чужой человек, хотя они искренне радовались его появлению, называли папой. Убеждал себя, что не имеет права на детскую доверчивость, близость с их мамой еще не повод обрекать невинные души на психологическую зависимость. Нет, они – не его дети.

Вадеев удобно располагается за кухонным столом, начинает перечитывать полюбившиеся стихи из книжки-брошюры. Накануне прослушал вскользь, но только теперь появилась возможность осмыслить содержание. Он удивляется причудливости, с какой незатейливая шаловливость в детских стихах может со временем воплощаться в реальных поступках. Уже проявляется в жизненных комбинациях. Книга является точным психологическим автопортретом автора, от нее веет своеобразным предупреждением. Сама Лида не желает зла, но есть у нее патологическая склонность к интригам как образу жизни. Если бы не ее легкомысленность к возможным последствиям! Пусть интуитивно, но пока удавалось сохранять с ней безопасную дистанцию. А что дальше? Он раскрывает записную книжку, некоторое время размышляет и, наконец, уверенным почерком делает запись. *Никакая сила не заставит меня идти к этой женищине. Я уверен, Интриганка — самовлюбленная эгоистка, культивирует свой образ жизни, несовместимый с интересами других людей. В ее понимании общество – это шахматная доска с бездушными фигурами.* А сам он считается с окружающими людьми?

Отложив ручку, прислушивается. Так и есть, Лида почувствовала его отсутствие, встала с постели. На ощупь бредет к нему – на кухню, останавливается в дверном проеме, бессмысленно смотрит на него и поворачивается в сторону туалета. Именно в этот момент он увидел на холодильнике пухлый незапечатанный конверт.

Нет привычки читать чужие письма, а тут... вынул из конверта испещренный лист, адресованный какому-то Виктору. Письмо, пусть даже незаконченное, не оставляет сомнений в его направленности. Да, Лида имеет обширную любовную переписку. Смешно представить, чтобы она воспринимала его всерьез. Он, видите ли, находится в плену личных психологических поисков, она вынуждена за всем этим наблюдать и гадать, в какую степь его понесет. Она права, никому не нужен *чесоточный*, поэтому у нее есть запасные варианты. Но своим примером она освобождает его от каких-нибудь моральных обязательств.

На такой оптимистической ноте он закрывает записную книжку. Не дожидаясь всеобщего пробуждения, неслышно завершает свою экипировку, также тихо выскальзывает из квартиры. На ходу шепчет запавшие в душу строчки из ее сборника стихов. Жизнь не кажется скучной, Лида привнесла в нее много свежих красок. Пока есть привлекательные своими талантами женщины, всегда найдется повод порадоваться. И он почти счастлив.

При бестолковой неупорядоченной жизни дни теряют очертания, утро быстро сменяется вечером. Только что слышала брзжание больного с похмелья старика, а теперь уже ночь.

– Марк Чэпмэн убил Джона Леннона, – тихо бормочет *Волк* и тут же засыпает.

– Ха-ха, – реагирует Мерзликина. – Ты что, знаешь даже это?

Послушала храп приятеля, прилегла на край постели. Фраза не дает покоя. Уж не считает ли он *Кота* большим человеком. Зауважал? *Кот* представляется все более загадочной личностью. *У тебя квинтэссенция этической глухоты.* Зараза! Какие-то слова... И на черта его слова! Разве он не такой же человек, как все? Ерунда!

Все непонятное пугает ее, как обычно бывает с людьми недалекими. А вдруг!? Благодаря заботам *Волка* по уничтожению *Кота* и его влиянию на старика, сохраняется уверенность в собственных силах. И вообще, она ничего не знает, но интересно, как *Волк* осуществит план. Главное, остаться в стороне. С нее взять нечего, и ребенок числится за ней – уже смягчающий факт.

Марк Чэпмэн убил Джона Леннона... И скажет тоже! А почему убил? Потому что не мог перенести чужого успеха? Ерунда! Моральное превосходство – вот что самое невыносимое. *Коту* наплевать на бытовую суету, у него каждый день масленица. И теперь по звукам в квартире понятно: он сидит у Павла Семеновича, они оба над ней изгаляются и пьют водку. Для них она пустое место.

От глубокой обиды настроение Мерзликиной вконец портится, она уже не отдает отчета в своих действиях. Встает и, как есть в трусиках и короткой ночной рубашке, выходит из комнаты, пересекает коридор, толкает дверь в комнату старика. Худшие ожидания находят подтверждение – оба соседа сидят самодовольные и мирно беседуют. Ярость искажает ее лицо.

– Зараза! Зачем ты изгаляешься надо мной! – С этими словами несчастная женщина набрасывается на *Кота*, опрокидывает его вместе с табуретом.

– Что это с ней? — *Кот* возвращается в исходное положение.

Старик молча пожимает плечами, обращает мутный взгляд на полуголую соседку. Зато *Кот* улавливает психологический нюанс – молчаливое взаимопонимание *Бестолочи* и *Вредителя*. Они оба ждут. Чего? *Бестолочь* вовремя опомнилась, заметалась, исчезла за дверью.

Уже лежа в постели, она хотела осмыслить спонтанный поступок, но всем нутром и ягодицами чувствует поползновения приятеля, удовлетворенно закрывает глаза. *У него такой возможности нет,* – уже победно думает она.

Несмотря на природную застенчивость, усиленную собственным воображением, Вадеев посетил больницу. Врач-женщина сразу определила чесотку. Почему-то весело рассмеялась, задала пару незначущих вопросов, выписала рецепты на таблетки и серную мазь, проводила многозначительным взглядом.

Каждый день после акта любви они выполняли обязательный ритуал – поочередно втирали друг другу неприятную на запах мазь. Процедура необременительная, в большей степени приятная, оправдывающая некоторые вольности в манипуляциях рук. И Вадеев подозревал, что Лида от его втираний испытывала немалое удовольствие – ловила кайф, но предусмотрительно помалкивала. *Вот здесь, да. Чуть нежнее! Молодец! Из тебя получится хороший массажист. Теперь поцелуй меня.*

Вошло в привычку при встрече снимать всю одежду, постирывать ее и дожидаться в постели, пока она высохнет. И все равно серный запах обладал устойчивостью, исчезал медленно, привлекал внимание окружающих людей – будь то на улице или в общественном транспорте. И все же ко всем неприятностям можно привыкнуть и даже над ними посмеяться.

– А я-то начала чесаться... Вроде все нормально, а потом – зуд. Смотрю на тебя, ты не шелохнешься. Ну, думаю, хитрец! Или он терпит, или здесь совсем не то. Так ведь еще и стыдно, будто я во всем виновата... Ну и подлец ты! – Она заметила его подавленный вид, поправилась. – Прости, прости!

– Каково было мне, – однажды набрался храбрости Вадеев. – Мы с тобой уже переспали, а потом я обнаружил признаки чесотки. И поздно что-нибудь исправлять.

– Мог сразу сказать! – потеплел ее голос.

Недоверие и болезнь остались в прошлом, перед глазами свежая постель, далеко не с серными запахами. Ночь звездами подглядывает в окно, звучит космическая музыка, в полумраке ярко горит свеча. *Интриганка* лежит поверх постельного белья, свободно раскинув руки и ноги, соблазнительная в своей обнаженности. Магнитофон воспроизводит странные шелестящие звуки. Он, еще мокрый после ванной, таращится на ее хрупкое, почти детское, тело, мысленно восторгается утонченной красотой. И откуда в таком маленьком нежном теле берутся безграничные силы!?

– Подожди, не спеши, – шепчет она. – Я пытаюсь найти контакт с Космосом: положительные заряды благотворно влияют на придатки.

Ее холодная рассудительность может похоронить любую страсть. Внешне она проявляет психологическую сложность, сознательно показывает рисунок, пусть даже затейливый, на математически рассчитанной простейшей форме. В общении с ним *Интриганка* напоминает главную героиню из романа «Унесенные ветром». Задумывалась она или нет, но привлекательность литературного персонажа вдохновляет, увлекает и придает ей уверенности в выстраивании личной жизни. Хотела она или нет, но моральная поддержка книжной героини позволила ей избавиться от многих психологических комплексов, а напористость и обезоруживающая открытость стали частью ее имиджа. *Кот* с иронией воспринимает ее психологическую игру, понимает и уже не видит в ее опытах угрозы для своей независимости. Его забавляет детская наивность и привлекает поэтический дар маленькой женщины. Если бы еще не ее убийственная расчетливость.

Она посчитала, пора переходить к новому этапу их сближения, доверила свой личный дневник. Весь вечер он увлеченно читал, пока не обнаружил в записях нечто, разрушившее остатки сомнений. Рукопись обретала форму романа, причем пристрастного – в том виде, в каком выгодно показывать любому человеку, не помешанному на морали.

На протяжении всего дневника прослеживается образ ее бывшего учителя – Владимира Ивановича. С ним она мысленно советуется, воображает его своим мужем, в иных случаях – потенциальным любовником. Может быть, процесс идеализации учителя так увлек Вадеева, что он не торопится расстаться с дневником, а значит – с *Интриганкой*. Она выглядит забавной в своих фантазиях, часто показывает себя неопытной девочкой, которую он не вправе обижать. Ей хочется такой казаться, на самом деле она высокого мнения о себе – как женщине, способной на сложные интриги. И прав Ларошфуко, верный способ обмануться – считать себя хитрее других. Еще бы! Вадеев существует для нее только в образе *Кота*. А если бы прозрела?

– Как теперь ты относишься к Владимиру Ивановичу? – подчеркнуто равнодушно спросил он, обняв ее узкие плечи.

– Как?.. Ну, он мне дорог, много для меня сделал.

– А если бы он за тобой приударил, ты бы с радостью приняла ухаживания?

– Наверное, отдалась бы.

– Да-а? – растерялся он от подобной откровенности. – Это что же, я разыгрываю любовь, а ты можешь за просто так переспать с другим человеком? Цинично об этом заявляешь.

Она поняла, но поздно. Прижалась плотнее.

– Ну, прости! Ты помог мне реализовать себя. И потом... у тебя такое сладкое сексуальное тело. Прости меня!

– Не изворачивайся!

Итак, появился повод. Он мягко отстранил ее руки, поднялся, медленно стал одеваться.

– Ты уходишь?

– Да. Ты меня огорчила, и я хочу побыть один.

– Фи, на улице стемнело, тебе нельзя идти.

– Ничего, на последний трамвай успею.

– Ты плохой человек, я перестану тебя уважать! – В словах начала просачиваться ярость. – Забери свои подарки и никогда не звони!

– Хорошо, но в другой раз.

Пока она ищет способ побольнее *ударить* его, он успевает сгрести в охапку свою одежду и выбежать из квартиры. Полуодетый, в расстегнутом пальто, не дожидаясь лифта, устремляется вниз по лестнице.

– Валера, вернись! – подхлестнул его испуганный голос сверху.

– Созвонимся! – отмахивается он на запоздалое требование, радуясь одержанной победе.

Необычайно привлекательное сочетание – рекламные огни и только что выпавший снег. Естественным выглядит красочное многолюдье запорошенных улиц и бульваров. Вадеев затерялся в толпе, растворилось его сознание в эйфории погожей ночи. Наутро очнулся в постели с головной болью и слабостью во всем теле. Смутно помнятся стойка бара, бокал винного коктейля в руке, шумная компания в небольшом скверике. Заявился домой за полночь, с какой-то радости добавил стакан водки, дожидавшейся с прошлой недели.

Ах ты, грязная пьянь, чертополох, гниющий среди майских цветов! – так возмущалась совесть над его похмельными останками. И все из-за любви к свободе от *унесенных ветром*. Не хотелось ему становиться жертвой расчетливой Лиды, поэтому праздновал освобождение. Болезненно отозвался в мозгах квартирный звонок. Вышел в коридор, открыл дверь, а там две уличные особы – ищут дешевых развлечений. Ему тоже не мешает подлечиться, и он предоставил им деньги. Они быстро продефилировали до коммерческого киоска, а при возвращении все вместе закрылись в его комнате.

Если даже соседи слышали бряцанье посуды, невнятное бормотанье и стоны, то все равно не могли представить истинную картину происходящего. Все были пьяны, постель разбросана, творился сексуальный бардак внутри деградированной троицы. И так весь день. Барышни, не очень избалованные мужской цивилизацией, принимали события такими, какими преподносила им жизнь. *Кот*, в свою очередь, стремился удержать за собой воображаемую свободу. Поэтому, к обоюдному согласию, они все перецеловались, а к полуночи забылись безмятежным сном.

Следующий день застал их в сложных позах, не в лучшем виде растленные души. Ничего не хотелось кроме покоя, и *Кот* догадался послать женщин за водкой. Утренний рассвет навсегда поглотил пьяных уличных торговков, ошарашенных денежным подарком. А в его сознании зарождались драконовые мысли, полные ядохимикатов.

Он лежал в постели, когда прозвенел телефон. Тревожный голос *Интриганки*:

– Как ты там!?

– Ночь не спал, – с трудом шевелит он языком. – Точнее, спал, но не один.

– Придешь ко мне? – не поняла она.

– Нет! Когда мы вдвоем, нам плохо.

– У тебя женщина?

– Две – обе голые, и я страшно устал от беспокойной ночи.

– Это правда?

– Да.

Она положила трубку. Кажется, ему повезло: не будет ссор и обид. Пусть она включает музыку, ложится голая на постель, раздвигает ноги и выходит на связь с Космосом. Или предается мечтам о Владимире Ивановиче и удовлетворении с ним похотливых желаний. Теперь все равно. Надо оставаться самим собой, даже если по уши в дерьме. Стерильная жизнь тоже надоедает.

После короткого телефонного диалога ночное приключение не кажется бессмысленным. Вывалялся в грязи – это точно, но результат превзошел ожидания: сохраняется независимость

без насилия над собой, пакости тоже никому не сделал. Отвечать придется только перед богом, а бог милосерден и все простит. Если Вадеев опустился настолько низко, что ниже некуда, то может считать себя новорожденным на пути к великим деяниям. И всегда ему будут содействовать только благие намерения.

При благотворной мысли *Ком* с удовлетворением отмечает прилив новых сил. Он идет в ванную, включает душ и тщательно выскабливается щеткой с мылом. После завтрака полчаса трудится над плакатом: *Не пить, не курить – быть счастливо!* Внизу ставит подпись, творение помещает в комнате над входной дверью.

С лучшими намерениями совершается множество глупостей. И он успел накуролесить, хотя *Интриганка* в упор не видит, или не хочет видеть, его неблагоприятных поступков. Все попытки обострить отношения до полного разрыва наоборот разжигают в ней страсть. Ее сексуальная заразительность не может оставить его равнодушным, иначе не думал бы о ней и не шел бы на встречу по первому зову. Беспроектный вариант, когда инициатива для разрыва будет исходить от нее. Он закончит ее портрет, покажет во всем блеске ее безобразность, и она возненавидит его. Конечно, дама привлекательная во многих отношениях, он по-своему даже любит ее, но не станет ее жертвой. Разрыв неминуем. Творческий порыв, подкрепленный уверенностью в успехе, не позволяет дожидаться рассвета. Сейчас или никогда!

Вадеев разложил карандашные наброски, тщательно их проанализировал. В каждом из них есть что-то от Лиды, но нет законченного образа – такого, каким он виделся ему, а именно – интриганки. Оставалось обобщить, найти необходимую цветовую гамму, соответствующую преисподней – этой женщине, воспитанной книгами типа «Унесенные ветром». Непременно будут присутствовать голубые и зеленые цвета. Огненный цвет – проявление ее характера, жажда разрушения. Разве она не разлагала его личность. Женщина – вампир. Губы влажно-алые от свежей крови. Конечно, банально, но без экспрессии совсем скучно.

Он радуется творческой удаче. Если не любит, то изобразит маленькую коварную женщину как воплощение темной силы, то есть с безумными глазами и зеленовато-синим лицом. Или нет, он не смеет искажать действительность. Она не переставала удивлять его, принесла ему немало приятных часов, повысила жизненный тонус.

Прежде всего – страсть, она радужным веером рассыпается в ее короткой стрижке. Достаточно огненная, чтобы не сомневаться в силе духа этой, далеко не слабой, женщины. Глаза несколько больше, чем на самом деле, пусть они отражают мечтательность и порочность. Губы тонкие, змеевидные – в коварной улыбке.

Получился неординарный портрет. Выполнен профессионально, нравится Вадееву. Радость переполняет его. Наверное, это и есть свобода, о которой он мечтал. Лида будет шокирована, но согласится с трактовкой своего образа. Хотя... во время работы он обнаружил в ней привлекательность, какую раньше не замечал. Не тот ли случай, когда мужик корову продавал? Нет, нельзя раскисать, она не имела права использовать его в эгоистических целях. Не задумывалась, хочет ли он устраивать свою судьбу в соответствии с ее интересами, не пожалеет ли на склоне лет о неправильно прожитой жизни.

Наконец-то портрет закончен, можно с улыбкой вспоминать эпизоды, связанные с ветхим сараем и чесоткой. Сексуальные отношения потеряли приятную новизну и сохранились до последнего дня благодаря ее инициативе и его инфантильности. Он останется один – без любви, но в дружбе со всем миром. Разве не поэтому он хочет, чтобы все умерло само собой – безболезненно. И за телефон берется с добрыми намерениями.

– Привет! Наконец-то я закончил твой портрет.

– О, как я рада! Наверное, нос, как у Бабы Яги. – По ее интонациям понятно: она не спешит расставаться с иллюзиями.

– Нос нормальный. Я доволен своей работой, а такое не часто бывает.

- Валеронька, прости мои капризы. Я тебя обидела, но как-то нечаянно.
- Пустяки! Наши отношения сами отмирают, а портрет – всего лишь подведение итогов.
- Ты уверен в своих словах?
- Да. При первой возможности завезу картину, хорошо?
- Когда!? Давай к женскому дню.
- Да, послезавтра, – задумчиво отвечает он, кладя трубку.

Как здорово сразу покончить со всеми сомнениями! Пока ничего кардинально не поменялось, но будущее видится в мажорных цветах. Посещение Лиды – опять же ритуал освобождения. От чесотки? Скорее бы!

Интриганке в голову не приходит, какими психологическими опытами занимается Вадеев. Иначе бы поверила в иллюзорность своих планов. Она не понимает его. Ну, что тебе надо еще? Я могу накормить тебя, уложить рядом. Бери – не хочу! Не отказываю тебе ни в чем, а ты все куда-то рвешься. Вот я – перед тобой. Бери же!

Да, она ни в чем не отказывала. И все же в самоотдаче видится много фальши, расчетливости, еще больше – самоуверенности. А интриги... этой склонности способствуют необременительная работа, связанная с учетом расходов-приходов лекарственных препаратов, и бесконечные сплетни с сотрудницами. Благодаря интригам легко избавилась от надоевшего мужа, трехкомнатную квартиру оставила за собой. Опасная женщина. А он? Почему-то его поступки ее саму интригуют, хотя он далек от мысли вводить женщину в заблуждение, изображая из себя ответственного человека. Что касается предстоящей встречи... трудно предсказать результат.

Для Лиды предпраздничный день особенный. Вечером надо подготовиться к приятной встрече с обязательным эротическим шоу. Главное – разнообразие. Надолго ее не хватит, но успеть закрепить успех – неперемное условие для перспективы их совместной жизни. Потом трава не расти – пусть изменяет. Она тоже в долгу не останется, достаточно внешнего приличия. Что же она хотела сделать... конечно, стриптиз в красных панталонах. Она будет откровенно и бессовестно соблазнять его. И потом... женщина с множеством телесных сигналов чаще привлекает мужчин. Ну и смех!.. Так рассуждала Лидочка, сидя в рабочем кабинете. Дверь приоткрылась, просунулась пышноволосяя голова.

- Лидка, ты одна?
- Заходи! Опять с мужем поссорилась?
- Как догадалась?
- Пуговица на кофточке расстегнута.
- Да-а.

Наташка, симпатичная пухлая брюнетка, постоянно провоцировала мужа на ревность. Неосознанно. Вообще трудно отнести ее к человеческой природе. Живет инстинктами, импульсивно, является полным контрастом мужу. Отсюда конфликты и, как ни странно, взаимная сексуальная привлекательность.

- Ничего, переспишь с ним, и опять все будет хорошо.
- Не знаю! Ревнует к каждому дереву. С кем не заговорю, он тут же на дыбы. Обзывает на чем свет стоит. Конечно, я в долгу не остаюсь. А как иначе! Вчера принес носки. Кто-то подарил. Представляешь!?

Ее речь всегда очень эмоциональная и выразительная. Надо еще добавить к внешнему облику черные навывкат глаза – немного глуповатые, мясистые губы, сложенные в трубочку. А вообще очень аппетитная, спелая вишенка, готовая вот-вот лопнуть от избытка сока.

- Ха-ха! – не выдержала Лидка. – Радоваться надо!
- Что-о!? Говорит, подарили ему. Конечно, подарили. Носки ручной вязки. Кто-то же его ублажает. Взаимно. Что я могу думать после этого?.. Только не целоваться!
- Фи, плюнь и забудь!

Лида рассматривает себя в зеркало, с грустью отмечает появление морщинок. Кажется, возрастной пик проходит, надо срочно обустроить личную жизнь, детям нужен отец. Теперь еще труднее завоевать Владимира Ивановича. Подумать, столько лет, и все напрасно. А то Валерка... ничто он против Владимира Ивановича. Тот талантливый учитель, а тут какой-то безымянный художник, при том же нищий, в жизни ничего толком не видевший. Из-за принципа надо женить его на себе и наставить ему рога.

Утром на работе столкнулась с Алексеем. Три года назад вместе работали на *скорой*. Любовь начиналась пожирающая, а закончилась банально, как и все доступное. Спросил, как жизнь, не пора ли разнообразить сексуальные отношения, а то ему, видите ли, жена приелась. Наглец! Хотя... как сказать. И не надо привыкать друг к другу. Правда, в последний раз он просто не смог. Мужское начало не сработало, и она не желает повторения. Смехота! Она-то разгорячилась, облобызала с ног до черт знает чего, а в итоге – пшик.

– Значит, советуешь помириться? – почти соглашается Наталья.

– Конечно. Ты, мать, тоже не святая.

– Не святая... что ты хочешь этим сказать?

– Что слышала. Не прочь гульнуть при возможности.

– Но не до такой степени!.. А может и права. Он не удовлетворяет меня как мужчина. Вроде бы видный, высокий, стройный красавец, а в постели – куда что девается...

– Дура ты! У тебя есть мужик, его держись. Остальное – приложение, и касается только тебя.

Лида провела красной помадой по губам. Почему-то Вадеев считает ее вампиром. И он прав. Чего греха таить, она никому не приносила счастья, а если заглянуть в душу... Лучше не надо!

– Как у тебя дела с Валерой? – сменила тему подруга.

– Фи, ничего определенного. Устраивает как мужчина... раскрепощен. Получаю то, чего не видела от других.

– Как я тебе завидую!

– Ты что, мать, сдурела? Свое счастье самой надо ковать.

– При моей-то комплекции?

– А что? Ты женщина сверх привлекательная. Наконец, тебе что важно – благополучие семьи или постельные утехи? Найди достойного любовника, вот тебе и гармония.

– Лидка, ты говоришь о разврате. И какой порядочный мужчина будет делить свою женщину еще с кем-то? Мне самой страшно признаться в своих наклонностях.

– Так прояви их с мужем.

– Если проявлюсь, он еще больше станет ревновать.

– Ну, хватит! Рабочий день закончился.

– После праздника приду, погадаешь на картах?

– Приходи.

Расстались при выходе из здания. Лидии сразу повезло: повстречался Петька – сосед по подъезду, предложил подбросить на *скорой*.

В машине тепло и уютно. Они переглядываются через зеркало заднего вида. Петр выглядит явно озабоченным. Сексуально, конечно. Тоже семейные проблемы. А на станции скорой помощи наступил период беспредела: все со всеми переспали. Только санитарка Ленка – еще девочка, избегает близости с мужчинами, мечтает об идеальном муже. Всю жизнь воспитывалась при одиоком отце, и, надо же, он помог сохранить целомудрие. Это мужик-то.

– Я тут припас в подарок книгу. – Петр покосился на заднее сиденье. – Как раз в твоём вкусе.

– Ой, люблю книги!

Он приостановил машину, вынул из *бардачка* томик маленького формата – Каиро «Книга о судьбе и счастье», перегнулся через кресло, положил ей на колени. Мимоходом пытался уловить ее реакцию. Ясно, не клеится с женщинами.

– Как ты считаешь, могу я понравиться?

– Что?

– Тебе я нравлюсь, хотя бы чуть-чуть? – как будто между прочим спросил он.

– Ты очень хороший человек, Петя. Любая женщина может полюбить тебя.

– За что любить-то? – усмехнулся Петя, обнажая выщербленные зубы.

– Как за что!? – изобразила она искреннее возмущение. – К женщинам относишься с любовью, представительный, умеешь делать подарки.

– И только?

– Остальное мне неизвестно, – пришло время ей улыбнуться.

– А ты можешь полюбить?

Кажется, он поставил цель *скадрить* ее, а у нее другая задача – закабалить Вадеева. Пора его остановить.

– Высади здесь!

– Но тебе далеко до дома.

– Пройдусь по магазинам.

Она сказала почти правду. Надо купить что-нибудь вкусенького к праздничному застолью. Встреча может оказаться многообещающей, нельзя упускать мелочей. От режиссуры ее проведения зависят далеко идущие последствия.

Машина остановилась, взгляд Петра сопровождал ее до входа в магазин. *Нет, не получится из него любовника*, – мысленно думает Лидочка. – *Слишком вялый, маловато фантазии, наверняка и целоваться не умеет*. У нее на мужиков взгляд наметанный. И внезапно появилась тоска по Вадееву. Если он ее бросит, то это будет для нее самое серьезное испытание после развода с мужем.

При жгучей мысли ноги сами понесли ее к прилавкам, потом – в детский сад и домой. Сбросила верхнюю одежду, сразу же поставила на плиту кастрюли, отправила ребятишек в ванную, занялась личным гардеробом.

Из ванной доносятся плеск воды и возгласы мальчишек. Для них она борется за Вадеева, а так... мало мужиков, что ли. И почему взвинтилась? Надо успокоиться. Лида прошла в спальню, вынула из тумбочки заветную тетрадь, сделала запись. *Дорогой Владимир Иванович, я тебя очень люблю, но ты всегда отталкивал меня – не воспринимал как женщину. Завтра я изнасилую тебя, буду делать с тобой все, что захочу*.

Подумала, спрятала тетрадь под ворохом белья, усмехнулась. Завтра она принесет Валеру в жертву своей главной страсти. Он считает себя покорителем женских сердец, но не догадывается, что в его лице она будет воспринимать только Владимира Ивановича. Она одарит учителя любовью и отомстит Вадееву за ущемленное самолюбие. Подняла трубку, набрала номер.

– Привет! Я по тебе скучаю. И еще я приготовила сюрприз. Думаю, понравится... Э-эй, ты меня слышишь? – Иногда ее голос становится обворожительным, как теперь. – Не забудь портрет, я жду.

Пусть только заявится. Она обязана покорить его. Иначе ей, как женщине, грош цена. Лида улыбается, слюнявит указательный палец, просовывает руку под трусики, нащупывает эрогенную точку, нежными манипуляциями начинает доводить себя до экстаза. Вовремя спохватывается – нельзя расслабляться до завершения праздничной программы. На кухне из всех кастрюль валит пар, в ванной кричат ребятишки. Нет, пока она не вампир, а всего лишь воробышек, чирикающий перед удавом.

Лида выглядит экстравагантно: вся в кружевах из гипюра, ярко вырисовываются бюст-гальтер и панталоны из красного шелка, на запястьях обнаженных рук те же причудливые кружева. Из магнитофона доносится пленительный голос Филиппа Киркорова.

– Сегодня я покажу тебе стриптиз, – многозначительно мигнула она, приняв скромный букет из ландышей и убегая на кухню. – А ты готовься, пойди в ванную. Все равно дети мылись, теперь долго не придут с улицы.

Кот не заставляет себя уговаривать, и она хорошо знает неудобства его коммунальной квартиры – уже в ванной краны открыла. Он быстренько раздевается, погружается в теплую воду. Приятные и спокойные мысли овладевают им. Всего лишь надо было войти в квартиру, передать картину в руки *Интриганки*, и – все. Тогда зачем залез в ванну?.. Ласково колыхнется вода.

Сама являясь творческой личностью, она неосознанно будит его фантазию, придает их отношениям поэтичность. Вот и сейчас он представляет картину, которую напишет акварелью – «Стриптиз в красном». Почему стриптиз и обязательно в красном? Тема неблагодарная, пошловатая, но он пытается осмыслить свое желание. Что-то же его вдохновляет, вызывает интерес. Наверное, женская сущность находит свое яркое воплощение именно в полуобнаженности. Каждая женщина мечтает о любви, а первый шаг навстречу – сценический ритуал. Чтобы увидеть поедающие ее глаза? И поверить в свою желанность.

И все-таки женщина выше своего окружения. Она парит над зрительным залом и сценой. Снизу дышат огненные языки. Это страсть, наполняющая своим дыханием переполненный зал. В лице стриптизерши отрешенность. Но почему? Должна быть женская заинтересованность реакцией публики. Кажется, понял. В ней проявилась актриса. Она живет в образе неотразимой красоты, находится под влиянием давящей человеческой психологии, улавливает желание зрителей, следует заданному ритму. Для убедительности необходима максимальная сосредоточенность, поэтому заметная отрешенность.

Ее движения плавны, грациозны. Она гордится собой, по-настоящему счастлива. Наконец звучат заключительные аккорды, стройная фигурка в красных панталонах исчезает за кулисами – легко и непринужденно, будто унесенная легким дуновением ветерка. Вздых освобождения эмоций. И все!

– К тебе можно? – Она заглядывает в ванную.

– Конечно.

Интриганка входит, прикрывает за собой дверь, разглядывает его в упор. Ее зрачки расширяются, дыхание становится прерывистым. Знакомые признаки проявления страсти не вызывают ответных чувств, только подавляют.

– Выходи! – шипящим голосом приказывает она и рассыпается неестественным смехом. – Я не в силах ждать.

Последующие события представляются в своей примитивной простоте. Из-за возможного появления детей придется пропустить запланированную увертюру. *Интриганка* полностью завладеет инициативой, оседлает его и запросто изнасилует – ей не привыкать. Поэтому он не увидит ожидаемого стриптиза. Но если пройдет достаточно времени, то она опять вдохновится, постарается восполнить пропущенный сценарий. Пожалуй, не стоит покидать ванну.

– Как хочешь. В горячей воде нельзя долго находиться. Происходит обезжиривание кожи.

– А я все равно полежу, хорошо?

Хлопнули входные двери, донеслись детские восклицания, сбивчивые объяснения. Дети явились как нельзя кстати – все благодаря возрастному эгоизму и детской привязанности к матери. Привязанность. Поэтому *Кот* не имеет права полюбить этих детей, чтобы при расставании не причинить им боли и самому не пострадать. В ванную заглянула она, прошептала:

– Ты пока одевайся, а я покормлю детей, уложу спать.

– Еще рано.

– Фи, они привыкли рано ложиться. Я прочитаю сказку, и они быстренько заснут. Уловил? – Она многозначительно улыбнулась.

Ее улыбка не выглядит искренней. Конечно, он понимает субъективность своего восприятия. Из-за склонности к интригам во всех ее поступках видится фальшь. Соответственно появляются отрицательные эмоции, и ничего не остается от эротических фантазий. И она не любит *Кота*, использует его в качестве муляжа для постельных радостей. Пожалуй, обожает своих ребятишек как личную собственность, в мечтах пребывает с Владимиром Ивановичем. Все живут в своем придуманном мире, и *Кот* не исключение. Поэтому *Кот*? Оба они – чесоточные, хотя для сторонних наблюдателей выглядят привлекательно. Не мудрено, если какая-нибудь рафинированная поэтесса близко соприкоснется с грубой реальностью и покончит с собой. Надо срочно изолироваться!

Он вылез из ванны, обтерся полотенцем, набросил на плечи халат Лиды, вышел. Ароматы из кухни сделали мышление более приземленным. Пусть он против прозаического секса, но нельзя обижать хозяйку в качестве способной кулинарки.

– Все! Детей накормила и уложила, – с такими словами она появилась из детской комнаты. – Ты можешь стелить постель.

Кот не возражает, а добрая мама начинает подыскивать книгу для чтения. У нее хорошо получается завораживать ребятишек, умирять их по своему желанию. Теперь чувствует его нетерпение, торопится, но вряд ли принимает близко к сердцу чужое настроение. Удивительно сдержанная женщина – в смысле сочувствия. А он расстилает постель, ощущает запах женских духов, исходящий от подушки, и постепенно учащается дыхание. К черту интриги! Появляется долгожданная Лидочка, но ее догоняет плач младшего сына.

– Мама, мне страшно!

– Ну вот, слышишь, – торопливо шепчет она и вновь ускользает к детям.

Слышу. Конечно, слышу, – мысленно повторяет *Кот*. – *Уже не долго буду слушать*. Не дожидаясь *Интриганки*, он пошел на кухню, чтобы по достоинству оценить ее труды. Что ж, все в порядке: на столе салат и отбивные с картофельным гарниром, в духовке – пицца. Очень кстати оказался графинчик домашнего вина. Когда появилась хозяйка сервировки, ее встречал веселый и дружелюбный приятель.

За ужином *Кот* внимательно слушает подружку и задается вопросом, стоит ли вообще жениться, если всякий брак, из-за различий его составляющих, изначально обречен на конфликты. И как примитивно, когда связующим элементом является только постель. Но о чем бы он ни думал, чуть позже происходит бурное сексуальное объяснение, после чего они крепко засыпают. В углу, за спинкой кресла, стоит портрет *Интриганки* в белом багете – убедительный повод для продолжения близких отношений, о чем он не догадывается.

С ее стороны предупредительность и сексуальная раскованность, а он продолжает жить в образе кота. В его понимании, отношения строятся на банальной интрижке без дальновидных обязательств. Прошло время влечения, и обманывать нет желания. Невозможно чувствовать себя комфортно в атмосфере полуискренности. Надо согласиться, провели в приятном общении немало часов, пора поблагодарить и откланяться. А как, если *Интриганка* слышать ничего не хочет, в разговорах подводит к семейному союзу. Да, он благодарен ей, не способен обидеть ее или нанести еще какой-нибудь вред. Что-то надо сделать, чтобы сама убежала от него за тридевять земель. Не в воображении, а в существующей реальности.

Кот позвонил одной из женщин, как говорит, с пониженной социальной ответственностью, работающих без посредников. Привлекательная девушка, без комплексов, и назвалась расхожим именем для девиц легкого поведения – Татьяной. Быстренько обнажилась, демонстрируя в меру пышные формы и холеную женственность. Мягкость невозможная. Можно подумать, Венера Милосская сошла с пьедестала. Что значит профессионализм. Жаль, что

безупречная красота проходит через множество нечистоплотных рук. После многолетней сексуальной практики у обоих нет сверхожиданий и неудержимого влечения, зато есть время пообщаться. Надо согласиться, именно к общению он стремился – как ритуалу душевного освобождения.

– Тебе нравится такая работа?

Она прикурила сигарету, отошла к письменному столу, в задумчивости выпустила струйку дыма.

– А как жить? Мама больная, дочь – дошкольница. Требуются дорогие лекарства, хорошее питание и красивые вещи. Я, например, не люблю ходить в стоптанных туфлях. Вот и подрабатываю. Сам понимаешь, в техникуме низкая стипендия, а бывший муж не платит алименты, иногда сам вымогает. Увидишь, он придет за мной.

– Удивительное сотрудничество! И легко развелись?

– Он не удовлетворял меня, много пил и не отличался верностью. Договориться было трудно.

– Меня удивляет легкость, с какой женщины идут в проституцию. Даже при малом воображении становится противно от возможных ситуаций. У меня сердце сжимается при мысли, что твое тело может оказаться в руках какой-нибудь мерзкой твари. И как легко духовность попадает в зависимость от материальной выгоды!

– А что делать? – улыбнулась она. – Женщины рождаются не только чтобы рожать, но, в основном, ублажать мужиков.

– Не стану скрывать, я жалею всех женщин. А их коварство и жестокость понимаю как способ выживания.

– Не обязательно жестокость, – потупилась Татьяна.

Получается, *Ком* искреннее сочувствует ей, пытается одарить душевным теплом. Нет ощущения моральной и физической грязи, к чему упорно стремился, но расстаётся с последними деньгами.

– Много бывает приглашений?

– По-разному... вчера с подругой ходили на банкет. Так, ничего особенного. Выпили, посмеялись. Были женатые мужчины, поэтому пришлось больше развлекать, чем удовлетворять.

– Что за предприятие?

– Дизайн-центр.

При ее сообщении он не может удержаться от смеха, потому что хорошо знает руководителя упомянутой фирмы, теперь владеет компрометирующей информацией. Татьяна не понимает странного веселья, с удивлением смотрит на его белозубый рот.

– У тебя, конечно, не осталось близких друзей, – пытается он развить тему, – профессия исключает глубокие чувства, и не всякий приятель смирится с такой работой.

– Почему же... работа здесь не при чем, и родители не знают. Во всем, как у других.

Каких откровений он хотел? Татьяна может рассказать что угодно, она отработывает оплаченное время. А он упускает возможность достичь поставленной цели. И не достигнет, потому что видит в ней свет и чистоту помыслов.

– Осталось пятнадцать минут, – сдержанно предупреждает она. – Скоро придет Игорь.

– Тогда иди в постель! – без всяких ухищрений заявляет он.

После душевной беседы она превратилась в обыкновенную усталую женщину, желающую простого человеческого участия и понимания. И хочется ей лежать без движений, ощущать незатейливые мужские ласки. А он-то возомнил, будто способен доставить ей сексуальное наслаждение. Святая наивность! Невозможно покорить проститутку, видевшую только мужскую похоть. Не изменить психологию, сформированную каждодневной продажностью.

– Хорошо-то как! – улыбается Татьяна, уходя из его объятий.

Она поднимается с постели, поглядывает на часы, собирает одежду. *Ей понравилось*, – тешит он мужское самолюбие. Женщина пришла уставшая, а с ним отдохнула, испытала радость человеческого общения, его опыт тоже обогатился приятным времяпровождением. Ничего исключительного не произошло, он проспится, его придумка с приглашением проститутки останется игрой больного воображения. В любом случае, нет конкретной девушки Татьяны и его моральной деградации, зато реальной становится влияние очень земной в своих проявлениях Лиды. Иначе трудно объяснить постоянное ее присутствие в его сознании с ее бесконечными интригами и милыми фантазиями. Только смыкает глаза, она тут как тут, никуда не деться от ее чувственности и безграничной самоотдачи.

...Холодная зимняя ночь. Костлявый клен за окном. На высвеченном темно-синем небе его ветви будто клетка, ограждающая домашний покой от космических волнений. Как вкрапление – ритмичное постукивание настенных часов, предупреждающих о возможной гибели.

Он всего лишь полосатая кошка, у него бесстрастный взгляд, обращенный в два противоположных мира. В одно мгновение исчезает из материального пространства, растворяется в невидимых космических лучах, потом снова материализуется. Фантастика и удобная позиция для автора-любителя посредственных живописных полотен.

Рассвет не торопится проникнуть в комнату и его душу. Наверное, в его чувственной пропасти тоже раскостлявились черные ветви – зарешеченная мечта о сказочной жизни. И что означает груда изрисованных листов в углу комнаты, если это всего лишь материализация идей, а он существо астральное – его здесь нет.

Картина над письменным столом в два писчих листа – вот его мифическое *Я*. Голова тигра с раздираемой клыкастой пастью, в ней застряла обнаженная красotka в гимнастической стойке на руках. Она будто кость, недоступная такому зверю как он. Ее красно-бронзовая фигурка аппетитна, но обилие слюны, заполняющей пасть хищника – иллюзия удовлетворения плотских устремлений.

– Картина отталкивающая, но удивительно притягивает.

Кто это говорит? Конечно, она – его последнее увлечение в этом материальном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.